

ISSN: 2181-9416

2-SON, 2026

YURIST AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

HUQUQIY, IJTIMOIIY, ILMIY-AMALIY JURNAL

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
e LIBRARY.RU

“YURIST AXBOROTNOMASI”

huquqiy, ijtimoiy, ilmiy-amaliy jurnali

№2 (2026)

DOI <https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2>

Bosh muharrir:

**KANYAZOV YESEMURAT
SULTAMURATOVICH**

O'zbekiston Respublikasi
Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti direktori,
yuridik fanlar nomzodi

Bosh muharrir o'rinbosari:

**MAXMUDOV FIRUZ
BAXTIYOR O'G'LI**

O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi
huzuridagi Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti direktorining
ilmiy ishlar va xalqaro hamkorlik bo'yicha
o'rinbosari, yuridik fanlar doktori (DSc), dotsent

TAHRIR HAY'ATI:

XURSANOV RUSTAM XOLMURATOVICH

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti direktorining
o'quv ishlari bo'yicha birinchi o'rinbosari,
yuridik fanlari doktori (DSc), dotsent

BAYMOLDINA ZAURESH XAMITOVNA

Qozog'iston Respublikasi
Oliy Sudi Akademiyasi rektori,
yuridik fanlari nomzodi

ZDROK OKSANA NIKOLAYEVNA

Belorus davlat universiteti sudyalari hamda sud,
prokuratura va adliya muassasalari xodimlarini
qayta tayyorlash va ularni malakasini oshirish
instituti direktori

OQYULOV OMONBAY

Toshkent davlat yuridik universiteti professori,
yuridik fanlar doktori, professor,
O'zbekiston Respublikasida xizmat ko'rsatgan yurist

MAMASIDDIQOV MUZAFFARJON MUSAJONOVICH

O'zbekiston Respublikasi Favqulodda vaziyatlar vazirligi
Akademiyasi boshlig'i, yuridik fanlar doktori, professor

TASHKULOV DJURABAY

O'zbekiston Respublikasi Fanlar Akademiyasi
Davlat va huquq instituti tarixiy-nazariy, davlat-huquqiy
va konstitutsiyaviy huquqiy fanlar bo'limi boshlig'i,
yuridik fanlar doktori, professor

SALAYEV NODIRBEK SAPARBAYEVICH

O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi ilmiy,
innovatsiyalar va axborot-tahliliy ishlar bo'yicha prorektori,
yuridik fanlar doktori, professor

FAZILOV FARXOD MARATOVICH

Toshkent davlat yuridik universiteti professori v.b.,
yuridik fanlar doktori (DSc), dotsent

RAXIMOV DANIYAR BAXTIYAROVICH

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti professori v.b.,
yuridik fanlar doktori (DSc)

G'AFUROVA NOZIMAXON ELDAROVNA

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti professori v.b., yuridik fanlar
doktori (DSc), dotsent

SHAKUROV RAFIK RAVILYEVICH

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti dotsenti, yuridik fanlari
bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent

RAXMONOV ZAFARJON ZAYNIDDINOVICH

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti Pedagoglar markazi mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

YUSUPOVA FARINGIZ O'KTAM QIZI

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti dotsenti v.b., yuridik fanlari
bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Mas'ul kotib:

YUNUSOVA NIGORA KAMILOVNA

Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti nashrlari katta mutaxassisi

Tahririyat bilan bog'lanish:

100105, Toshkent shahri, Mirobod tumani,
Xamal ko'chasi, 29-v uy
Web: yuristjournal.uz
E-mail: yuristjournal@adliya.uz
Telefon: +998 55-518-57-77 (715)

Общественно-правовой и научно-практический журнал “ВЕСТНИК ЮРИСТА”

№2 (2026)

DOI <https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2>

Главный редактор:

**КАНЬЯЗОВ ЕСЕМУРАТ
СУЛТАМУРАТОВИЧ**

Директор института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора:

МАХМУДОВ ФИРУЗ

Заместитель директора по научной работе и международному сотрудничеству Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc), доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ХУРСАНОВ РУСТАМ ХОЛМУРАТОВИЧ

Первый заместитель директора по учебной работе Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, доктор юридических наук (DSc), доцент

БАЙМОЛДИНА ЗАУРЕШ ХАМИТОВНА

Ректор Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан, кандидат юридических наук

ЗДРОК ОКСАНА НИКОЛАЕВНА

Директор Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета

ОКЮЛОВ ОМОНБАЙ

Профессор Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Узбекистан

МАМАСИДДИКОВ МУЗАФФАРЖОН МУСАЖОНОВИЧ

Начальник Академии Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

ТАШКУЛОВ ДЖУРАБАЙ

Заведующий отдела историко теоретических, государственно-правовых и конституционно правовых наук Института государства и права Академии Наук Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

САЛАЕВ НОДИРБЕК САПАРБАЕВИЧ

Проректор по научной, инновационной и информационно-аналитической работе Академии правосудия Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

ФАЗИЛОВ ФАРХОД МАРАТОВИЧ

И.о. профессора Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук (DSc), доцент

РАХИМОВ ДАНИЯР БАХТИЯРОВИЧ

И. о. профессора Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, доктор юридических наук (DSc)

ГАФУРОВА НОЗИМАХОН ЭЛЬДАРОВНА

И.О. профессора Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, доктор юридических наук (DSc), доцент

ШАКУРОВ РАФИК РАВИЛЕВИЧ

Доцент Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, кандидат юридических наук, доцент

РАХМОНОВ ЗАФАРЖОН ЗАЙНИДДИНОВИЧ

Заведующий Центром педагогов Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, доктор философии по юридическим наукам (PhD)

ЮСУПОВА ФАРИНГИЗ УКТАМОВНА

И.О. доцента Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, доктор философии по юридическим наукам (PhD)

Ответственный секретарь:

ЮНУСОВА НИГОРА КАМИЛОВНА

Старший специалист по издательской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров

Контакт редакции журнала:

100105, город Ташкент, Мирабадский район,
улица Хамал, 29-в.

Web: yuristjournal.uz

E-mail: yuristjournal@adliya.uz

Телефон: +998 55-518-57-77 (715)

Public, legal and scientific-practical journal of
“LAWYER HERALD”

№2 (2026)

DOI <https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2>

Chief Editor:

YESEMURAT KANYAZOV

Director of the Training Institute for
Lawyers under the Ministry
of Justice of the Republic of Uzbekistan,
PhD in Law

Deputy Chief Editor:

FIRUZ MAKHMUDOV

Deputy Director for Research and
International Cooperation of the Training Institute
for Lawyers under the Ministry of Justice
of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Law (DSc), Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

RUSTAM KHURSANOV

First Deputy Director for Academic
Affairs at the Institute for Training
Institute for Lawyers

BAYMOLDINA ZAURESH

Rector of the Academy of Justice
at the Supreme Court of the Republic
of Kazakhstan, PhD in Law

OKSANA ZDROK

Director of the Institute for Retraining and
Qualification Upgrading of Judges,
Prosecutors and Legal professionals
at the Belarusian State University

OMONBAY OKYULOV

Professor of the Tashkent State University
of Law, professor, Honored Lawyer
of the Republic of Uzbekistan

MUZAFFARJON MAMASIDDIKOV

Head of the Academy of the Ministry of Emergency
Situations of the Republic of Uzbekistan, Doctor of
Juridical Sciences Law, Professor

DJURABAY TASHKULOV

Head of the department of Historical-Theoretical,
State-Legal and Constitutional-Legal Sciences
of the Institute of State and Law of the Academy
of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Law, Professor

NODIRBEK SALAEV

Vice-Rector for Research, Innovation, and
Information and Analytical Affairs of the Academy
of Justice of the Republic of Uzbekistan, Doctor of
Law, Professor

FAZILOV FARXOD

Professor of the Tashkent State University of Law,
Doctor of Law (DSc), Associate professor

DANIYAR RAKHIMOV

Professor of the Training Institute for Lawyers,
Doctor of Law (DSc)

GAFUROVA NOZIMAXON

Professor of the Training Institute for Lawyers under
the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Law (DSc), Associate professor

RAFIK SHAKUROV

Associate Professor at the Training Institute
for Lawyers, PhD in Law,
Associate professor

ZAFARJON RAKHMANOV

Head of the Pedagogical Center of the Training Institute
for Lawyers, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

FARINGIZ YUSUPOVA

Associate Professor at the Training Institute for
Lawyers, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Executive Editor:

NIGORA YUNUSOVA

Senior Publications Specialist
Training Institute for Lawyers

Contact the Editorial Office:

100105, Tashkent city, Mirabad district,
Xamal street, 29-v
Web: yuristjournal.uz
E-mail: yuristjournal@adliya.uz
Telefon: +998 55-518-57-77 (715)

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

HOMEP 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

MUNDARIJA

DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

ESHTURDIYEVA Farangiz Baxodir qizi

HUQUQIY SIYOSAT STRATEGIK HUQUQIY BOSHQARUVNING MODEL SIFATIDA 8

KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

AZIMOV Azimbek Azizbek o'g'li

YOSHLARNING IJTIMOY HUQUQLARINI TA'MINLASHNING INSTITUTSIONAL
VA NORMATIV-HUQUQIY RIVOJLANISH BOSQICHLARI 17

KOMILOV Asadbek Maxsudbek o'g'li

SUDLAR FAOLIYATINI YORITISHDA OMMAVIY AXBOROT VOSITALARI ISHTIROKINING
KONSTITUTSIYAVIY-HUQUQIY KAFOLATLARI 32

FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

ODINAYEV Adham Sa'dulloyevich

MAJBURIYATLARNI BUZGANLIK UCHUN FUQAROLIK-HUQUQIY JAVOBGARLIKNI
ZAMONAVIY TENDENSIYALAR ASOSIDA TAKOMILLASHTIRISH MUAMMOLARI 41

DADABOYEVA Jumagul Anvarovna

OTA-ONA QARAMOG'IDAN MAHRUM BO'LGAN BOLALARGA VASIY VA HOMIY TAYINLASHDA
QO'LLANILADIGAN MEZONLAR 50

TURDIYEV Bobir Sobirovich

MILLIY QONUNCHILIK VA STRATEGIK DA'VOLAR: NIMA UCHUN MAMLAKATIMIZDA
STRATEGIK DA'VOLARDAN MUHOFAZA CHORALARI QABUL QILINISHI KERAK? 58

ХИКМАТОВ Немат Джураевич

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
АНАЛИЗ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОДХОДОВ 66

МЕHНАТ HUQUQI. IJTIMOY TA'MINOT HUQUQI

ABDUG'AFFOROV Jasur To'liqin o'g'li

JAMOAVIY MUZOKARA VA UNING IJTIMOY SHERIKLIKDAGI AHAMIYATI 74

РАХИМБЕРГАНОВ Хасанбой Давлатназарович

ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ С ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМ СОСТАВОМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ОПЫТ ЯПОНИИ 87

**SUD HOKIMIYATI. PROKUROR NAZORATI.
HUQUQNI MUHOFAZA QILISH FAOLIYATINI TASHKIL ETISH**

ABDIHAKIMOV Samandar Salohiddin o'g'li

AYRIM FUQAROLIK SUD ISHLARINI YURITISH ISHTIROKCHILARINI ISHGA JALB QILISH YOXUD
SUD MUHOKAMASIDA ISHTIROKINI TA'MINLASH BILAN BOG'LIQ PROTSESSUAL

BUZILISHLARNING HUQUQIY OQIBATLARI 97

**JINOYAT HUQUQI, HUQUQBUZARLIKLARNING OLDINI OLISH.
KRIMINOLOGIYA. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI**

ASHUROV Ulug'bek Erkinovich

JINOYATCHILIKNING OLDINI OLISH SOHASIDAGI O'ZBEKISTON VA XORIJIY MAMLAKATLAR TAJRIBASI 107

СОЛИЕВА Сабрия

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УТЕЧКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ

ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН 115

FAYZULLAYEV Aslbek Ulug'bek o'g'li

MULKNI QASDDAN NOBUD QILISH YOKI UNGA ZARAR YETKAZISH JINOYATINING

SUBYEKTIGA OID AYRIM MULOHAZALAR 124

XALQARO HUQUQ VA INSON HUQUQLARI

ЮЛДОШЕВ Сардор

ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ 133

MINGBOYEVA Sakinabonu Shuhrat qizi

RAMSAR KONVENSIYASINING O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI QONUNCHILIGIDA IMPLEMENTATSIYASI 145

ESHTURDIYEVA Farangiz Baxodir qizi
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi
Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti
yetakchi ilmiy xodimi, doktorant (PhD)
E-mail: farangizbahodirovna@gmail.com

HUQUQIY SIYOSAT STRATEGIK HUQUQIY BOSHQARUVNING MODELI SIFATIDA

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): ESHTURDIYEVA F.B.
Huquqiy siyosat strategik huquqiy boshqaruvning modeli sifatida // Yurist axborotnomasi
– Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 8-16.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-001>

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola huquqiy siyosatni strategik huquqiy boshqaruv modeli sifatida nazariy-huquqiy jihatdan tahlil qilishga bag'ishlangan. Maqola predmeti sifatida huquqiy siyosatning mazmuni, tuzilma elementlari, amalga oshirish mexanizmlari hamda natijadorligini baholash tizimi olingan. Bunda huquqiy siyosatni faqat normativ faoliyat yoki huquqni qo'llash bilan bog'liq hodisa sifatida emas, balki huquqiy rivojlanishni strategik yo'naltirish, muvofiqlashtirish va baholashga qaratilgan kompleks boshqaruv tizimi sifatida asoslash asosiy maqsad sifatida ko'rib chiqilgan. Maqolada huquqiy siyosat tushunchasining nazariy evolyutsiyasi, uning maqsadlar, prinsiplar, subyektlar, vositalar, amalga oshirish mexanizmlari va natijadorlik mezonlaridan iborat ichki tuzilmasi tahlil qilindi. Natijada huquqiy siyosatning samaradorligi uning ilmiy asoslanganlik, tizimlilik, ko'p subyektlilik, izchillik hamda konstitutsiyaviy qadriyatlarga tayanuvchi boshqaruv tabiatiga bog'liq ekani aniqlandi. Ishning ilmiy yangiligi shundaki, unda huquqiy siyosat mualliflik yondashuvi asosida davlat va jamiyat institutlarining huquqiy tizimni strategik boshqarishga qaratilgan, ilmiy asoslangan va natijaga yo'naltirilgan faoliyati sifatida ta'riflandi. Shuningdek, huquqiy siyosat huquqiy tizimni modernizatsiya qilish, huquqiy qarorlar sifatini oshirish hamda davlat va jamiyat taraqqiyotining barqaror huquqiy asoslarini mustahkamlashga xizmat qiluvchi yaxlit strategik boshqaruv modeli sifatida ko'rib chiqildi.

Kalit so'zlar: huquqiy siyosat, strategik huquqiy boshqaruv, huquqiy tizim, huquqiy rivojlanish, ilmiy asoslanganlik, konstitutsiyaviylik, huquqni qo'llash, natijadorlik.

ЭШТУРДИЕВА Фарангиз
Ведущий научный сотрудник Института
законодательства и правовой политики при
Президенте Республики Узбекистан, докторант (PhD)
E-mail: farangizbahodirovna@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена теоретико-правовому анализу правовой политики как модели стратегического правового управления. Предметом статьи являются содержание, структурные элементы, механизмы реализации и система оценки результативности правовой политики. При

этом основной целью является обоснование правовой политики не только как явления, связанного с нормативной деятельностью или правоприменением, но и как комплексной системы управления, направленной на стратегическое направление, координацию и оценку правового развития. В статье анализируется теоретическая эволюция понятия правовой политики, ее внутренняя структура, состоящая из целей, принципов, субъектов, средств, механизмов реализации и критериев результативности. В результате было установлено, что эффективность правовой политики зависит от ее научной обоснованности, системности, многосубъектности, последовательности и природы управления, опирающегося на конституционные ценности. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе авторского подхода правовая политика определена как научно обоснованная и ориентированная на результат деятельность государственных и общественных институтов, направленная на стратегическое управление правовой системой. Также правовая политика рассматривалась как целостная стратегическая модель управления, служащая модернизации правовой системы, повышению качества правовых решений и укреплению устойчивых правовых основ развития государства и общества.

Ключевые слова: правовая политика, стратегическое правовое управление, правовая система, правовое развитие, научная обоснованность, конституционность, правоприменение, результативность.

FARANGIZ Eshturdieva

Doctoral Researcher (PhD), Leading Research Fellow
of the Institute of Legislation and Legal Policy under
the President of the Republic of Uzbekistan
E-mail: farangizbahodirovna@gmail.com

LEGAL POLICY AS A MODEL OF STRATEGIC LEGAL GOVERNANCE

ANNOTATION

This article is dedicated to the theoretical and legal analysis of legal policy as a model of strategic legal management. The subject of the article is the content, structural elements, implementation mechanisms, and the system for evaluating the effectiveness of legal policy. At the same time, the primary goal is to substantiate legal policy not only as a phenomenon related to regulatory activities or law enforcement, but also as a comprehensive management system aimed at the strategic direction, coordination, and evaluation of legal development. The article analyzes the theoretical evolution of the concept of legal policy, its internal structure consisting of goals, principles, subjects, means, implementation mechanisms, and performance criteria. As a result, it was established that the effectiveness of legal policy depends on its scientific validity, systematicity, multi-subjectivity, consistency, and the nature of governance based on constitutional values. The scientific novelty of the work is that, based on the author's approach, legal policy is defined as a scientifically grounded and result-oriented activity of state and public institutions aimed at the strategic management of the legal system. Additionally, legal policy was viewed as a holistic strategic management model that serves to modernize the legal system, improve the quality of legal decisions, and strengthen the sustainable legal foundations of state and society development.

Keywords: legal policy, strategic legal governance, legal system, legal development, scientific validity, constitutionality, law enforcement, effectiveness.

Hozirgi global transformatsiyalar, raqamli texnologiyalar taraqqiyoti hamda davlat boshqaruvi modellarining murakkablashuvi sharoitida huquqiy siyosat davlat rivojlanishining asosiy strategik instrumentlaridan biri sifatida namoyon bo'lmog'da. Zamonaviy davlatda huquqiy taraqqiyot faqat alohida normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilish orqali emas, balki huquqiy tizimni maqsadli tashkil

etish, muvofiqlashtirish va boshqarish orqali ta'minlanadi. Shu jihatdan huquqiy siyosat huquqiy rivojlanishni strategik boshqarishning kompleks mexanizmi sifatida alohida ahamiyat kasb etadi.

Ilmiy adabiyotlarda huquqiy siyosatga turlicha yondashuvlar mavjud. Xususan, u davlat hokimiyatining huquqiy tartibga solish sohasidagi faoliyati sifatida talqin qilinadi [1, B.65]. Shu bilan birga, ayrim tadqiqotchilar huquqiy siyosatni jamiyat rivojlanishining ustuvor yo'nalishlarini belgilovchi strategik huquqiy faoliyat sifatida izohlaydi. Masalan, N.V. Isakov huquqiy siyosatni huquqiy tizimni muvofiqlashtirish va davlatning strategik maqsadlariga erishishni ta'minlovchi tizimli faoliyat sifatida baholaydi [2, B.3].

Huquqiy siyosat tushunchasining shakllanishi tarixiy jihatdan "politika prava" konsepsiyasidan zamonaviy "pravovaya politika" nazariyasigacha bo'lgan evolyutsion jarayon bilan bog'liq. A.V. Malko ta'kidlaganidek, dastlab huquq siyosati huquqni tanqidiy baholash va takomillashtirishga qaratilgan bo'lsa, keyinchalik u davlatning amaliy faoliyati bilan uzviy bog'liq mustaqil ilmiy kategoriya sifatida shakllandi [3, B.11].

Zamonaviy huquqshunoslikda huquqiy siyosatning mazmuni kengayib, u faqat normativ faoliyat bilan cheklanmay, balki huquqiy tizimni kompleks boshqarish vositasi sifatida qaralmoqda. Xususan, huquqiy siyosat ijtimoiy munosabatlarni huquqiy vositalar orqali tartibga solishning eng samarali shakllaridan biri sifatida e'tirof etiladi, chunki u tizimli, izchil va ilmiy asoslangan yondashuvga tayanadi [2, B.3].

Huquqiy siyosatning nazariy asoslarini chuqurroq tahlil qilgan tadqiqotlarda uning ilmiy asoslanganligi alohida urg'u bilan qayd etiladi. R.Sh. Sativaldiyevning fikricha, huquqiy siyosat ilmiy bilimlar, nazariy konsepsiyalar va empirik tahlillarga asoslanishi lozim, aks holda u samarali natija bermaydi [4, B.11]. Bu esa huquqiy siyosatni oddiy siyosiy qarorlar yig'indisi emas, balki ilmiy boshqaruv mexanizmi sifatida ko'rish zarurligini ko'rsatadi.

So'nggi yillarda huquqiy siyosatga nisbatan eng dolzarb yondashuvlardan biri uni **pozitiv huquqni boshqarish modeli** sifatida talqin qilishdir. O.Yu. Ribakov va S.V. Tixonova ushbu konsepsiyani asoslab, huquqiy siyosatni huquqiy tizimni ongli ravishda shakllantirish va rivojlantirishga qaratilgan strategik boshqaruv faoliyati sifatida izohlaydi [5, B.7]. Ushbu yondashuv huquqiy siyosatni alohida qarorlar yig'indisi emas, balki huquqiy rivojlanishni yo'naltiruvchi tizim sifatida ko'rish imkonini beradi.

Huquqiy siyosatning yana bir muhim jihati uning huquqni qo'llash jarayoni bilan uzviy bog'liqligidir. A.V. Malko va V.A. Rudkovskiy huquqni qo'llash siyosatini umumiy huquqiy siyosatning tarkibiy qismi sifatida ko'rib, uning asosiy vazifasi huquqiy normalarning real ijtimoiy ta'sirini ta'minlashdan iborat ekanligini ta'kidlaydi [6, B.5]. Bu esa huquqiy siyosatning faqat normativ bosqich bilan cheklanmasligini, balki uning amaliy bosqichi ham hal qiluvchi ahamiyatga ega ekanligini ko'rsatadi.

Shu bilan birga, zamonaviy ilmiy yondashuvlarda huquqiy siyosatning konstitutsiyaviylashuvi alohida tendensiya sifatida ajratib ko'rsatiladi. D.A. Avdeevning fikricha, huquqiy siyosat inson huquqlari, demokratiya va qonun ustuvorligi kabi konstitutsiyaviy qadriyatlarga asoslanishi lozim [7, B.25]. Bu yondashuv huquqiy siyosatning mazmuniga sifat jihatdan yangi talablarni qo'yadi va uning samaradorligini baholashda konstitutsiyaviy mezonlarning ustuvorligini belgilaydi.

Bundan tashqari, huquqiy siyosatni boshqaruv obyekti sifatida talqin qiluvchi yondashuv ham mavjud. D.M. Simberov huquqiy siyosatni jamiyatning huquqiy hayotiga ta'sir etuvchi jarayonlar tizimi sifatida baholab, uni samarali boshqarish davlat va fuqarolik jamiyati institutlari o'rtasidagi hamkorlikni talab qilishini ta'kidlaydi [8].

Yuqoridagi yondashuvlarni umumlashtirgan holda, quyidagi mualliflik ta'rifini ilgari surish mumkin:

Huquqiy siyosat – bu davlat va jamiyat institutlarining huquqiy tizimni strategik boshqarishga qaratilgan, ilmiy asoslangan, tizimli va konstitutsiyaviy qadriyatlarga tayanuvchi faoliyatidir.

Mazkur ta'rif huquqiy siyosatni strategik huquqiy boshqaruv modeli sifatida talqin qilish imkonini beradi hamda uning nazariy va amaliy ahamiyatini yanada kengaytiradi.

Shu tariqa, taklif etilgan yondashuv huquqiy siyosatni zamonaviy sharoitda strategik, boshqaruv va konstitutsiyaviy kategoriyalar kesishmasida joylashgan murakkab tizim sifatida talqin qilish imkonini beradi.

Xususan, huquqiy siyosatning mazmuni maqsadlar, prinsiplar, vositalar va amalga oshirish mexanizmlaridan iborat tizim sifatida qaraladi [9, B.11]. Shu bilan birga, huquqiy siyosatni boshqaruv jarayoni sifatida talqin qiluvchi yondashuvlarda uning axborotga asoslanganligi, qaror qabul qilish va natijalarni baholash elementlari ham alohida ajratib ko'rsatiladi [8].

Mazkur ilmiy yondashuvlarni umumlashtirgan holda, huquqiy siyosatning quyidagi asosiy tuzilma elementlarini ajratish mumkin:

1. Maqsadlar (strategik yo'nalishlar). Huquqiy siyosatning markaziy elementi uning maqsadlari hisoblanadi, chunki aynan ular huquqiy rivojlanishning umumiy vektorini belgilaydi. Huquqiy siyosat maqsadlari davlatning ijtimoiy, siyosiy va iqtisodiy strategiyasi bilan uzviy bog'liq bo'lib, huquqiy tizimni ushbu strategik yo'nalishlarga moslashtirishga xizmat qiladi. Ilmiy manbalarda qayd etilganidek, asosiy maqsadlar qatoriga inson huquq va erkinliklarini ta'minlash, qonun ustuvorligini mustahkamlash hamda huquqiy davlatni shakllantirish kiradi [9, B.12].

Zamonaviy sharoitda ushbu maqsadlar yanada kengayib, masalan, raqamli iqtisodiyot sharoitida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, sun'iy intellektdan foydalanishda huquqiy kafolatlarni yaratish, ekologik xavfsizlikni ta'minlash kabi yangi yo'nalishlarni ham qamrab olmoqda. Masalan, ko'plab davlatlarda "data protection" qonunchiligining rivojlanishi aynan huquqiy siyosatning strategik maqsadlaridan biri sifatida shakllanmoqda. Demak, huquqiy siyosat maqsadlari dinamik xarakterga ega bo'lib, jamiyatdagi real ehtiyojlarga mos ravishda rivojlanadi.

Xalqaro tajribada bu maqsadlar yanada aniq strategik hujjatlar orqali mustahkamlanadi. Masalan, Germaniyada huquqiy siyosat konstitutsiyaviy qadriyatlar asosida olib borilib, inson sha'ni va huquqlari ustuvorligi davlat siyosatining markaziga qo'yilgan. Qozog'istonda esa "Huquqiy siyosat konsepsiyasi – 2030" orqali huquqiy rivojlanishning ustuvor yo'nalishlari aniq belgilangan.

O'zbekiston tajribasida ham huquqiy siyosat maqsadlari so'nggi yillarda aniq strategik hujjatlar orqali mustahkamlanmoqda. Xususan, "O'zbekiston – 2030" strategiyasi doirasida qonunchilik sifatini oshirish, inson huquqlarini himoya qilish va davlat boshqaruvini takomillashtirish ustuvor vazifalar sifatida belgilangan. Bu esa huquqiy siyosatning maqsadlari milliy rivojlanish strategiyasi bilan uyg'unlashayotganini ko'rsatadi.

2. Prinsiplar (asosiy tamoyillar). Huquqiy siyosat muayyan prinsiplar asosida amalga oshiriladi va aynan shu prinsiplar uning legitimligi va samaradorligini ta'minlaydi. Qonuniylik, ilmiy asoslanganlik, tizimlilik, izchillik va oshkoralik kabi tamoyillar huquqiy siyosatning asosiy mezonlari hisoblanadi. Ayniqsa, zamonaviy bosqichda konstitutsiyaviylik prinsipi alohida ahamiyat kasb etib, huquqiy siyosatning mazmunini belgilovchi asosiy mezonga aylanmoqda [10, B.25].

Masalan, qonuniylik prinsipi buzilgan sharoitda qabul qilingan har qanday normativ hujjat ijtimoiy jihatdan qabul qilinmaydi va samarali ishlamaydi. Ilmiy asoslanganlik prinsipi esa huquqiy siyosatni subyektiv qarorlar yig'indisidan chiqarib, uni tahlil, prognoz va ekspertiza asosida shakllanadigan tizimga aylantiradi. Shu jihatdan, rivojlangan davlatlarda "Regulatory Impact Assessment (RIA)" instituti keng qo'llanilishi aynan ilmiy asoslanganlik prinsipining amaliy ifodasidir.

Yevropa Ittifoqi mamlakatlarida "better regulation" konsepsiyasi asosida har bir normativ hujjat ochiqlik, asoslanganlik va manfaatdor tomonlar ishtiroki tamoyillari asosida ishlab chiqiladi.

Estoniyada esa normativ-huquqiy hujjatlarni ishlab chiqish jarayoni to'liq raqamlashtirilgan bo'lib, har bir bosqichda oshkoralik va jamoatchilik nazorati ta'minlanadi.

O'zbekistonda ham ushbu prinsiplarga asoslangan islohotlar amalga oshirilmoqda. Jumladan, qonun loyihalarini muhokama qilish uchun maxsus elektron platformalar joriy etilishi huquqiy siyosatda oshkoralik va inklyuzivlikni ta'minlashga xizmat qilmoqda.

3. Subyektlar (ishtirokchilar tizimi). Huquqiy siyosat ko'p subyektlili jarayon bo'lib, unda turli darajadagi institutlar ishtirok etadi. An'anaviy yondashuvda huquqiy siyosat asosan davlat organlari faoliyati bilan bog'langan bo'lsa, zamonaviy yondashuvda uning subyektlari doirasi ancha kengaygan. Jumladan, ilmiy muassasalar, ekspertlar hamjamiyati, nodavlat tashkilotlar va fuqarolik jamiyati institutlari ham faol ishtirok etadi [8].

Masalan, qonun loyihalarini ishlab chiqishda jamoatchilik muhokamalari, ekspert xulosalari va akademik tahlillarni jalb qilish amaliyoti kengayib bormoqda. Bu esa huquqiy siyosatni yanada ochiq, inklyuziv va sifatli tizimga aylantiradi. Shu bilan birga, xalqaro tashkilotlar va reyting tizimlari ham bilvosita huquqiy siyosat subyekti sifatida ta'sir ko'rsatadi (masalan, World Justice Project yoki Transparency International indeksleri).

Rivojlangan davlatlarda qonun loyihalari ilmiy markazlar va mustaqil ekspertlar ishtirokida ishlab chiqiladi. Xususan, Qozog'istonda ham huquqiy siyosatni shakllantirishda ilmiy-tahliliy markazlar faol ishtirok etadi.

O'zbekistonda ham bu yo'nalishda sezilarli o'zgarishlar kuzatilmoqda. Xususan, Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti, Parlament tadqiqotlari instituti kabi ilmiy muassasalar qonun ijodkorligi jarayonida faol ishtirok etmoqda. Bu esa huquqiy siyosatning ilmiy asoslanganligini kuchaytiradi.

4. Vositalar (huquqiy ta'sir instrumentlari). Huquqiy siyosatni amalga oshirishda turli vositalardan foydalaniladi va aynan ular orqali huquqiy siyosat real ijtimoiy munosabatlarga ta'sir ko'rsatadi. Ushbu vositalar qatoriga normativ-huquqiy hujjatlar, huquqni qo'llash aktlari, huquqiy ekspertiza, monitoring va prognozlash kiradi [7, B.6].

Masalan, normativ-huquqiy hujjatlar orqali davlat umumiy qoidalarni belgilasa, huquqni qo'llash aktlari ushbu qoidalarni amaliyotda ro'yobga chiqaradi. Huquqiy ekspertiza esa qabul qilinayotgan hujjatlarning sifatini ta'minlaydi. Zamonaviy bosqichda esa "machine-readable law" yoki raqamli normativ tizimlar kabi yangi vositalar paydo bo'lmoqda, bu esa huquqiy siyosat vositalarining evolyutsiyasini ko'rsatadi.

Masalan, Estoniyada normativ hujjatlar "EIS" (elektron qonunchilik tizimi) orqali ishlab chiqiladi va muhokama qilinadi. Yevropa Ittifoqida esa "impact assessment" vositasi orqali har bir qonunning iqtisodiy va ijtimoiy ta'siri oldindan baholanadi.

O'zbekistonda ham normativ-huquqiy hujjatlarni ishlab chiqishda huquqiy ekspertiza, jamoatchilik muhokamasi va raqamli platformalar keng qo'llanilmoqda. Bu esa huquqiy siyosat vositalarining modernizatsiya qilinayotganidan dalolat beradi.

5. Amalga oshirish mexanizmlari. Huquqiy siyosatning samaradorligi uni amalga oshirish mexanizmlariga bevosita bog'liq. Bu mexanizmlar normativ tartibga solish, tashkiliy boshqaruv, muvofiqlashtirish va nazorat elementlarini o'z ichiga oladi [5, B.7]. Mazkur mexanizmlar huquqiy siyosatni nazariy darajadan amaliy darajaga olib chiqadi.

Masalan, qonun qabul qilinishi o'zi yetarli emas — uni amalga oshirish uchun institutsional mexanizmlar, ijro tizimi va nazorat mexanizmlari zarur. Aks holda, "qog'ozdagi huquq" va "real huquq" o'rtasida tafovut yuzaga keladi. Shu bois zamonaviy davlatlarda "implementation gap"ni kamaytirish huquqiy siyosatning muhim vazifalaridan biri hisoblanadi.

Masalan, Germaniyada qabul qilinayotgan qonunlarning ijrosi federal va hududiy darajasidagi organlar tomonidan tizimli ravishda monitoring qilinadi, bunda har bir normativ hujjat bo'yicha

ijro hisobotlari tayyorlanadi. Yevropa Ittifoqida esa “implementation review” mexanizmi orqali direktivalarning a’zo davlatlarda qanday amalga oshirilayotgani muntazam baholanadi.

Estoniya tajribasi ayniqsa e’tiborga loyiq bo’lib, bu davlatda qonunlarni amalga oshirish jarayoni raqamlashtirilgan boshqaruv tizimlari orqali kuzatiladi. Xususan, normativ hujjatlar ijrosi va ularning amaliy natijalari davlat axborot tizimlari orqali real vaqt rejimida tahlil qilinadi.

O’zbekiston tajribasida ham huquqiy siyosatni amalga oshirish mexanizmlari bosqichma-bosqich takomillashmoqda. Xususan, normativ-huquqiy hujjatlarning ijrosini monitoring qilish tizimi joriy etilib, vazirlik va idoralarga qabul qilingan hujjatlarning ijrosi bo’yicha muntazam hisobot taqdim etish majburiyati yuklatilgan. Bundan tashqari, ayrim yo’nalishlarda “yo’l xaritalari” (roadmap) asosida normativ qarorlarning ijrosi bosqichma-bosqich nazorat qilinmoqda.

Shuningdek, davlat organlari faoliyatining samaradorligini baholash tizimi ham huquqiy siyosatni amalga oshirish mexanizmining muhim elementi sifatida shakllanmoqda. Bu tizim orqali nafaqat normativ hujjatlar qabul qilinishi, balki ularning amaliy natijalari ham baholanmoqda. Bu esa huquqiy siyosatni formal emas, balki real natijaga yo’naltirilgan boshqaruv tizimiga aylantiradi.

6. Natijadorlik va baholash tizimi. Huquqiy siyosatning zamonaviy modelida natijadorlikni baholash alohida ahamiyat kasb etadi. Ushbu tizim orqali qabul qilingan normativ-huquqiy qarorlarning real ijtimoiy, iqtisodiy va institutsional ta’siri aniqlanadi [10, B.66].

Xalqaro amaliyotda huquqiy siyosat natijadorligini baholash aniq indikatorlar asosida amalga oshiriladi. Masalan, World Justice Project tomonidan e’lon qilinadigan “Rule of Law Index” davlatlarda qonun ustuvorligi darajasini baholaydi. Transparency International’ning “Corruption Perceptions Index” ko’rsatkichi esa korrupsiyaga qarshi siyosat samaradorligini aks ettiradi. Shuningdek, BMTning “E-Government Development Index” davlat boshqaruvida raqamli texnologiyalarning joriy etilish darajasini baholaydi.

Bu indikatorlar faqat statistik ko’rsatkichlar emas, balki huquqiy siyosatning real samaradorligini aks ettiruvchi tizimli mezonlar hisoblanadi. Masalan, qonunchilik sifati oshgan davlatlarda odatda “rule of law” indeksi yuqori bo’ladi, bu esa huquqiy siyosatning to’g’ri yo’naltirilganidan dalolat beradi.

O’zbekiston tajribasida ham so’nggi yillarda huquqiy siyosat natijadorligini baholashda xalqaro indekslardan faol foydalanilmoqda. Xususan, davlat boshqaruvi, qonunchilik sifati va korrupsiyaga qarshi kurash samaradorligi xalqaro reytinglar orqali baholanib, tegishli islohotlar yo’nalishlari belgilanmoqda.

Bundan tashqari, milliy darajada ham baholash mexanizmlari joriy etilmoqda. Masalan, ayrim normativ-huquqiy hujjatlar bo’yicha ularning amaliy ta’sirini baholash (post-legislative assessment) amaliyoti shakllanmoqda. Bu orqali qabul qilingan qonunlarning real natijasi tahlil qilinib, zarur hollarda ularni takomillashtirish bo’yicha takliflar ishlab chiqilmoqda.

Shunday qilib, huquqiy siyosatning tuzilma elementlari nafaqat nazariy konstruktsiya, balki real boshqaruv tizimini ifodalaydi. Xalqaro va milliy tajriba shuni ko’rsatadiki, huquqiy siyosatning samaradorligi uning barcha elementlari – maqsadlar, prinsiplar, subyektlar, vositalar, mexanizmlar va baholash tizimining uyg’un ishlashiga bog’liq. Ayniqsa, ushbu elementlarning zamonaviy texnologiyalar, ilmiy yondashuv va konstitutsiyaviy qadriyatlar bilan integratsiyasi huquqiy siyosatni pozitiv huquqni boshqarishning kompleks va samarali modeli sifatida shakllantiradi.

Yuqorida qayd etilganidek, huquqiy siyosatning tuzilma elementlari o’zaro bog’langan yagona tizimni tashkil etadi. Biroq ushbu tizimning samaradorligi, avvalo, uning amaliy jihatdan qanday ishlashi, ya’ni strategik boshqaruv modeli real institutlar va mexanizmlar orqali qanday ro’yobga chiqarilishiga bog’liqdir. Shu nuqtai nazardan, huquqiy siyosatni strategik huquqiy boshqaruv modeli sifatida talqin etish nafaqat nazariy, balki amaliy jihatdan ham uni institutsionallashtirishni talab qiladi.

Mazkur yondashuv doirasida huquqiy siyosatning amalga oshirilishi **yagona boshqaruv sikli** sifatida ko'rib chiqilishi lozim. Ushbu sikl quyidagi bosqichlarni o'z ichiga oladi:

- 1)diagnostika va muammo identifikatsiyasi;
- 2) normativ qarorlar ishlab chiqish;
- 3) huquqni qo'llash va ijro etish;
- 4) monitoring va nazorat;
- 5) natijadorlikni baholash va qayta takomillashtirish.

Aynan ushbu bosqichlarning uzluksiz va o'zaro bog'liq ishlashi huquqiy siyosatning strategik boshqaruv modeliga aylanishini ta'minlaydi.

Shu asosda huquqiy siyosatni yanada samarali tashkil etish uchun **quyidagi amaliy mexanizmlarni** joriy etish maqsadga muvofiqdir:

1. Huquqiy siyosatni ishlab chiqishda ilmiy asoslanganlikni ta'minlash uchun **majburiy ilmiy-ekspertiza tizimini institutsional darajada joriy etish zarur** [9, B.12].

Bunda quyidagi mexanizm taklif etiladi:

har bir normativ-huquqiy hujjat loyihasi bo'yicha **majburiy ilmiy xulosa (scientific review)** joriy etish;

qonun loyihalarini ishlab chiqishda **mustaqil ilmiy markazlar va universitetlar ishtirokini normativ tartibda belgilash**;

normativ hujjatlar bo'yicha oldindan ijtimoiy-iqtisodiy ta'sirni baholash (RIA)ni majburiy bosqich sifatida kiritish;

huquqiy siyosat yo'nalishlari bo'yicha **prognozlash (foresight) tizimini shakllantirish**.

Bu mexanizm huquqiy siyosatni intuitiv qarorlar yig'indisidan chiqarib, uni ilmiy boshqaruv tizimiga aylantiradi.

2. Huquqiy siyosatning konstitutsiyaviyligini ta'minlash uchun **normativ qarorlarni konstitutsiyaviy filtdan o'tkazish tizimini joriy etish zarur** [7, B.25].

Buning uchun quyidagi mexanizmlar taklif etiladi:

har bir normativ hujjat loyihasi uchun **"konstitutsiyaviy muvofiqlik xulosasi"** (constitutional compliance assessment)ni majburiy qilish;

inson huquqlari, qonun ustuvorligi va proporsionallik prinsiplari asosida **maxsus baholash mezonlarini ishlab chiqish**;

qonun loyihalarini muhokama qilish jarayonida **konstitutsiyaviy ekspertiza institutini kuchaytirish**;

normativ hujjatlarni qabul qilishda **konstitutsiyaviy risklarni aniqlash tizimini joriy etish**.

Mazkur mexanizm huquqiy siyosatni faqat boshqaruv vositasi emas, balki konstitutsiyaviy qadriyatlarga asoslangan tizim sifatida mustahkamlaydi.

3. Huquqiy siyosatning samaradorligini oshirish uchun uni faqat normativ ijodkorlik bilan cheklamasdan, **huquqni qo'llash bosqichi bilan uzviy integratsiya qilish zarur** [6, B.5].

Buning uchun quyidagilar taklif etiladi:

normativ hujjatlarni ishlab chiqishda **huquqni qo'llovchi organlarning (sud, prokuratura, ijro organlari) majburiy ishtirokini ta'minlash**;

qonun loyihalarini ishlab chiqishda **amaliyotdan kelib chiqadigan muammolar bazasini shakllantirish**;

sud amaliyoti va ijro natijalari asosida **normativ hujjatlarni qayta ko'rib chiqish mexanizmini joriy etish**;

"qog'ozdagi norma" va "real norma" o'rtasidagi tafovutni aniqlovchi **feedback tizimini yaratish**.

Bu mexanizm huquqiy siyosatni real hayotdan uzilgan tizim emas, balki amaliyotga yo'naltirilgan boshqaruv modeli sifatida shakllantiradi.

4. Huquqiy siyosatni samarali amalga oshirish uchun davlat, ilmiy hamjamiyat va fuqarolik jamiyati o'rtasida **barqaror institutsional hamkorlikni yo'lga qo'yish zarur** [8].

Buning uchun:

barcha qonun loyihalari bo'yicha **majburiy jamoatchilik muhokamasi mexanizmini kengaytirish**;

ilmiy muassasalar, tahliliy markazlar va ekspertlarni jalb etuvchi **doimiy ekspert platformalarini yaratish**;

normativ hujjatlar bo'yicha **ochiq ma'lumotlar bazasini shakllantirish**;

xalqaro ekspertiza va tajribani jalb qilish mexanizmini institutsionallashtirish zarur.

Bu mexanizm huquqiy siyosatni inklyuziv va ochiq boshqaruv tizimiga aylantiradi.

5. Huquqiy siyosatni strategik boshqaruv modeli sifatida shakllantirish uchun uning natijadorligini baholash tizimini joriy etish muhimdir [10, B.66].

Buning uchun quyidagi mexanizm taklif etiladi:

normativ hujjatlar uchun **KPI (asosiy samaradorlik ko'rsatkichlari)** ishlab chiqish;

qonunlarning amaliy ta'sirini aniqlash uchun **post-legislative assessment tizimini joriy etish**;

xalqaro indekslar (rule of law, corruption index va boshqalar) asosida **milliy baholash tizimini integratsiya qilish**;

integratsiya qilish;

huquqiy siyosat samaradorligini baholovchi **yagona monitoring platformasini yaratish**.

Bu mexanizm huquqiy siyosatni natijaga yo'naltirilgan boshqaruv tizimiga aylantiradi.

Shunday qilib, huquqiy siyosat strategik huquqiy boshqaruv modeli sifatida nafaqat nazariy kategoriya, balki aniq institutsional mexanizmlar orqali amalga oshiriladigan kompleks boshqaruv tizimini ifodalaydi. Ushbu modelning samaradorligi uning barcha elementlari — ilmiy asoslanganlik, konstitutsiyaviylik, institutsional integratsiya va natijadorlikka yo'naltirilganlik — o'zaro uyg'un ishlashiga bog'liq.

Natijada huquqiy siyosat zamonaviy davlatda huquqiy tizimni boshqarishning eng muhim strategik instrumenti sifatida namoyon bo'lib, u huquqiy tizimni izchil modernizatsiya qilish, huquqiy qarorlar sifatini oshirish va jamiyat rivojlanishining barqaror huquqiy asoslarini ta'minlashga xizmat qiladi.

IQTIBOSLAR/СНОСКИ/REFERENCES:

1. Еремин, А. Р., Любушкин, В. А., & Кузенков, К. Г. (2018). Правовая политика Российской Федерации: значение и основные проблемы. Социально-политические науки, (3), 65–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-rossiyskoy-federatsii-znachenie-i-osnovnyye-problemy>

2. Исаков Н. В. (2004). Правовая политика современной России: проблемы теории и практики [Автореферат докторской диссертации]. Ростов-на-Дону. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovaya-politika-sovremennoi-rossii-problemy-teorii-i-praktiki>

3. Малько А. В. (2012). От политики права к правовой политике. Вестник Саратовской государственной юридической академии, (3), 11–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18081303>

4. Сативалдыев, Р. Ш. (n.d.). Научные основы правовой политики. Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-osnovy-pravovoy-politiki>

5. Рыбаков О. Ю., Тихонова, С. В. (2015). Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики. Lex Russica, (3), 7–18.

6. Малько А. В., Рудковский, В. А. (2017). Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение. Правоприменение, 1(3), 5-14. URL: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(3\).5-14](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(3).5-14)

7. Авдеев Д. А. (2018). Конституционализация правовой политики в современной России. Правоприменение, 2(4), 25–29. URL: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(4\).25-29](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(4).25-29)

8. Цимберов Д. М. (n.d.). Правовая политика как объект управления URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-kak-obekt-upravleniya>

9. Титенко Ю. А. (2007). Принципы, виды и механизм реализации российской правовой политики: общетеоретический аспект [Автореферат кандидатской диссертации]. Тамбов. URL: <https://www.dissercat.com/content/printsipy-vidy-i-mekhanizm-realizatsii-rossiiskoi-pravovoi-politiki-obshcheteoreticheskii-as>

10. Рудковский В. А. (2014). Правовая политика в системе юридических категорий. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция, (1), 63–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sisteme-yuridicheskikh-kategoriy#:~:text=%D0%92%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82%D0%BA%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F,%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8%20%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8%2C%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D1%84%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%2C%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F>

AZIMOV Azimbek Azizbek o'g'li

Toshkent davlat yuridik universiteti huzuridagi
M.S.Vosiqova nomidagi akademik litseyning katta o'qituvchisi,
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik
va huquqiy siyosat instituti tayanch doktoranti
ORCID: 0009-0000-0387-4385
E-mail: azimovazimbek25@gmail.com

YOSHLARNING IJTIMOY HUQUQLARINI TA'MINLASHNING INSTITUTSIONAL VA NORMATIV-HUQUQIY RIVOJLANISH BOSQICHLARI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): AZIMOV A.A. Yoshlarning ijtimoiy huquqlarini ta'minlashning institutsional va normativ-huquqiy rivojlanish bosqichlari // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 17-31.

2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-002>

ANNOTATSIYA

Mazkur maqola O'zbekistonda yoshlarga oid davlat siyosatining rivojlanish bosqichlarini tahlil qiladi. Yoshlarga oid normativ-huquqiy hujjatlar, davlat siyosatini amalga oshirish mexanizmlari va yoshlarning ijtimoiy huquqlarini ta'minlash borasidagi ishlanmalar to'rt asosiy davrga bo'lingan. Birinchi davr (1991-2000)da O'zbekiston Respublikasida yoshlarga oid davlat siyosatining asoslari to'g'risidagi qonun 1991-yilda qabul qilinib, yoshlarning huquq va erkinliklarini himoya qilish, ta'lim olish, mehnat faoliyatiga kirish va ijtimoiy himoya masalalarida muhim yuridik asoslarni yaratish orqali yoshlarga oid siyosatning asosiy huquqiy poydevori yaratilgan bo'lsa, ikkinchi davrda (2001-2010) fuqarolik jamiyati institutlari ishtirokini kuchaytirish, yoshlarni qo'llab-quvvatlashga yo'naltirilgan "Sog'lom avlod" va "Yoshlar" yili kabi dasturlar joriy etilgan. Shu bilan birga, 2010-2016-yillarda tizimni takomillashtirish va sog'lom turmush tarzini ta'minlashga qaratilgan chora-tadbirlar amalga oshirilgan. To'rtinchi davr (2016-yildan hozirgi kungacha) esa yoshlarga oid siyosatni yangi strategik darajaga ko'tarish va qonunchilikda katta o'zgarishlar qilishni o'z ichiga oladi. Ushbu davrda, 2017-yilda tasdiqlangan "O'zbekiston Respublikasini yanada rivojlantirish bo'yicha harakatlar strategiyasi" doirasida, yoshlar siyosati yangi tahrirdagi "Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida"gi qonun bilan mustahkamladi. Shuningdek, 30 yoshdan kichik yosh oilalar uchun qo'llab-quvvatlash tizimi va yoshlarni ish bilan ta'minlash masalalari alohida e'tiborga olingan.

Kalit so'zlar: yoshlar siyosati, ijtimoiy huquqlar, huquqiy asoslar, yosh oila, fuqarolik jamiyati, normativ-huquqiy hujjatlar, yoshlarning ijtimoiy faolligi, yoshlar daftari, temir daftar, uyushmagan yoshlar.

АЗИМОВ Азимбек

Старший учитель академического лицея
имени М.С. Восиковой при Ташкентском
государственном юридическом университете,
базовый докторант Института Законодательства и правовой
политики при Президенте Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0000-0387-4385
E-mail: azimovazimbek25@gmail.com

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ МОЛОДЕЖИ

АННОТАЦИЯ

Данная статья анализирует этапы развития государственной политики в отношении молодежи в Узбекистане. Нормативно-правовые документы, механизмы реализации государственной политики и разработки по обеспечению социальных прав молодежи разделены на четыре основных периода. Первый период (1991-2000) характеризуется принятием закона об основах государственной молодежной политики в 1991 году, который создал важные юридические основы для защиты прав и свобод молодежи, обеспечения образования, трудовой деятельности и социальной защиты, став основой правового фундамента молодежной политики. Во второй период (2001-2010) усиливается участие институтов гражданского общества, вводятся программы, направленные на поддержку молодежи, такие как «Sog'lom avlod» и «Yoshlar yili». В 2010-2016 годах проводятся мероприятия, направленные на улучшение системы и обеспечение здорового образа жизни. Четвертый период (с 2016 года по настоящее время) включает в себя повышение уровня молодежной политики и значительные изменения в законодательстве. В этот период в рамках «Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» 2017 года молодежная политика была укреплена новым законом о государственной молодежной политике. Также особое внимание уделено поддержке семей до 30 лет и вопросам трудоустройства молодежи.

Ключевые слова: молодежная политика, социальные права, правовые основы, молодежная семья, гражданское общество, нормативно-правовые документы, социальная активность молодежи, реестр молодежи, «Temir daftar», неорганизованные молодежные группы.

AZIMBEK Azimov

Senior teacher at the M.S. Vosiqova Academic
Lyceum under the Tashkent State University of Law,
Basic doctoral student at the Institute of Legislation and
Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan
ORCID: 0009-0000-0387-4385
E-mail: azimovazimbek25@gmail.com

THE STAGES OF INSTITUTIONAL AND LEGAL-NORMATIVE DEVELOPMENT OF ENSURING THE SOCIAL RIGHTS OF YOUNG PEOPLE

ANNOTATION

This article analyzes the stages of the development of state policy regarding youth in Uzbekistan. Normative-legal documents, mechanisms for implementing state policy, and developments to ensure the social rights of youth are divided into four main periods. The first period (1991-2000) is characterized by

the adoption of the law on the fundamentals of state youth policy in 1991, which created the important legal foundations for protecting the rights and freedoms of youth, ensuring education, labor activity, and social protection, becoming the basis of the legal framework for youth policy. In the second period (2001-2010), the participation of civil society institutions is strengthened, and programs aimed at supporting youth, such as "Sog'lom avlod" and "Yoshlar" year, were introduced. In 2010-2016, activities aimed at improving the system and ensuring a healthy lifestyle were carried out. The fourth period (from 2016 to the present) includes the enhancement of youth policy and significant changes in legislation. During this period, within the framework of the "Action Strategy for Further Development of the Republic of Uzbekistan" of 2017, youth policy was reinforced with a new law on state youth policy. Special attention was also given to supporting families up to 30 years old and issues related to youth employment.

Keywords: youth policy, social rights, legal foundations, youth family, civil society, normative-legal documents, social activity of youth, youth register, "Temir daftar", unorganized youth groups.

Taraqqiyotning yangi bosqichiga o'tish davrida doimo yoshlarga jiddiy e'tibor berib kelindi. Chunki yoshlarimiz davlatchiligimizning barcha bosqichlarida asosiy rol o'ynab kelgan.

O'tgan asrning 10-yillaridan boshlab, davlatchiligimiz tarixida "yosh buxoroliklar" hamda "yosh xivaliklar" kabi o'zida ilm-ma'rifatli yoshlarni jamlagan ijtimoiy-siyosiy muassasalar bo'lgan [1]. Bularning faoliyatlari asosan jamiyatni rivojlantirishga yoshlarni savodxon, ilmlil qilish, yoshlarni bilim va malakalarini oshirish uchun jahonning rivojlangan mamlakatlariga o'qishga yuborish bilan birga ularning ta'lim olish huquqlarini kafolatlashgan. Keyinchalik ushbu faoliyat tarixga "jadidchilik harakati" nomi ostida muhrlandi.

Tarixan, yurtimizda yoshlarga e'tibor, ularning ijtimoiy huquqlari bo'lgan ta'lim olish, mehnat faoliyatiga ega bo'lish dolzarb hisoblangan.

Bundan ko'rishimiz mumkinki, mustaqillik yillarida hayotimizning barcha soha va jabhalarini demokratlashtirish, mamlakatni modernizatsiya qilish orqali, ijtimoiy sohani liberallashtirish jarayonlari yo'lida katta ahamiyatga ega bo'lgan qonun va qonunchilik normalari qabul qilindi. Jumladan, "Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida"gi [2] Qonun aynan globallashtirish davrida mamlakatimizni rivojlantirish yo'lidagi barcha o'zgarishlarni amalga oshirish uchun asosiy poydevor sifatidagi yoshlarning ijtimoiy huquqlarini ta'minlashda ahamiyati juda yuqori bo'ldi.

Rus olimi I. Ilinskiy ta'kidlaganidek, "Yoshlarga oid davlat siyosati – bu davlatning ichki ijtimoiy siyosatining insonparvarlik yo'nalishining ajralmas qismidir" [3]. Ya'ni, yoshlarga oid davlat siyosati yoshlar hayotini demokratik tamoyillar asosida tashkil etish, yoshlar va davlat o'rtasidagi munosabatlarni ijobiy asosda shakllantirish hamda yoshlar manfaatlari va qadriyatlarining davlat manfaatlari bilan uyg'unligini ta'minlash uchun amalga oshirilgan chora-tadbirlar va maqsadlarning yig'indisidir.

Boshqa sohalar singari, O'zbekistonning yoshlarga oid davlat siyosatini amalga oshirish, ularning ijtimoiy huquqlarini takomillashuvi borasida qo'lga kiritilgan natijalarini sarhisob qilish uchun asos bo'lgan taraqqiyot bosqichlarini to'rt davrga bo'lib o'rganish lozim [4].

Milliy davlatchilik asoslarini yaratish, taraqqiyot modeli va rivojlantirish tamoyillari, jumladan yoshlarga oid davlat siyosati yo'nalishlari belgilanib olinganligi bilan bog'liq birinchi galdagi islohot va o'zgarishlarni o'z ichiga olgan **dastlabki bosqich** – 1991 – 2000-yillar mamlakatimizda inson, ayniqsa, yoshlar manfaatlari va erkinliklarini ustuvor tamoyilga aylantirish asosida o'zidan ulkan iz qoldirgan tom ma'noda tarixiy ahamiyatga ega o'tish davridir.

Mazkur davrda yoshlarga oid davlat siyosati o'zining dolzarbligini saqlab qoldi, 1991-yilning 20-noyabrda O'zbekiston Respublikasi tomonidan "O'zbekiston Respublikasida yoshlarga oid davlat siyosatining asoslari to'g'risida"gi Qonuni qabul qilindi [5]. Ushbu qonun, mustaqillikning dastlabki yillarida, mamlakatda yoshlarga oid siyosatni ishlab chiqish va amalga oshirishda muhim huquqiy

asos yaratdi. Mazkur qonun asosida yoshlarga nisbatan davlat siyosatini shakllantirish, ularning huquq va erkinliklarini himoya qilish, ta'lim, sog'liqni saqlash, ijtimoiy himoya, kasb-hunar tayyorlash, ish bilan ta'minlash va boshqa muhim sohalarda samarali davlat siyosatini amalga oshirishga yo'naltirilgan.

Shuningdek, bu qonun yoshlarga oid masalalarda davlatning mas'uliyatini belgilab berdi va mamlakatda yoshlarning rivojlanishi, ijtimoiy hayotga integratsiyasi uchun sharoitlar yaratishning huquqiy asoslarini mustahkamladi. Yoshlarga oid siyosat O'zbekiston Respublikasining keyingi yillarda amalga oshirgan keng ko'lamlı islohotlarida asosiy yo'nalishlardan biriga aylandi.

Birinchi Prezidenti Islom Karimov tomonidan 1993-yil 4-martda ta'xis etilgan dastlabki orden "Sog'lom avlod uchun" deb nomlanishi, 1992-yilda yoshlarning huquqlari bo'yicha xalqaro huquqning insonparvar normalarini o'zida jamlagan "Bola huquqlari to'g'risida"gi konvensiyaning parlamentimiz tomonidan ratifikatsiya qilinishi yoshlar masalasiga bo'lgan e'tibor yuksak darajada ekanligini ko'rsatadi.

1991-yil 20-noyabrda qabul qilingan O'zbekiston Oliy Kengashining qarori asosida O'zbekiston Respublikasida yoshlarga ijtimoiy xizmat ko'rsatuvchi davlat-jamoat xizmatini va yoshlar jamg'armalarini tuzish tartibi tasdiqlandi [6]. Ushbu jamg'arma mustaqilligimizning dastlabki yillaridayoq yoshlarning ijtimoiy imkoniyatlarini oshirish maqsadida tashkil etildi.

1992-yilda Vazirlar Mahkamasi tomonidan aholini ijtimoiy himoyalashni kuchaytirish va talabalar, o'quvchi yoshlar hamda mehnatkashlarning umumiy ovqatlanishi tizimida narxlarni barqarorlashtirishni ta'minlovchi qaror qabul qilinganligi yoshlarning sog'lom turmush tarzida hayot kechirishida ularning ijtimoiy huquqlarini kafolatlash maqsad qilingan. 1993-yil 28-oktabrda "Sog'lom avlod" jamg'armasi Vazirlar Mahkamasining 524-son qarori asosida tuzilishi, 1993-yil 3-dekabrda "Yosh avlodni sog'lomlashtirish muammolarini kompleks hal etish to'g'risida"gi 589-son qarori yoshlarni sog'lom va barkamol bo'lib ulg'ayishlarida yurtimizning asosiy maqsadlaridan biri hisoblangan.

Shuningdek, yoshlarning ta'lim olish imkoniyatlarini rag'batlantirish maqsadida ilk bor 1993-yil 5-fevral sanasida qabul qilingan "O'zbekiston o'quvchi yoshlarini rag'batlantirish to'g'risida"gi PF-555-sonli Farmoni asosida Davlat stipendiyalari tashkil etildi. Mazkur davlat stipendiyalari tadqiqotchilik faoliyatini muvaffaqiyatli amalga oshirayotgan va butun o'qish davrida a'lo baholarga o'qigan talabalari uchun magistratura mutaxassisliklari bo'yicha jami 22 ta, bakalavriat ta'lim yo'nalishlari bo'yicha har bir oliy ta'lim muassasasi uchun bittadan etib belgilandi [7]. 1993-yilda qabul qilingan "O'zbekiston o'quvchi yoshlarini rag'batlantirish to'g'risida"gi Farmon asosida tashkil etilgan Davlat stipendiyalari yoshlarni ta'lim olishda rag'batlantirishning samarali vositasi bo'ldi. Bu stipendiyalar tadqiqotchilik faoliyatini muvaffaqiyatli olib borayotgan va o'qish davomida a'lo baholarga ega bo'lgan talabalarga taqdim etilib, ularning ilmiy salohiyatini yanada oshirishga yordam berdi. Stipendiyalarning taqsimlanishi oliy ta'lim muassasalarida yuqori natijalar ko'rsatgan talabalarni rag'batlantirishda muhim rol o'ynadi va yoshlarni ilm-fan sohasida faoliyat yuritishga undadi. Bu chora, yoshlarni ilmiy va ta'lim faoliyatini yanada rivojlantirishga qaratilgan samarali tashabbus sifatida baholanadi. Shu bilan birga Birinchi Prezident I.A.Karimov tomonidan 1996-yilgi PF-1425-son Farmoniga binoan yosh avlodning har tomonlama kamol topishi, chuqur bilim, kasb egallashi uchun "Kamolot" jamg'armasi tashkil etildi. Ushbu jamg'arma — yoshlarni ijtimoiy jihatdan muhofaza etish ishlarida qatnashish, ularning bilim olish, mehnat qilish, siyosiy va boshqa konstitutsiyaviy huquqlarini to'la amalga oshira olishlari uchun zarur shart-sharoit yaratish asosiy yo'nalish sifatida belgilab o'tildi. Iqtidorli yoshlarni chet elda ta'lim olishlarini qo'llab-quvvatlash maqsadida 1997-yil 7-yanvardagi PF-1694-sonli Prezident farmoni bilan "Umid" jamg'armasi tashkil etilganligi yoshlarga bildirilayotgan ishonchning yuqoriligidan dalolatdir. Buning natijasida shu yilning o'zidayoq talabalar Janubiy Koreya, Yaponiya, Germaniyada

tahsil olishga muvaffaq bo'lishgan. 1997-yilda "Umid" jamg'armasining tashkil etilishi iqtidorli yoshlarni chet elda ta'lim olishga rag'batlantirishda muhim qadam bo'ldi. Prezident farmoni asosida yoshlarning xalqaro miqyosda ta'lim olish imkoniyatlarini yaratish, ularga bilim olishda ishonch bildirildi va bu orqali ularning kelajakdagi muvaffaqiyatlari uchun kuchli poydevor yaratildi. "Umid" jamg'armasi yoshlarni global bilimga ega qilish va ularni xalqaro tajribaga ega mutaxassislar sifatida shakllantirishga katta hissa qo'shdi. Natijada, talabalar tezda Janubiy Koreya, Yaponiya va Germaniya kabi ilg'or mamlakatlarda ta'lim olish imkoniyatini qo'lga kiritdilar, bu esa yoshlarning rivojlanishiga bo'lgan ishonchning kuchayganligini ko'rsatadi. Mamlakatimizda qabul qilingan Oila kodeksida (1998), "Ta'lim to'g'risida"gi(1997), "Aholini ish bilan ta'minlash to'g'risida"gi(1992), "Jismoniy tarbiya va sport to'g'risida"gi(1992), "Vasiylik va homiylik to'g'risida"(1999)gi, "Kadrlar tayyorlash milliy dasturi"(1997) kabi qonun va qonun osti hujjatlaridagi normalar ham bevosita yoshlar tarbiyasi, ular orasida sog'lom turmush tarzini qaror toptirish, yoshlarni ish bilan bandligini oshirish, ularning ta'lim olish imkoniyatlarini qo'llab-quvvatlash kabi ijtimoiy huquqlarining kafolati bo'lib xizmat qildi. Mazkur davrda O'zbekiston Respublikasida yoshlarga oid davlat siyosati huquqiy asoslar yaratildi. 1991-yil 20-noyabrda "Yoshlarga oid davlat siyosatining asoslari" qonuni qabul qilindi, bu yoshlarning huquq va erkinliklarini himoya qilishda muhim poydevor bo'ldi.

Shu davrda "Sog'lom avlod uchun" ordeni, "Bola huquqlari to'g'risida"gi konvensiyaning ratifikatsiyasi, "Sog'lom avlod", "Umid" va "Kamolot" jamg'armalarining tashkil etilishi yoshlarning ta'lim, sog'liqni saqlash va ijtimoiy himoya sohalarida rivojlanishini qo'llab-quvvatladi.

Davlat tomonidan qabul qilingan qonunlar va farmonlar yoshlarning huquqlarini himoya qilib, ularning barkamol shaxs sifatida rivojlanishi uchun zaruriy asoslarni yaratdi.

Ikkinchi bosqich – 2001-yildan keyingi yillar, ya'ni "Mamlakatimizda demokratik islohotlarni yanada chuqurlashtirish va fuqarolik jamiyatini yuksaltirish konsepsiyasi ishlab chiqilgan 2010-yilgacha davrni o'z ichiga olgan ikkinchi bosqich – inson va uning manfaatlarini hayotimizning barcha sohalarida amalga oshirilayotgan tub o'zgarishlar va ulkan bunyodkorlik ishlarining asosiy mezoniga aylangan, yoshlar siyosati dolzarb masalaga aylanayotgan, shu asnosida, yoshlar siyosati sohasida faol demokratik o'zgarishlar amalga oshirilayotgan, jamiyat hayotining barcha sohalarini izchil isloh qilishni ta'minlashda g'oyat muhim ahamiyat kasb etgan davrdir. Ushbu davrda yoshlar bilan ishlashda nafaqat davlat muassasalari, balki fuqarolik jamiyati institutlarining ham faol ishtirok etayotganini qayd etish joiz. Bu mexanizmlar, o'z navbatida, mustaqillik yillarida "Sog'lom avlod yili", "Ona va bola yili", "Yoshlar yili", "Barkamol avlod yili" Davlat dasturlarini samarali amalga oshirishning omili bo'ldi. Ushbu dasturlar doirasida sog'lom va barkamol avlodni tarbiyalash, yoshlarning ijodiy va intellektual salohiyatini ro'yobga chiqarish, yigit-qizlarni har tomonlama rivojlangan shaxslar etib voyaga yetkazish uchun zarur shart-sharoit va imkoniyatlarni yaratish bo'yicha aniq chora-tadbirlar ishlab chiqildi. 2003-yildan boshlab Umumta'lim maktablari, akademik litsey va kasb-hunar kollejlari o'quvchilari hamda oliy ta'lim muassasalari talabalari uchun "Umid nihollari", "Barkamol avlod" va "Universiada" kabi sport musobaqalari o'zaro bog'liq holda tashkil etilishidan maqsad yoshlarda sportga bo'lgan havas va intilishni, jamiyatimizda sog'lom turmush tarzi tamoyillarini yanada kuchaytirish, mamlakatimizda o'quvchi va talabalarni sport mashg'ulotlariga uzluksiz jalb qilishga qaratildi. Mazkur sport musobaqalarining izchil va o'zaro bog'liq holda tashkil etilishi yoshlar o'rtasida sportni hayot tarziga aylantirishda muhim omil bo'lib xizmat qildi. Eng asosiysi, ushbu tizim maktab bosqichidan boshlab oliy ta'lim muassasasigacha bo'lgan uzluksiz sport zanjirini shakllantirdi. Bu esa iqtidorli sportchilarni erta aniqlash, ularni bosqichma-bosqich saralash va professional sportga yo'naltirish imkonini berdi. Shu nuqtai nazardan, "Umid nihollari", "Barkamol avlod" va "Universiada" musobaqalari yosh avlodni har tomonlama barkamol etib tarbiyalash, milliy sport zaxirasini yaratish hamda jamiyatda sog'lom turmush madaniyatini mustahkamlashga xizmat qiluvchi muhim ijtimoiy loyiha sifatida baholandi.

Mazkur davrda Istiqbolli yosh pedagog va ilmiy kadrlar malakasini oshirish maqsadida "Iste'dod" jamg'armasi (2003), yosh iste'dodlar uchun "Nihol" (2000) mukofoti ta'xis etildi. Bunday mukofot hamda jamg'armaning ta'xis etilishi yoshlarning madaniy huquqlarini ta'minlashga qaratilgan ishlar yo'lga qo'yilganligidan dalolatdir.

Qolaversa, mazkur davrda Mustaqil Davlatlar Hamdo'stligiga a'zo davlatlar tomonidan "Yoshlar bilan ishlash sohasidagi hamkorlik to'g'risida"gi shartnoma imzolandi. Ushbu shartnoma yoshlar bilan ishlashda o'zaro tajriba almashish, davlatlar o'rtasida samarali hamkorlik va qo'shma tashabbuslarni amalga oshirish imkoniyatlarini yaratdi. Bu yoshlar siyosatining izchil rivojlanishini ta'minlab, mintaqaviy hamkorlikni kuchaytirishga yordam berdi. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2005-yil 31-oktabrdagi PQ-213-sonli "O'zbekiston Qurolli Kuchlari safida muddatli harbiy xizmatni o'tayotgan harbiy xizmatchilarga beriladigan imtiyozlar tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qaroriga [8] binoan "Kamolot" yoshlar ijtimoiy harakati tomonidan O'zbekiston Respublikasi Qurolli Kuchlari safida muddatli harbiy xizmatni o'tagan va to'lov-kontrakt shakli bo'yicha o'qishga qabul qilingan talabalarni moddiy qo'llab-quvvatlash ishlari yo'lga qo'yildi. Mazkur qaror yoshlarni harbiy xizmatga jalb qilish va ularning ta'lim olish imkoniyatlarini qo'llab-quvvatlashni kuchaytirishga yo'naltirilgan. Bu orqali yoshlarning harbiy xizmatdagi ishtirokini rag'batlantirish va ta'lim olish jarayonida qo'shimcha yordam ko'rsatish maqsad qilingan. "Kamolot" ijtimoiy harakatiga ko'maklashish maqsadida hududlarda "Yoshlar ijtimoiy xizmat markazlari" tashkil etildi, ushbu markazning asosiy vazifasi yoshlarning oldida turgan ijtimoiy muammolarni yechish, ularning huquqiy savodxonligini oshirish ko'zda tutilgan. "Yoshlarga oid davlat siyosati asoslari to'g'risida"gi Qonun, "Ijtimoiy himoya yili" Davlat dasturiga muvofiq va yosh oilalarni moddiy va ma'naviy qo'llab-quvvatlashni yanada kuchaytirish ishlari ilk bor keng ko'lamli tartibda yo'lga qo'yildi. Bunda yosh oilalarga ipoteka va iste'mol kreditlari ajratish yo'li bilan uy-joy sotib olish yoki qurish, uy xo'jaligini yo'lga qo'yishda ularni har tomonlama qo'llab-quvvatlash; kam ta'minlangan oilalar farzandlari bo'lgan yoshlarga, shu jumladan nikohdan o'tish va to'y marosimlarini o'tkazishda qo'shimcha moddiy yordam ko'rsatish amaliyoti yo'lga qo'yildi. Bu kabi amalga oshirilgan tizimli harakatlar yurtimizda kambag'al oilalar ko'rsatkichini tushirishga xizmat qildi. 2007-2008-yillar davomida Nukus shahrida, har bir viloyat markazi va Toshkent shahrida foydalanilmayotgan yotoqxonalar, uy-joylar va ko'p xonadonli uylardagi bo'sh turgan xonalar negizida oilaviy yotoqxonalar va yosh oilalar uchun imtiyozli narxlarda ijaraga beriladigan kvartiralar tashkil etildi. 2007-yilda yoshlarga kichik biznes va xususiy tadbirkorlikni tashkil qilish; uy-joy qurish, ta'mirlash va sotib olish (ijaraga olish); uy-xo'jaligini yo'lga qo'yish; mebel va boshqa uzoq muddat foydalaniladigan hayotiy zarur tovarlar sotib olish uchun 50 milliard so'm ajratildi [9]. Ushbu mablag'larning yosh oilalar uchun ajratilishi yosh oilalarning barqaror turmush kechirishini ta'minlashga xizmat qildi.

"Tijorat banklari tomonidan yosh oilalarga imtiyozli asosda kreditlar berish tartibi to'g'risida"gi qonunchilik hujjatida birinchi bor *yosh oila* tushunchasiga ta'rif berilib, ya'ni *yosh oila* deb er-xotinning ikkisi ham o'ttiz yoshdan oshmagan oila yoxud farzand (bola) tarbiyalab voyaga yetkazayotgan o'ttiz yoshdan oshmagan yolg'iz otadan yoki yolg'iz onadan iborat bo'lgan oila, shu jumladan nikohdan ajralgan, beva erkak (beva ayol) ekanligi qayd etildi [10]. Shuningdek, yoshlar iqtisodiy mustaqilligini ta'minlash uchun ipoteka va iste'mol kreditlari ajratildi, yosh tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash maqsadida moliyaviy yordamlar ko'rsatildi. 2008-yilda "Yoshlar yili" deb e'lon qilinishi buning natijasida "Yoshlar" dasturi qabul qilinib, yana bir yoshlar uchun imkoniyatlar eshigi ochildi. Oliy ta'limdan keyingi ta'limda o'quvchi tayanch doktorantlar uchun davlat stipendiyalari joriy etildi. Bu esa Oliy ta'limdan keyingi ta'limning yanada samarali faoliyatini hamda ilmiy izlanuvchilar sonini oshishiga olib keldi.

2001–2010-yillarni qamrab olgan ikkinchi bosqich O'zbekiston Respublikasida yoshlar siyosatining konseptual va institutsional jihatdan yangi sifat bosqichiga ko'tarilgan davri sifatida tavsiflanadi. Mazkur davrda inson va uning manfaatlari davlat siyosatining ustuvor mezoniga aylantirildi hamda yoshlar masalasi demokratik islohotlarning ajralmas tarkibiy qismi sifatida e'tirof etildi.

Ushbu bosqichning asosiy xususiyati shundan iboratki, yoshlar siyosati alohida ijtimoiy yo'nalish sifatida emas, balki jamiyat hayotining barcha sohalarini izchil modernizatsiya qilish jarayonining muhim elementi sifatida shakllandi. "Mamlakatimizda demokratik islohotlarni yanada chuqurlashtirish va fuqarolik jamiyatini yuksaltirish konsepsiyasi" doirasida yoshlar bilan ishlash mexanizmlari takomillashtirildi, davlat organlari bilan bir qatorda fuqarolik jamiyati institutlarining ham faol ishtiroki ta'minlandi. Bu esa yoshlar siyosatini amalga oshirishda **ko'p subyektli boshqaruv modelining** shakllanishiga zamin yaratdi.

Tojik siyosatshunosi Q.Miraliyovning fikriga ko'ra, Yoshlar siyosatini amalga oshirish **vertikal, gorizontal, intersektoral va interdiscipliner** yondashuvlarni birlashtirishni talab qiladi [11].

Har bir nazariyaning o'ziga xos ahamiyati bor va ularning kombinatsiyasi yoshlarni jalb qilish uchun samarali va foydali strategiyani tashkil qiladi.

Mazkur davrda qabul qilingan "Sog'lom avlod yili", "Ona va bola yili", "Yoshlar yili", "Barkamol avlod yili" kabi Davlat dasturlari yoshlarni har tomonlama qo'llab-quvvatlashning kompleks mexanizmini yuzaga keltirdi. Ushbu dasturlar doirasida sog'lom va barkamol avlodni tarbiyalash, yoshlarning ijodiy va intellektual salohiyatini ro'yobga chiqarish, ularni ijtimoiy hayotga faol jalb etish hamda mustaqil hayotga tayyorlashga qaratilgan aniq chora-tadbirlar tizimli ravishda amalga oshirildi. Ilmiy va ijodiy salohiyatni qo'llab-quvvatlash maqsadida "Nihol" mukofoti hamda "Iste'dod" jamg'armasining tashkil etilishi yosh kadrlar tayyorlash tizimini sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqdi. Oliy ta'limdan keyingi bosqichda tayanch doktorantlar uchun davlat stipendiyalarining joriy etilishi esa ilmiy-intellektual zaxirani shakllantirishga xizmat qildi. Ijtimoiy himoya mexanizmlarining kengaytirilishi, yosh oilalarni moddiy qo'llab-quvvatlash, ipoteka va iste'mol kreditlari ajratish, imtiyozli ijara uy-joylar tashkil etish, yosh tadbirkorlikni moliyalashtirish kabi chora-tadbirlar yoshlarning iqtisodiy mustaqilligini ta'minlashga qaratildi. "Yosh oila" tushunchasining normativ-huquqiy jihatdan aniq belgilanishi yoshlarni qo'llab-quvvatlash tizimining huquqiy asoslarini mustahkamladi.

Shuningdek, "Kamolot" yoshlar ijtimoiy harakati faoliyatining kengaytirilishi, Yoshlar ijtimoiy xizmat markazlarining tashkil etilishi hamda harbiy xizmatni o'tagan yoshlarga imtiyozlar berilishi yoshlarning ijtimoiy integratsiyasi va huquqiy savodxonligini oshirishga xizmat qildi.

Umuman olganda, 2001–2010-yillar O'zbekistonda yoshlar siyosatining institutsional mustahkamlanishi, normativ-huquqiy bazasining takomillashuvi va amaliy mexanizmlarining kengayishi bilan xarakterlanadi. Mazkur bosqich keyingi davrlarda yoshlar siyosatini modernizatsiya qilish, uni strategik darajaga olib chiqish hamda yoshlarni davlat va jamiyat taraqqiyotining faol subyekt sifatida shakllantirish uchun mustahkam nazariy va amaliy poydevor yaratdi.

Uchinchi bosqich, 2010-yildan, ya'ni "Mamlakatimizda demokratik islohotlarni yanada chuqurlashtirish va fuqarolik jamiyatini rivojlantirish konsepsiyasi ishlab chiqilib, amaliyotga joriy etila boshlanganidan 2016-yil oxirlarigacha bo'lgan davrni o'z ichiga oladi. Mamlakatimizda birinchi Prezident I.A.Karimov rahbarlik qilgan davrda xalqimiz taraqqiyoti va yoshlarga oid davlat siyosatida muhim qonunchilik hujjatlari qabul qilinganligi va keng qamrovli amaliy ishlar olib borilganligi bilan tavsiflanadi. Jumladan, yosh avlodni ma'naviy jihatdan yetuk va jismonan sog'lom qilib tarbiyalash, ularni milliy g'oya hamda an'analar ruhida voyaga yetkazishni nazarda tutuvchi "Sog'lom bola yili" Davlat dasturi doirasida yoshlarning mazmunli hordiq chiqarishlari uchun qo'shimcha imkoniyatlar va dam olish madaniyatining yangi zamonaviy an'alarini yaratish

maqsadida Vazirlar Mahkamasining “Toshkent shahrida “Favvoralar sayli” yoshlar ommaviy-madaniy tadbirlarini tashkil etish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 101-sonli qaror qabul qilindi [12]. Ushbu qaror asosida yoshlarning ijtimoiy huquqlari sirasiga kiruvchi dam olish huquqlari kafolatlandi. Yoshlarni tadbirlarga tashkiliy asosda olib kelish va ularni o‘z manzillariga xavfsiz yetkazib qo‘yish, shuningdek, tadbir davomida maxsus ishlab chiqilgan ssenariylar asosida ularning faol va mazmunli madaniy dam olishini ta‘minlash yuzasidan batafsil reja-jadvallar ishlab chiqildi. Mazkur yilda yoshlarning ma‘daniy ijodiy faoliyatlariga keng imkoniyatlar yaratib beruvchi “Yoshlar madaniyat va san‘at markazi” tashkil etildi. Ushbu markaz faoliyatining yo‘lga qo‘yilishi yoshlarning madaniyat va san‘atga mehrini uyg‘otishga sabab bo‘ldi.

2014-yil 19-fevralda O‘zbekiston Respublikasi Birinchi Prezidentining PQ–2133-son qarori bilan tasdiqlangan “Sog‘lom bola yili” Davlat dasturining 83-bandini bajarish yuzasidan Vazirlar Mahkamasining qarori asosida O‘zbekiston Respublikasi Xalq ta‘limi vazirligi huzurida Respublika o‘quvchi-yoshlar markazini tashkil etildi [13]. Ushbu markaz faoliyatining asosiy vazifasi sifatida Respublika umumta‘lim maktablari o‘quvchilari, jumladan ijtimoiy himoyaga muhtoj oilalar farzandlari va ota-ona qaramog‘idan mahrum bo‘lgan bolalarning ta‘til vaqtida bilim hamda malakalarini takomillashtirish, bo‘sh vaqtini maqsadli va mazmunli o‘tkazishini ta‘minlash, shu bilan birga ularning sog‘lig‘ini mustahkamlashga qaratilgan zarur shart-sharoitlarni yaratish ko‘zda tutildi.

Xulosa qilib aytadigan bo‘lsak, ushbu davrda (2010–2016-yillar) mamlakatda demokratik islohotlarni chuqurlashtirish va fuqarolik jamiyatini rivojlantirish konsepsiyasini amaliyotga tatbiq etish bosqichi sifatida tavsiflanadi. Bu yillarda yoshlarga oid davlat siyosati doirasida qator normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilinib, ularning ma‘naviy-axloqiy tarbiyasi, sog‘lom turmush tarzini qaror toptirish hamda mazmunli dam olishini ta‘minlashga qaratilgan dastur va loyihalar amalga oshirildi. Xususan, “Sog‘lom bola yili” Davlat dasturi, “Favvoralar sayli” kabi ommaviy-madaniy tadbirlar, shuningdek, Respublika o‘quvchi-yoshlar markazining tashkil etilishi yoshlarning ijtimoiy himoyasi va bo‘sh vaqtini samarali tashkil etish borasidagi institutsional choralar sifatida namoyon bo‘ldi.

Shu bilan birga, mazkur bosqichda amalga oshirilgan chora-tadbirlar ko‘proq mavjud tizimni takomillashtirish va qo‘llab-quvvatlash xarakteriga ega bo‘lib, tub va keng ko‘lamli tizimli islohotlar kuzatilmadi. Davr asosan barqarorlikni saqlash, ilgari boshlangan siyosiy va ijtimoiy yo‘nalishlarni davom ettirish bilan tavsiflanadi hamda ma‘lum ma‘noda nisbatan turg‘un rivojlanish bosqichi sifatida baholanishi mumkin.

To‘rtinchi bosqich, 2016-yil oxiridan bugungi kungacha bo‘lgan davrni o‘z ichiga oladi. Aynan ana shu davr yoshlarga oid davlat siyosatining asosiy tamoyillari Prezidentimiz Sh.M.Mirziyoyevning 2017-yil 7-fevraldagi “O‘zbekiston Respublikasini yanada rivojlantirish bo‘yicha harakatlar strategiyasi to‘g‘risida”gi Farmoni bilan tasdiqlangan mamlakatimiz taraqqiyotini yangi yo‘nalishlarini ochib berdi. Davlatimiz rahbari tomonidan asosiy yo‘nalishlari belgilab berilgan 2017-2021-yilgacha hamda 2022-2026-yilgacha mo‘ljallangan Harakatlar strategiyasida hayotimizning barcha sohalari kabi yoshlarga oid davlat siyosatini amalga oshirish borasidagi ishlarimiz uchun muhim rivojlanish dasturi, shuningdek, yoshlarga ijtimoiy huquqlari kafolatini belgilab beruvchi qonunchilik hujjatlari ham faoliyatimiz dasturulamali ekanligi shubhasizdir. Ushbu strategiya doirasida yoshlarga oid davlat siyosati bo‘yicha olib borilayotgan islohotlar va qonunchilik hujjatlari, yoshlarning ijtimoiy huquqlarini himoya qilishda muhim ahamiyatga egaligi bilan farqlanadi. Harakatlar strategiyasining 2017-2021 va 2022-2026-yillarga mo‘ljallangan qismlari, yoshlarni rivojlantirish va ularga zarur sharoitlar yaratishda davlat siyosatini yangi bosqichga olib chiqishga xizmat qildi. Bu, yoshlarning ta‘lim, ijtimoiy huquqlar va iqtisodiy imkoniyatlarini kengaytirish borasida amalga oshirilayotgan asosiy chora-tadbirlarni ko‘rsatdi.

To'rtinchi davr – yoshlarga oid asosiy qonunchilik hujjatlariga tizimli yangi o'zgarishlar olib kirgan bosqich sifatida maydonga kirib keldi. Bu “Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida”gi ya'ni yoshlarning barcha huquq va erkinliklarini o'zida mujassam qiluvchi yangi tahrirdagi qonunning qabul qilinishi bilan namoyon bo'ldi. Ushbu qonun yoshlarga keng huquq imkoniyatlar ochib berdi. Mazkur qonunning qabul qilinishi davlatimiz tomonidan Yoshlarga oid davlat siyosatida bir qator ustuvor vazifalar belgilab berdi. Ushbu qonunda yoshlarga oid alohida kategoriyalar ishlab chiqilib, ushbu tushunchalarga atroflicha ta'rif berib o'tilgan. Ushbu maxsus kategoriyalarga “yoshlarga oid davlat siyosati”, “yosh mutaxassis”, “yoshlar tadbirkorligi”, “yoshlar” kabi tushunchalar kiritilgan. Shuningdek, yoshlarga oid davlat siyosatining maxsus prinsiplari ishlab chiqilib, bularga a) ochiqlik va shaffoflik; b) yoshlarga oid davlat siyosatini ro'yobga chiqarishda yoshlarning ishtirok etishi; c) yoshlar tashabbuslarini qo'llab-quvvatlash va rag'batlantirish; d) ma'naviy, axloqiy va madaniy qadriyatlarning ustuvorligi; d) yoshlarning kamsitilishiga yo'l qo'yilmasligi kabilari belgilangan.

Birinchidan, ochiqlik va shaffoflik prinsipi davlat organlari faoliyatining jamoatchilik uchun ochiq bo'lishini, qabul qilinayotgan qarorlar va dasturlar yuzasidan axborotning erkin taqdim etilishini ta'minlaydi. Bu esa yoshlarning davlat siyosatiga nisbatan ishonchini mustahkamlaydi hamda ijtimoiy faollikni oshiradi.

Ikkinchidan, yoshlarga oid davlat siyosatini ro'yobga chiqarishda yoshlarning bevosita ishtiroki ularni passiv obyekt emas, balki faol subyekt sifatida e'tirof etishni anglatadi. Bu prinsip yoshlarning tashabbuskorligi, mas'uliyati va fuqarolik pozitsiyasini shakllantirishda muhim ahamiyat kasb etadi.

Uchinchidan, yoshlar tashabbuslarini qo'llab-quvvatlash va rag'batlantirish innovatsion g'oyalar, tadbirkorlik faoliyati hamda ijtimoiy loyihalarning rivojlanishiga xizmat qiladi. Natijada yoshlarning iqtisodiy va ijtimoiy faolligi ortadi, ularning jamiyat taraqqiyotidagi o'rni mustahkamlanadi.

To'rtinchidan, ma'naviy, axloqiy va madaniy qadriyatlarning ustuvorligi yosh avlodni milliy an'analar va umuminsoniy qadriyatlar ruhida tarbiyalashga yo'naltirilgan. Bu esa jamiyatda barqaror ma'naviy muhitni ta'minlashning muhim omilidir.

Beshinchidan, yoshlarning kamsitilishiga yo'l qo'yilmasligi prinsipi ularning teng huquqliligini kafolatlaydi hamda ijtimoiy, iqtisodiy va siyosiy hayotda teng imkoniyatlardan foydalanishini ta'minlaydi. Umuman olganda, mazkur prinsiplar yoshlarga oid davlat siyosatining demokratik, insonparvar va inklyuziv xarakterga ega ekanligini ko'rsatadi hamda yoshlarning har tomonlama rivojlanishi uchun huquqiy asos yaratadi.

“Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida”gi Qonunda yoshlarga oid davlat siyosatini amalga oshirishda 13 ta asosiy yo'nalish belgilab o'tilgan. Ushbu yo'nalishda yoshlarning ijtimoiy huquqlarini ta'minlash ustuvor maqsad sifatida ko'riladi. Jumladan, yoshlarning huquq va erkinliklarini ta'minlash yo'nalishi yoshlarni jamiyatning to'laqonli subyekt sifatida e'tirof etadi. Huquqiy kafolatlarning mustahkamlanishi yoshlarning ijtimoiy faolligini oshiradi va ularning manfaatlarini himoya qilishda muhim asos bo'lib xizmat qiladi. Yoshlarning hayoti va sog'lig'ini saqlashda esa tibbiy xizmatlar, profilaktika va sog'lom turmush targ'iboti yoshlar salomatligini mustahkamlashda muhim omildir. Sog'lom avlod – barqaror jamiyat poydevoridir. Ochiq va sifatli ta'limni ta'minlash yo'nalishida sifatli ta'lim yoshlarning raqobatbardoshligini belgilaydi. Ta'lim tizimining ochiqligi va inklyuzivligi ijtimoiy tenglikni ta'minlashga xizmat qiladi. Yoshlarni ishga joylashtirish va bandligi ta'minlash masalasi yoshlar siyosatining eng dolzarb yo'nalishlaridan biridir. Mehnat bozoriga integratsiya yoshlarning iqtisodiy mustaqilligini ta'minlash kabi ustuvor vazifalar belgilab o'tilgan. Shuningdek, “Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida”gi qonunda ko'p bora uyushmagan yoshlar tushunchasi tilga olingan, lekin uyushmagan yoshlar tushunchasi maxsus kategoriyalarda yoki mazkur qonuning normalarda ochib berilmagan. Shu sababli, ***O'zbekiston Respublikasining 2016-yil 14-sentabrda qabul qilingan “Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida”gi***

O'RQ-406-sonli qonunning 3-moddasi birinchi qismiga qo'shimcha xatboshi sifatida ushbu kategoriyaning mohiyatini ochib beruvchi norma kiritish lozim.

Kirnitsky ta'kidlashicha, yoshlar – bu yoshga oid xususiyatlar, ma'lum bir ijtimoiy maqom va dinamik madaniy hamda ijtimoiy identifikatsiyaga ega bo'lgan ijtimoiy-demografik guruhdir. Yoshlar ijtimoiylashish jarayonida faol agentlar bo'lib, shaxsiy va kollektiv identifikatsiyalarini ijtimoiy normalar va madaniy qadriyatlar orqali shakllantiradilar [14]. Darhaqiqat, yoshlar bu jarayonda faollik ko'rsatib, o'zi kimligini va jamiyatdagi o'rnini aniqlashda ijtimoiy va madaniy ta'sirlar asosida rivojlanadilar.

Sotsiolog Muhammad Tagi Shayxni aytishicha, har bir jamiyatda yoshlar eng birlashgan, ta'sirchan va shu bilan birga ta'sir qiluvchi guruhdir. Shuningdek, ta'lim, ilm-fan va axloqiy sohalarga maqsadli tarzda investitsiya kiritish yoshlarning rivojlanishi va dinamikasida samarali rol o'ynaydi [15]. Ularning rivojlanishi uchun ta'lim, ilm-fan va axloqiy sohalarga investitsiya kiritish juda muhim. Bu sohalarga yo'naltirilgan resurslar yoshlarning kelajakdagi ijtimoiy va madaniy o'sishi, shuningdek, jamiyatdagi o'rni va roli uchun poydevor yaratadi.

Yoshlar – bu vaqt sari o'zgaradigan obyektidir, juda harakatchan bo'lgani sababli takror tadqiqotlar, retrospektiv va longityud strategiyalar qo'llaniladi [16]. Longityud (inglizcha uzoq, muddatli) tadqiqotlar uzoq vaqt davomida ma'lum bir insonlar guruhi, ularning hayot yo'llari, ijtimoiylashuv jarayonlari, professional karyera, oilaviy hayotini shakllantirishini o'rganuvchi tadqiqotlardir.

Siyosatshunos olim Abrorov tomonidan tadqiqotning bu turi vaqt o'tgan sari mazkur toifadagi insonlarni shakllanishi, ularning orientatsiyalari, qarashlari, motivlarining o'zgarishini o'rganib borishga, hayot yo'lida ularning qadriyatlari va motivatsiyalarining o'zgarishini qanday ta'sir o'tkazishini bilishga yordam berishi ta'kidlangan [17].

Yoshlar milliy identifikatsiya talablariga rioya qilinishiga qarab, faol yoki nafaol, **uyushgan yoki uyushmagan** toifalariga ajratiladi. **Uyushmagan yoshlar** deganda, 14 yoshdan 30 yoshgacha bo'lgan yoshlarning ishsiz, ijtimoiy-siyosiy va iqtisodiy jihatdan nafaol qatlami tushuniladi. Ayniqsa, uyushmagan yoshlar muammosi uchun davlatimiz rahbari tomonidan jamiyatimizning har bir a'zosi bevosita mas'ul ekanligini qayd etilishi ham masalaning o'ta dolzarbligini ifodalaydi [18]. S. Verb va N. Nay tomonidan ishlab chiqilgan **“Ishtirok modeli”** yoshlarning ijtimoiy- siyosiy faoliyatini tahlil qilishda asosiy yondashuvlardan biri hisoblanadi [19]. Bu modelda yoshlarning faoliyati bir necha bosqichlarda rivojlanadi, unda ular boshlang'ich bosqichdan boshlab ijtimoiy hayotning turli sohalarida o'z rolini o'ynashga kirishadilar. Qolaversa, ishtirok modeli, yoshlarning faolligini jamiyat tomonidan qadrlash va yoshlarning ijtimoiy-siyosiy huquqlarini amalga oshirishga yordam beruvchi mexanizmlar sifatida ham qaraladi.

Bugunimiz va kelajagimizni belgilab beruvchi shaxslar bular yoshlarimiz ekanligini unutmasligimiz lozim. Zero, “farzandlarimizni mustaqil fikrli, zamonaviy bilim va kasb-hunarlarini egallagan, mustahkam hayotiy pozitsiyaga ega, chinakam vatanparvar insonlar sifatida tarbiyalash vazifasidir” [20]. Prezidentimiz tomonidan aytilgan fikrlar asosida yoshlarga e'tibor borgan sari kuchayib bormoqda. Jamiyatimizda yoshlar asosiy kuch sifatida taraqqiyotimizning poydevorini belgilab beradi. Shu asnosida, yoshlar, ayniqsa, uyushmagan yoshlar bilan tizimli ravishda shug'ullanish, ularda yuzaga kelgan muammolarni to'g'ri anglagan holda, bartaraf etish lozim. Uyushmagan yoshlar – faol ijtimoiy hayotdan chetda qolgan o'g'il-qizlardir. Barcha norozilik va ko'ngilsizlikning ham keltiruv chiqaruvchilari ushbu toifadir. Shunday ekan, bu muammoni oldini olish bugungi kunda davlat siyosati darajasiga ko'tarilib, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017-yil 5-iyuldagi “Yoshlarga oid davlat siyosati samaradorligini oshirish va O'zbekiston yoshlar ittifoqi faoliyatini qo'llab-quvvatlash to'g'risida”gi PF-5106-son Farmoni bilan O'zbekiston yoshlar ittifoqining hududiy kengashlari qoshida – “Uyushmagan yoshlar jamiyati” tuzilib, Respublika miqyosida har bir yosh otaliqqa olindi [21]. Ushbu farmonning 12-bandida yoshlar markazlari va

zamonaviy yoshlar kinoteatrlarini, shuningdek, yoshlarni, ayniqsa, ularning uyushmagan qismini **6 oygacha bo'lgan muddatda kasb-hunarga to'lovsiz o'qitish markazlarini** tashkil etish dasturi loyihasi ishlab chiqildi. O'zbekiston yoshlar ittifoqi muassisligidagi Respublika yoshlar markazi 2017-yil 21-sentyabrda 768-son bilan qayta davlat ro'yxatidan o'tdi, O'zbekiston yoshlar ittifoqi Markaziy Kengashi Ijroiya Qo'mitasining 2018-yil 23-yanvardagi 01-04/176-sonli qaroriga ko'ra Respublikamizning barcha hududlarida Markazning hududiy bo'linmalari tashkil etildi. Bu kabi tadbirlarning amalga oshirilishining bosh sababi – har bir uyushmagan yosh avlodni qiynayotgan masalalarga be'etiborlik ularning turli illatlar girdobiga tushib qolishiga sabab bo'lishi mumkin. Yoshlarning subyektiv huquq va yuridik majburiyatlarini yoshlarning ijtimoiy faolligini ta'minlovchi institutlar tomonidan tizimli ravishda tashkil etilishi, kelgusida yuzaga keladigan muammolarni bartaraf etadi. O'zbekiston Respublikasida jamiyatni yanada demokratlashtirish va modernizatsiyalash sharoitida aholining asosiy salmog'ini tashkil etuvchi yoshlarning ijtimoiy faolligi va bandligini ta'minlash muhim ahamiyat kasb etadi.

Mazkur davrda “Yoshlar – kelajagimiz” davlat dasturi doirasida hududlar bo'yicha joriy, yaqin, o'rta va uzoq istiqboldagi mehnat bozorida talab yuqori bo'lgan kasb-hunar ixtisosliklarini aniqlab, yoshlarni bandligini ta'minlash kabi vazifalar belgilandi. Ushbu chora-tadbirlarni moliyalashtirishda O'zbekiston Yoshlar ittifoqi huzurida “Yoshlar – kelajagimiz” [22] jamg'armasi tuzildi. Bu chora-tadbirlar yoshlarning iqtisodiy mustaqilligini ta'minlash va ularga kelajakda muvaffaqiyatli ish topish imkoniyatlarini yaratish uchun zarur. Jamg'arma tashkil etilishi esa yoshlar bandligini ta'minlashga yo'naltirilgan resurslarni samarali taqsimlashga xizmat qiladi. Bu dastur yoshlarning rivojlanishi uchun kuchli asos bo'lib, ularni jamiyatda faol ishtirok etishga rag'batlantiradi.

O'zbekistonda yoshlarga oid davlat siyosatini yangi bosqichga olib chiqish, yoshlar sohasidagi muammolarga samarali yechimlarni ishlab chiqish va ularni bartaraf etish maqsadida Yoshlar ishlari agentligi hamda hududlarda boshqarma va bo'limlari tuzish O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 27-dekabrda mamlakat yoshlari bilan uchrashuvida ta'kidlab o'tildi. Shuningdek, O'zbekiston Respublikasini rivojlantirishning beshta ustuvor yo'nalishi bo'yicha Harakatlar strategiyasini “Yoshlarni qo'llab-quvvatlash va aholi salomatligini mustahkamlash yili”da amalga oshirishga oid Davlat dasturi ijrosini ta'minlash doirasida yoshlarni qo'llab-quvvatlash, ulardagi ijtimoiy muammolarni bartaraf etish maqsadida “Yoshlar daftari”, “Temir daftar” [23] tashkil etildi. “Temir daftar”ga kiritilgan oilalarning farzandlari hamda “Yoshlar daftari”ga kiritilgan yangi turmush qurgan yoshlarning yakka tartibdagi xonadonida qo'shimcha uy-joy qurishga 33 million so'mgacha garovsiz kredit ajratish tartibi belgilandi. Yoshlar daftari” jamg'armasi tashkil etilishi orqali moddiy ahvoli og'ir va ijtimoiy himoyaga muhtoj yoshlarni har tomonlama qo'llab-quvvatlashga qaratilgan kompleks mexanizm yaratildi [24].

Ushbu tizim orqali yoshlar uchun bir martalik moddiy yordam, uy-joy ijarasi subsidiyasi, kontrakt to'lovlarini qoplash, haydovchilik kurslari xarajatlari, davolanish, xorijiy til va kasb-hunar o'qish xarajatlarini moliyalashtirish kabi aniq manzilli yordam turlari joriy etildi. Shuningdek, nogironligi bo'lgan yoshlar hamda yangi turmush qurgan yosh oilalarga alohida imtiyoz va kafillik mexanizmlari belgilangan bo'lib, bu ijtimoiy adolat tamoyilining amaliy ifodasidir.

Shu bilan birga, Mirandaning fikricha, yoshlar uchun bir martalik moddiy yordam, ta'lim, uy-joy va sog'liqni saqlash kabi moliyaviy yordam turlarining o'rni haqida so'z yuritadi. U yoshlarni qo'llab-quvvatlashning muhimligini va bunday dasturlar orqali yoshlar o'rtasidagi ijtimoiy tengsizlikni kamaytirishga erishish mumkinligini ta'kidlaydi. Cuervo bu dasturlarni dunyoning turli mamlakatlaridagi muvaffaqiyatli amaliyotlar bilan solishtiradi va ular orqali yoshlarning iqtisodiy mustaqillik va ijtimoiy integratsiyasiga qanday erishilganini ko'rsatadi [25].

Shuningdek, BMTning “Yoshlar strategiyasi – 2030” dasturi doirasida BMT tizimida yoshlar bo'yicha global majburiyatlarni beshta asosiy sohada amalga oshirishda davom etmoqda: (a)

hukumatlarni siyosatni belgilashda qo'llab-quvvatlash; (b) yoshlar uchun dasturlar, loyihalar va hamkorliklarni tashkil etish; (c) yoshlar masalalarini targ'ib qilish va jamoat kommunikatsiyasida yetakchilik qilish; (d) yoshlar bo'yicha ma'lumot va dalillarni ishlab chiqish va ulashish, yoshlar bilan bog'liq ishlar uchun standartlar belgilash; (e) manfaatdor tomonlar salohiyatini oshirish va yoshlar bo'yicha bilim almashish [26]. Mazkur sohalar doirasida yurtimizda bosqichma-bosqich ustuvor vazifalar belgilanib, ko'zlagan natijalarga erishishga harakat qilinmoqda.

2024-yilda O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Migratsiya agentligi tuzilmasida 16 shtat birligidan iborat Fuqarolarni (yoshlarni) chet tillariga o'qitish va xorijiy davlatlarda ishlashga maqsadli tayyorlash markazi tashkil etildi. Yoshlarni xorijda mehnat faoliyati bilan band bo'lish imkoniyatini oshirdi. Ushbu yilda "Raqamli ta'limni rivojlantirish markazi" davlat muassasasi tomonidan yoshlarni xalqaro IT sertifikatini olish hamda unga tayyorgarlik xarajatlari qoplab beriladigan bo'ldi. Shuningdek, yoshlarga yer ajratish orqali ham yoshlarning bandligini ta'minlash chora-tadbirlari ko'riladi. 2025-yilda "Yoshlar daftari" jamg'armalari orqali ijtimoiy shartnoma tuzish orqali "Yoshlar daftari" jamg'armalaridan taqdim etiladigan 10ta muhim ijtimoiy yordamlar ro'yxati shakllantiradi [27]. 2024-yilda O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Migratsiya agentligi tomonidan yoshlarni chet tillariga o'qitish va xorijda ishlashga tayyorlash markazining tashkil etilishi, yoshlarning xorijda mehnat faoliyatini amalga oshirish imkoniyatlarini oshirdi. Shuningdek, "Raqamli ta'limni rivojlantirish markazi" tomonidan yoshlarni xalqaro IT sertifikati olish uchun qo'llab-quvvatlash, yoshlarni raqamli ko'nikmalar bilan ta'minlashda muhim qadam bo'ldi. Yoshlar uchun yer ajratish orqali bandlikni ta'minlash ham samarali chora sifatida qaraladi. 2025-yilda esa "Yoshlar daftari" jamg'armalari orqali yoshlarning ijtimoiy muammolarini hal qilish uchun 10 ta muhim ijtimoiy yordamning taqdim etilishi, yoshlarning ijtimoiy himoyasini yanada kuchaytirishga yordam beradi. Bu chora-tadbirlar yoshlarni ijtimoiy va iqtisodiy jihatdan qo'llab-quvvatlashning samarali yo'llari hisoblanadi.

Yuqoridagi fikrlardan kelib chiqib, yoshlarga oid davlat siyosatida yoshlarning ijtimoiy huquqlarini ta'minlash muhim ijtimoiy vazifa sifatida belgilandi. To'rtinchi davr – yoshlarning ijtimoiy huquq va erkinliklarini kafolatlagan davr sifatida belgilanadi. Yoshlar tushunchasi mazkur davrda chuqurroq o'rganilib, ularning milliy identifikatsion jihatdan uyushgan va uyushmagan yoshlar toifasiga ajratildi. Lekin olimlar tomonidan uyushmagan yoshlar tushunchasiga ta'rifda ba'zi bir juz'iy kamchiliklar mavjud. Jumladan, E.O.Kadirov o'zining tadqiqot ishida "uyushmagan yoshlar" tushunchasiga o'z maqsadini individual tarzda, davlat va jamiyat yaratgan imkoniyatlardan foydalanmasdan, primitiv, nafaol tarzda samarasiz amalga oshirayotgan, hech qayerda o'qimayotgan, ishlayotgan yoshlar guruhini anglatishini qayd etgan [28]. Vaholanki, uyushmagan yoshlarning barchasida ham ijtimoiy faollik, huquqiy ong past bo'lavermaydi, o'z navbatida, uyushmagan yoshlar orasida ijtimoiy faolligi, siyosiy ong va madaniyat darajasi yuqori bo'lganlarini ham uchratish mumkin. Shu bilan birga, Qozog'iston Respublikasining "Davlat yoshlar siyosati to'g'risida"gi qonunining 1-moddasida ushbu toifaga quyidagicha ta'rif berilgan: Vaqtincha band bo'lmagan yoshlar – ta'lim muassasalarida o'qimayotgan, ishlayotgan va professional tayyorgarlik yoki qayta tayyorlashdan o'tmayotgan, vaqtincha nafaol bo'lgan yoshlar tushuniladi [29], qolaversa, ushbu qonunchilikda 10 dan ortiq asosiy tushunchalar ta'rifi ham mavjud. **Muallif tomonidan taklif sifatida 2016-yil 14-sentabrda qabul qilingan "Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida"gi O'RBQ-406-sonli qonunga uyushmagan yoshlar yoki vaqtincha band bo'lmagan yoshlar kategoriyasini kiritish lozim. Ushbu termin Xalqaro qonunchilikda ham NEET (Not in Education, Employment, or Training) tushunchasi [30] bilan mashhur.**

Shuningdek, o'rganishlarimiz davomida "yosh oila" kategoriyasiga O'zbekistonda yosh oila chegarasini 30 dan 35 yoshga uzaytirish taklif qilinmoqda. Bu haqda "Mening fikrim" jamoaviy murojaatlar portalida petitsiya paydo bo'lgan. Qonunda 30 yoshdan oshmagan shaxslar yosh oila

toifasiga kiritilishi belgilangan. Qozog'iston, Qirg'iziston, Tojikiston qonunchilik hujjatlarida yoshlar toifasi 14 yoshdan 35 yoshgacha etib belgilangan. 2023-yildan Qozog'iston hukumati yosh toifasidagi chegarani 30 yoshdan 35 yoshga oshirdi [31]. Shu bilan birga Xitoy Kommunistik partiyasi Markaziy Qo'mitasi va Davlat kengashi tomonidan e'lon qilingan rejada "yoshlar" tushunchasi 14 yoshdan 35 yoshgacha bo'lgan shaxslarni nazarda tutadi. Janubiy Koreyada 19-34 yosh oralig'i bo'lsa, Singapurda esa 15-34 yosh oralig'idagilar yosh hisoblanadi.

Statistikaga qaraganda nikoh qurish yoshi yildan-yilga oshmoqda, Milliy statistika qo'mitasi ma'lumotlariga ko'ra, 2024-yil yanvar-sentabr oylari davomida nikohlarda erkaklarning o'rtacha yoshi 27,4ni tashkil etmoqda. 2025-yilning yanvar-fevral oylarida, FHDYo organlarida respublika bo'yicha 31 775 ta nikoh holatlari qayd etilgan. Qayd etilgan nikohlarda erkaklarning yosh guruhlari bo'yicha taqsimlanishida 31-yoshdan 40 yoshgacha bo'lganlar 13,6 % ko'rsatmoqda. 20-30 oralig'ida esa 78% [32]. Ma'lumki, yosh oila toifasi bizga ba'zi bir imkoniyatlar, jumladan, daromad solig'i, kreditlar, uy-joy olish kabi munosabatlarda imtiyozlar taqdim etadi. Hozirgi kunda yoshlarimiz o'rtasida turmush qurish kechikib bormoqda. Bunga sabab turmush qurayotgan insonlar, eng avvalo, moliyaviy holatini yaxshilab, keyin turmush qurishni o'ylaydi va bu turmush qurishni kechikishiga olib keladi, aksar hollarda 30 yoshdan keyin turmush qurayotganlar ham kam emas.

Shuning uchun, yosh oila chegarasini 30 yoshdan 35 yoshga ko'tarish taklifi muallif tomonidan bildirilmoqda. Ushbu taklif amalga oshirilsa, yosh oilalarni davlat tomonidan qo'llab-quvvatlash tizimida yanada ko'proq imkoniyatlar yaratiladi.

Tahlil qilingan to'rt bosqich shuni ko'rsatadiki: 1991–2000-yillarda yoshlarga oid davlat siyosatining dastlabki normativ poydevori yaratildi, ijtimoiy himoya va ta'limni qo'llab-quvvatlashning asosiy yo'nalishlari shakllandi; 2001–2010-yillarda esa ushbu siyosat konseptual va institutsional jihatdan kengayib, fuqarolik jamiyati institutlari ishtiroki kuchaydi hamda yoshlar uchun kompleks davlat dasturlari amaliyotga joriy etildi. 2010–2016-yillarda mavjud tizimni takomillashtirishga yo'naltirilgan chora-tadbirlar, ayniqsa, sog'lom turmush va mazmunli dam olish huquqlarini ta'minlashga xizmat qildi. 2016-yildan hozirga qadar bo'lgan davrda esa yoshlarga oid siyosat strategik darajaga ko'tarilib, yangi tahrirdagi "Yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida"gi Qonun, Harakatlar strategiyalari, "Yoshlar daftari", manzilli ijtimoiy yordamlar, bandlik va tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash mexanizmlari bilan yoshlarning ijtimoiy huquqlarini kafolatlash yanada tizimlashtirildi.

IQTIBOSLAR/ЧОСКИ/REFERENCES:

1. Yo'ldashev A.A. XIX asr oxiri - XX asrning 20-yillarida Turkiston yoshlarining xorijda ta'lim olish masalalari. Tarix. fan. nomz. ... dis. - T., 2022.
2. O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2016-y., 37-son, 426-modda; 2017-y., 24-son, 487-modda; Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 24.07.2018-y., 03/18/486/1559-son.
3. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001; Корпоративное управление. Под ред. М.Г. Антонова. М. 2006 С. 12. <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-politika-kontsepsiya-i-m-ilinskogo/viewer>
4. Ismoilov T.I. O'zbekistonda uyushmagan yoshlarning ijtimoiy faolligi [monografiya]. –T., 2021. file:///C:/Users/User/Desktop/Dissertatsiya/Monografiyalar/NamDU-ARM_7924D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B3.pdf
5. O'zbekiston Respublikasi Oliy Kengashining Axborotnomasi, 1992-y., 2-son, 80-modda; O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Axborotnomasi, 1998-y., 5-6-son, 102-modda; O'zbekiston Respublikasi Qonun hujjatlari to'plami, 2004-y., 25-son, 287-modda; 51-son, 514-modda; 2008-y., 52-son, 513-modda.
6. O'zbekiston Respublikasi Oliy Kengashi tomonidan 1991-yil 20-noyabrda qabul qilingan "O'zbekiston Respublikasida yoshlarga oid davlat siyosati to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasini qonuni kuchga kiritish tartibi haqidagi 430-XII-son qarori // O'zbekiston Respublikasi Oliy Kengashining Axborotnomasi, 1992-y., 2-son, 81-modda

7. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 1993-yil 5-fevral sanasida qabul qilingan "O'zbekiston o'quvchi yoshlarini rag'batlantirish to'g'risida"gi PF-555 sonli Farmoni // O'zbekiston Respublikasi Oliy Kengashining Axborotnomasi, 1993-y., 3-son, 132-modda; O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami.

8. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2005-yil 31-oktabrda qabul qilingan "O'zbekiston Qurolli Kuchlari safida muddatli harbiy xizmatni o'tayotgan harbiy xizmatchilarga beriladigan imtiyozlar tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PQ-213-sonli qarori // O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2006-y., 37-38-son, 384-modda, 40-son, 398-modda; 2010-y., 48-son, 451-modda

9. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2007-yil 18-mayda qabul qilingan "yosh oilalarni moddiy va ma'naviy qo'llab-quvvatlashga doir qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PF-3878-son Farmoni // O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2007-y., 19-20-son, 192-modda; 2017-y., 8-son, 107-modda, 37-son, 982-modda;

10. Миралиён К. А. Молодежная политика. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2016. — 590 с. <https://miraliyon.page/2016/10/19/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%b0%d1%8f-%d0%ba%d0%bd%d0%b8%d0%b3%d0%b0%d0%bc%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b4%d0%b5%d0%b6%d0%bd%d0%b0%d1%8f%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0/>

11. O'zbekiston Respublikasi Markaziy banki Boshqaruvining 18.07.2007 yilda ro'yxatdan o'tgan, ro'yxat raqami 1697- qarori// O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2007-y., 29-30-son, 308-modda; 2012-y., 25-son, 284-modda; 2014-y., 49-son, 585-modda; 2016-y., 42-son, 494-modda;

12. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2014-yil 23-aprelda qabul qilingan "Toshkent shahrida "Favvoralar sayli" yoshlar ommaviy-madaniy tadbirlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 110-son qarori // O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2014-y., 17-son, 194-modda.

13. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2014-yil 5-mayda qabul qilingan "O'zbekiston Respublikasi Xalq ta'limi vazirligi huzurida Respublika o'quvchi-yoshlar markazini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 115-son qarori // O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2014-y., 19-son, 214-modda; 2016-y., 26-son, 316-modda.

14. Кирницкий В.В. Проблема формирования патриотических ценностей в массовом сознании российской молодежи: диссертация...кандидата философских наук. - Москва, 2016. – 176 с. [Проблема формирования патриотических ценностей в массовом сознании российской молодежи : диссертация. кандидата философских наук : 09.00.11 \(2016\) — Кирницкий В.В. — читать книгу онлайн | НЭБ \[000199_000009_008755034\]](#)

15. Mohammad Taghi Sheykhi. Sociology of Youth, 29 July 2021, Page 1-110// https://www.researchgate.net/publication/353733991_Sociology_of_Youth

16. Чирун С.Н.. Политическая активность и политическое участие молодёжи: проблемы и возможности // Вестник Томского государственного университета. –Выпуск №332, 2010. –С. 50-53. https://abis.lib.tomsk.ru/pwb/detail?db=DB_MARS10&id=RU%5CTSPUSRL%5Cmars10%5C1293

17. Минченя Е.А. Социология молодежи, ГУБПО «Белорусско-Российский университети. -Могалев: 2017. -С. 9-10. <https://u.eruditor.one/file/3862800/?ysclid=mn7gi89o6q941701406>

18. Abrorov I.J. O'zbekistonda yoshlarning davlat boshqaruvidagi ishtiroki: holati va istiqbollari. Siyosiy. fan. nomz. ... dis. - T., 2023. – B. 24. <https://diss.natlib.uz/tanishish/46be99ad-c7d5-4120-8df2-40409428c723>

19. Ismoilov T.I. O'zbekistonda uyushmagan yoshlarning ijtimoiy faolligi...monografiya – Toshkent 2021. – 115 b. [NamDU-ARM-7924-Узбекистонда уюшмаган ёшларнинг ижтимоий фаоллиги.pdf](#)

20. Mirziyoyev Sh.M. Buyuk kelajagimizni mard va olijanob xalqimiz bilan birga quramiz. – Toshkent: "O'zbekiston", 2017. – 103-bet. <https://president.uz/oz/lists/view/111>

21. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017-yil 5-iyuldagi "Yoshlarga oid davlat siyosati samaradorligini oshirish va O'zbekiston yoshlar ittifoqi faoliyatini qo'llab-quvvatlash to'g'risida"gi PF – 5106-son Farmoni // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 03.12.2022-y., 06/22/258/1064-son.

22. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2018-yil 16-avgustdagi "O'zbekiston yoshlar ittifoqi huzuridagi "Yoshlar — kelajagimiz" jamg'armasi faoliyatini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarori // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 18.08.2018-y., 09/18/669/1772-son.

23. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2021-yil 19-martda qabul qilingan "Mahallabay" ishlash tizimini amaliyotga joriy etish va aholining tadbirkorlik tashabbuslarini yanada qo'llab-quvvatlash chora-tadbirlari to'g'risida"gi 152-sonli qarori // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 19.03.2021-y., 09/21/152/0278-son

24. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 19-yanvardagi "Mahallalarda yoshlar bilan ishlash tizimini tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PQ-92-sonli qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 20.01.2022-y., 07/22/92/0046-son.

25. Cuervo, H. & Miranda, A. (2019) Youth in the Global South: An Introduction. In H. Cuervo & A. Miranda (eds) Youth, Inequality and Social Change in the Global South. https://www.researchgate.net/publication/345491420_Youth_Inequality_and_Social_Change_in_the_Global_South.
26. Youth2030: Progress Report 2025// https://www.un.org/youthaffairs/sites/default/files/202507/progress_report_2025_23-07-1.pdf?utm_source
27. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni 2025-yil 20-noyabrda qabul qilingan "Yoshlar daftari" jamg'armalari orqali ijtimoiy yordam ko'rsatish tizimini yanada takomillashtirish to'g'risida"gi PF-222-son Farmoni // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 21.11.2025-y., 06/25/222/1067-son; 27.12.2025-y., 06/25/258/1223-son.
28. Kadirov E.O. Yoshlarning huquqiy ongi va siyosiy ma'daniyatini yuksaltirish masalalari (Akademik litsey va kasb-hunar kollejlari misolida): yurid. fan. dokt. ... dis. – T., 2019. – 78 b.
29. Qozog'iston Respublikasining "Davlat yoshlar siyosati to'g'risida"gi Qonuni, 09.02.2015-y., № 285-V // Qozog'iston Respublikasi normativ-huquqiy hujjatlarining axborot-huquqiy tizimi "Adilet". – Kirish tartibi: adilet.zan.kz (murojaat sanasi: 26.03.2026). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285>
30. Global Employment Trends for Youth 2024: Policy objectives for youth NEETs. – Geneva: International Labour Office, 2024. <https://www.ilo.org/publications/major-publications/global-employment-trends-youth-2024>
31. Daryo.uz rasmiy veb-sahifasi// <https://daryo.uz/en/2023/06/20/age-range-for-individuals-classified-as-youth-in-kazakhstan-extended-to-include-those-between-15-and-35-years-old/>
32. Milliy statistika qo'mitasining rasmiy veb-sahifasi// <https://stat.uz/uz/matbuot-markazi/qo-mita-yangiliklar/60580-o-zbekiston-respublikasida-nikohlanuvchi-erkaklarning-yoshi-bo-yicha-taqsimlanishi-365>

KOMILOV Asadbek Maxsudbek o'g'li
O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti mustaqil izlanuvchisi
E-mail: medialawyerkomilov@gmail.com

SUDLAR FAOLIYATINI YORITISHDA OMMAVIY AXBOROT VOSITALARI ISHTIROKINING KONSTITUTSIYAVIY-HUQUQIY KAFOLATLARI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): KOMILOV A.M. Sudlar faoliyatini yoritishda ommaviy axborot vositalari ishtirokining konstitutsiyaviy-huquqiy kafolatlari // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 32-40.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-003>

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada sud jarayonlarini yoritishda ommaviy axborot vositalari (OAV) ishtirokining konstitutsiyaviy-huquqiy asoslari, ularning nazariy hamda tashkiliy jihatlari tahlil etiladi. Maqola asosan O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi normalari, ommaviy axborot vositalari faoliyatini tartibga soluvchi bir qator normativ-huquqiy hujjatlar, qolaversa, "Sudlar to'g'risida"gi Qonun hamda O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2020-yil 21-fevraldagi "Sud muhokamasi oshkoraligini va sudlar faoliyatiga doir axborot olish huquqini ta'minlash to'g'risida"gi Qarori asosida olib borildi. Shuningdek, sud muhokamasining ochiqligi prinsipi, axborot erkinligi va sud hokimiyati mustaqilligi o'rtasidagi o'zaro bog'liqlik yoritilib, OAV vakillarining sud majlislarida ishtirok etish huquqi va uning huquqiy kafolatlari izchil ochib beriladi. Shuningdek, sud axborotlarining oshkoraligi, ularni tarqatishning qonuniy asoslari hamda ayrim hollarda axborotni cheklash mezonlari tahlil qilinadi. Bundan tashqari, sud faoliyatiga noqonuniy aralashuvning oldini olish, jamoatchilik nazoratini ta'minlash va sud tizimiga nisbatan ishonchni mustahkamlashda OAVning o'ri alohida ko'rib chiqiladi. Maqolada sud va OAV o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solishning mavjud holati tizimli tahlil qilinib, amaliyotda uchrayotgan muammolar va ularni bartaraf etish yo'llari aniqlanadi. Ilmiy tahlil natijasida sud muhokamasi oshkoraligini ta'minlash, axborot erkinligini kengaytirish hamda sud hokimiyati mustaqilligini saqlagan holda OAV faoliyatini takomillashtirishga qaratilgan ilmiy asoslangan taklif va tavsiyalar ishlab chiqiladi.

Kalit so'zlar: sud jarayonlari, ommaviy axborot vositalari, konstitutsiyaviy-huquqiy kafolatlar, sud muhokamasining oshkoraligi, axborot olish huquqi, sud hokimiyati mustaqilligi, jamoatchilik nazorati, sud majlislarining ochiqligi, protsessual qonunchilik, Oliy sud Plenumi qarori, huquqiy tartibga solish.

КОМИЛОВ Асадбек

Независимый соискатель Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан
E-mail: medialawyerkomilov@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ УЧАСТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНФОРМИРОВАНИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются конституционно-правовые основы участия СМИ в освещении судебных процессов, их теоретические и организационные аспекты. Статья основана на нормах Конституции Республики Узбекистан, ряде нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность средств массовой информации, а также на Законе «О судах» и постановлении Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 21 февраля 2020 года «Об обеспечении гласности судебного разбирательства и права на получение информации о деятельности судов». Также освещается взаимосвязь между принципом открытости судебного разбирательства, свободой информации и независимостью судебной власти, последовательно раскрывается право представителей СМИ на участие в судебных заседаниях и его правовые гарантии. Также анализируются прозрачность судебной информации, правовые основания ее распространения, а также критерии ограничения информации в отдельных случаях. Кроме того, отдельно рассматривается роль СМИ в предотвращении незаконного вмешательства в судебную деятельность, обеспечении общественного контроля и укреплении доверия к судебной системе. В статье систематически анализируется текущее состояние регулирования отношений между судом и СМИ, выявляются проблемы, встречающиеся на практике, и пути их устранения. В результате научного анализа будут разработаны научно обоснованные предложения и рекомендации, направленные на обеспечение прозрачности судебного разбирательства, расширение свободы информации и совершенствование деятельности СМИ при сохранении независимости судебной власти.

Ключевые слова: судебные процессы, СМИ, конституционно-правовые гарантии, гласность суда, право на информацию, независимость суда, общественный контроль, открытые заседания, процессуальное законодательство, постановление Пленума Верховного Суда, правовое регулирование.

ASADBEK Komilov

Independent Researcher of the Training Institute
for Lawyers under Ministry of Justice
of the Republic of Uzbekistan
E-mail: medialawyerkomilov@gmail.com

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE PARTICIPATION OF MASS MEDIA IN REPORTING ON THE ACTIVITIES OF COURTS

ANNOTATION

This article examines the constitutional and legal foundations of mass media (media outlets) in judicial proceedings, as well as their theoretical and organizational aspects. The article is based on the norms of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, a number of regulatory legal acts governing the activities of the media, the Law "On Courts," and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated February 21, 2020, "On Ensuring the Transparency of Judicial Proceedings

and the Right to Obtain Information on the Activities of Courts.” The principle of openness of judicial proceedings, the interrelation between freedom of information and judicial independence, and thoroughly examines the rights of media representatives to participate in court sessions and their legal guarantees. Furthermore, the openness of judicial information, its lawful dissemination, and the criteria for restricting information in certain cases are analyzed. Special attention is paid to the role of the media in preventing unlawful interference in court activities, ensuring public oversight, and strengthening trust in the judicial system. The article provides a systematic analysis of the current regulation of relations between the courts and the media, identifies practical problems, and proposes solutions. Based on the scientific analysis, evidence-based proposals and recommendations are developed to ensure the transparency of judicial proceedings, expand freedom of information, and improve the functioning of the media while maintaining the independence of the judiciary.

Keywords: court proceedings, mass media, constitutional guarantees, judicial transparency, right to information, judicial independence, public oversight, openness of court sessions, procedural law, Supreme Court Plenum resolution, legal regulation.

Sudlarning ochiqligi va adolatli qaror qabul qilinishini ta'minlash har bir demokratik davlatning ustuvor vazifalaridan biridir. Shu nuqtai nazardan, ommaviy axborot vositalari sud jarayonlarini yoritishda muhim institut sifatida xizmat qiladi. Ularning ishtiroki sud faoliyatining oshkoraligi, jamoatchilik nazorati va axborot erkinligini ta'minlashda konstitutsiyaviy-huquqiy kafolatlarga tayangan holda amalga oshiriladi. Ammo sudlar faoliyatini yoritishda ommaviy axborot vositalari muhim rol o'ynashi bilan birga, amaliyotda ayrim kamchiliklar va xatolar saqlanib qolmoqda. Bu holatlar nafaqat sud jarayonlarining oshkoraligiga ta'sir qiladi, balki sud tizimiga, qolaversa, bir tahririyat xodimining xato yondashuvi butun bir ommaviy axborot vositalari tizimiga bo'lgan jamoatchilik ishonchini ham susaytirishi mumkin.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev o'z nutqlarida ommaviy axborot vositalari, xususan jurnalistlar faoliyatini takomillashtirishga, negaki bu soha jamiyat taraqqiyoti va ochiqlikni ta'minlashda muhim o'rin tutishini ta'kidlab keladi. Davlat rahbarining “Ommaviy axborot vositalari xodimlarining o'z faoliyatini qonun doirasida erkin amalga oshirishga to'sqinlik qilish — bu demokratik islohotlarimizga qarshi harakat, mamlakatimizning obro'siga putur yetkazish sifatida baholanishi kerak” degan gaplari ham aslida ommaviy axborot vositalari faoliyatiga berilayotgan ulkan ishonchdir [1]. Davlat boshlig'ining mazkur fikrlari ommaviy axborot vositalari vakillarining nafaqat huquqlarini himoya qilish, balki ularning jamiyatdagi o'рни va nufuzini yanada oshirishga qaratilgan muhim tamoyil sifatida baholanishi mumkin. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 28-yanvardagi PF-60-son Farmoni bilan tasdiqlangan 2022–2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasini amalga oshirish, shuningdek, ommaviy axborot vositalarining qonuniy manfaatlarini himoya qilishni kuchaytirish, ular faoliyatini har tomonlama qo'llab-quvvatlash, kadrlar salohiyati va raqobatbardoshligini yanada oshirish, jurnalistika sohasini rivojlantirish maqsadida 2022-yil 27-iyun kuni PQ-294-son “Ommaviy axborot vositalarini qo'llab-quvvatlash va jurnalistika sohasini rivojlantirish chora-tadbirlari to'g'risida”gi Prezident Qarori qabul qilinishi ham fikrimizning isbotidir. Qarorda jurnalistlarning qonuniy manfaatlari va huquqlarini himoya qilish tizimini yanada kuchaytirish maqsadida O'zbekiston Jurnalistlar uyushmasining jurnalistlar va davlat organlari, jismoniy va yuridik shaxslar o'rtasida yuzaga kelgan nizolarning sudgacha hal etilishiga ko'maklashish, jurnalistlarning professional faoliyatiga taalluqli jinoyat ishlari bo'yicha ish yuritishda ularning jamoatchilik himoyachilari sifatida qonunda belgilangan tartibda ishtirok etish kabi takliflari qanoatlantirilgan [2].

Shuningdek, xalqaro huquqshunolar ham ommaviy axborot vositalarisiz huquqiy davlatni tasavvur qilib bo'lmasligini urg'ulaydilar. Xususan, amerikalik mashhur huquqshunos, Yale

universiteti professori Judit Resnik sudlar faoliyatiga oid yozgan bir qator ilmiy maqolalari va kitoblarida sudlar jamoatchilik uchun ochiq bo'lishi kerakligini asoslaydi [3]. Uning ta'kidlashicha, sudlar faqat qaror chiqaruvchi emas, balki jamoatchilik oldida mas'ul institutdir, shu bois ommaviy axborot vositalari bilan hamkorlik demokratik-huquqiy davlatning taraqqiyotida juda muhimdir. Sud oshkoraligi nazariyasining asoschilaridan biri, angliyalik huquqshunos Jeremy Bentham sud jarayonlari ochiq bo'lmasa, adolat ta'minlanmasligi, unda jurnalistlarning ishtiroki — oshkoralikni ta'minlashning amaliy vositasi ekaniga to'xtalgan. Huquqshunosga ko'ra, oshkoralik sud tizimiga jamoatchilikning ishonchi uchun ham, adolatni amalga oshirish uchun ham bir xil darajada muhimdir [4].

Mahalliy olimlardan yuridik fanlari bo'yicha falsafa doktori Jasurbek Ilxombekovning o'z ilmiy ishlarida ilgari surgan fikrlari esa sudlar faoliyatini yoritishda zamonaviy axborot makonining, xususan, internet tarmog'ining ahamiyati tobora ortib borayotganini ko'rsatadi [5]. Bizningcha esa, nazariy jihatdan sudlar oshkoraligini ta'minlashda ommaviy axborot vositalari ishtiroki yuqori baholansa-da, amaliyotda bu jarayon har doim ham ijobiy natija bermaydi. Xususan, jurnalistlarning sud jarayonlarini yoritishdagi ayrim kamchiliklari oshkoralik tamoyilining to'liq va to'g'ri amalga oshishiga to'sqinlik qilishi mumkin. **Birinchi**dan, ba'zi holatlarda jurnalistlar tomonidan huquqiy masalalarning yetarlicha chuqur tushunilmasligi noto'g'ri yoki biryozlama axborot tarqatilishiga olib keladi. Bu esa jamoatchilikda sud jarayonlari haqida noto'g'ri tasavvur shakllanishiga sabab bo'lishi mumkin. **Ikkinchi**dan, sensatsiyaga intilish yoki auditoriyani jalb qilish maqsadida ayrim faktlarning bo'rttirib ko'rsatilishi sudning xolisligi va mustaqilligiga nisbatan shubha uyg'otadi. **Uchinchi**dan, sud jarayonlari davom etayotgan paytda jurnalistlar tomonidan bildirilayotgan subyektiv xulosalar yoki taxminlar taraflarga nisbatan jamoatchilik fikrining oldindan shakllanishiga olib keladi, bu esa aybsizlik prezumpsiyasi prinsipiga zid kelishi ehtimolini oshiradi. Ayrim hollarda esa sud ishtirokchilarining shaxsiy hayotiga oid ma'lumotlarning oshkor etilishi ham jiddiy muammolarni keltirib chiqaradi. Shu sababli, sud oshkoraligini ta'minlashda nafaqat jurnalistlarning ishtiroki, balki ularning kasbiy malakasi, huquqiy savodxonligi va etik me'yorlarga rioya qilishi ham hal qiluvchi ahamiyatga ega ekanini e'tibordan chetda qoldirmaslik lozim.

Darhaqiqat, bugungi kunda ommaviy axborot vositalari sud jarayonlari haqida tezkor va keng qamrovli axborot tarqatish orqali jamoatchilikning huquqiy ongini oshirish, sud tizimining ochiqligini ta'minlash hamda davlat organlari faoliyati ustidan jamoatchilik nazoratini kuchaytirishda nihoyatda muhim o'rin egallaydi. Ammo jurnalistlarning o'zi yetarli darajada huquqiy savodxon bo'lmasa, bu amaliyotda salbiy oqibatlarga olib kelishi mumkin. Masalan, ayrim jurnalistlarning faoliyatida, xususan sud jarayonlarini yoritishda, boshqa shaxslarning huquqlari va qonuniy manfaatlarini e'tibordan chetda qoldirgan holda axborot tarqatish holatlari ham uchrab turibdi. Ba'zan materialni tezroq tayyorlash maqsadida sud majlislariga ortiqcha aralashuv, jarayon ishtirokchilariga bosim o'tkazish yoki hali yakuniy qaror chiqmagan ishlar yuzasidan biryozlama xulosalar berish yoki asossiz taxminlar bildirish kabi holatlar kuzatilmoqda. Bu esa nafaqat sud hokimiyatining mustaqilligiga putur yetkazadi, balki odil sudlov prinsiplariga ham zid keladi. Axborot iste'molchilari uchun eng muhim va dolzarb ma'lumotlar qatorida huquq sohasiga oid, ayniqsa sud jarayonlari bilan bog'liq axborotlar alohida o'rin egallaydi. Biroq boshqa yo'nalishlar bilan taqqoslaganda, sud jarayonlarini yoritish ancha murakkab ish hisoblanadi. OAV vakillari sohaga oid, ayniqsa sud jarayonlarini yoritish yuzasidan belgilab qo'yilgan normativ-huquqiy hujjatlar mazmunini tushunmasdan faoliyat yuritsa, bu boshqa fuqarolarning huquq va erkinliklariga, qonuniy manfaatlariga zarar yetkazishi mumkin. Chunki sud jarayonlarida bevosita fuqarolarga oid ma'lumotlar bilan ishlanadi. Shu bois muxbirlar va jurnalistlar, umuman sud zalidan yoki uning tashqarisidan axborotni to'playotgan va uni e'lon qilishga tayyorlayotgan ommaviy axborot vositalari vakillari qonunchilik normalarining

mazmunini chuqur anglab yetishi, tarqatayotgan axboroti uchun javobgarlik o'zlarining zimmasida ekanini yodda saqlashlari lozim.

2023-yil 30-aprelda bo'lib o'tgan referendumda mutlaq ko'pchilik ovoz bilan, ya'ni milliy davlatchiligimiz tarixida ilk bor fuqarolar tomonidan qabul qilingan va shu tariqa haqiqiy xalq konstitutsiyasiga aylangan yangi tahrirdagi bosh qomusimizning 81–82-moddalari ommaviy axborot vositalari faoliyatini konstitutsiyaviy jihatdan tartibga soladi. Mazkur holat OAV faoliyatining legitim asoslari bevosita xalq irodasiga tayanganini anglatadi. Xususan, 81-modda normasida ommaviy axborot vositalari erkin ekani, ular qonunga muvofiq ish olib borishi, davlat ular faoliyatining erkinligini, ularning axborotni izlash, olish, undan foydalanish va uni tarqatishga bo'lgan huquqlari amalga oshirilishi kafolatlanishi qayd etilgan [6]. Ushbu norma OAV erkinligi bilan bir qatorda uning huquqiy chegaralarini ham belgilovchi kompleks konstitutsiyaviy kafolat sifatida namoyon bo'ladi. Shu bilan bir qatorda, ommaviy axborot vositalari o'zlari taqdim etadigan axborotning ishonchliligi uchun javobgardir. Bu esa axborot erkinligi tamoyili mas'uliyat bilan uyg'un holda amalga oshirilishini taqozo etadi. Bunday mazmundagi qoida O'RQ-78-son "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi Qonunning 5-moddasi hamda 400-I-son "Axborot olish kafolatlari va erkinligi to'g'risida"gi Qonunning 11-moddasida, qolaversa, 402-I-son "Jurnalistik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi Qonunning 15-moddasida ham keltirilgan. Demak, mazkur prinsiplar ko'p pog'onali normativ-huquqiy tizim orqali mustahkamlanganini ko'rish mumkin.

O'zbekiston Respublikasida odil sudlov faqat sud tomonidan amalga oshiriladi. Bu Konstitutsiya darajasida mustahkamlangan. Mazkur qoida sud hokimiyatining eksklyuziv vakolatini ifodalaydi va uning alohida institut sifatidagi o'rnini belgilaydi. Sud hokimiyati davlat hokimiyatining eng muhim bo'g'inlaridan biri hisoblanadi. Cheklangan monarxiya hamda respublika shaklidagi davlatlarda sud hokimiyati mustaqil tarmoq sifatida amal qiladi [7]. Bu jihat sud hokimiyatining demokratik boshqaruv tizimidagi ajralmas institut ekanini ko'rsatadi. O'zbekiston respublika shaklidagi davlat bo'lib, Konstitutsiyaning 11-moddasiga muvofiq davlat hokimiyati uch tarmoqqa – qonun chiqaruvchi, ijro etuvchi va sud hokimiyatiga ajratilgan. Hokimiyatlar bo'linishi prinsipi davlat boshqaruvida o'zaro tiyib turish va muvozanat mexanizmini ta'minlaydi. Konstitutsiyaning 130-moddasida esa sud hokimiyati qonun chiqaruvchi va ijro etuvchi organlardan, shuningdek siyosiy partiyalar hamda fuqarolik jamiyati institutlaridan mustaqil ravishda faoliyat yuritishi belgilangan [8]. Ushbu norma sud mustaqilligini ta'minlash orqali odil sudlovni amalga oshirishning institutsional kafolati sifatida xizmat qiladi. Shunday ekan, ommaviy axborot vositalari sud jarayonlarini yoritishda nafaqat axborot erkinligini ta'minlash, balki ushbu erkinlikni huquqiy-me'yoriy talablar bilan uyg'un holda amalga oshirishi zarur. Xususan, ular sud hokimiyatining mustaqilligiga putur yetkazmaslik, aybsizlik prezumpsiyasiga qat'iy amal qilish, sud muhokamasi yakunlanmaguncha qonuniy va rasmiy asoslanmagan materialni e'lon qilmaslik, shuningdek, inson sha'ni va qadr-qimmatini himoya qilish kabi fundamental prinsiplarga rioya etishi shart. Aks holda, noto'g'ri yoki biryoqlama yoritilgan axborot nafaqat jamoatchilik fikrining buzilishiga, balki odil sudlov jarayoniga nisbatan tashqi bosim yuzaga kelishiga ham sabab bo'lishi mumkin.

2021-yil 28-iyulda qabul qilingan O'RQ-703-son "Sudlar to'g'risida"gi Qonunning 12-moddasida barcha sud ishlarining ochiq ko'rilishi belgilangan va faqat qonunda ko'rsatilgan hollarda ishlarni yopiq majlisda ko'rib chiqish mumkinligi ko'rsatiladi. Shuningdek, sud majlisi zalida hozir bo'lgan shaxslar, jumladan ommaviy axborot vositalari vakillari fotosuratga olish, video va audioyozuv qilish imkoniyatiga ega ekani ham qayd etilgan [9]. Ba'zi hollarda sud majlisiga OAV vakillari yoki fuqarolarni kiritmaslik yoki ularni cheklash holatlari ham kuzatiladi. Sababi ayrim ishlar sudda yopiq ko'riladi. Qonunchilikka ko'ra, sud protsessi ishtirokchilari sudga asoslantirilgan iltimosnoma kiritganda, odatda jinsiy erkinlikka qarshi jinoyatlar, farzandlikka olish, davlat siri bilan bog'liq

va boshqa ishlar yopiq sud majlisida ko'riladi. Bunday norma Jinoyat-protsessual kodeksining 19-moddasida mustahkamlangan. Lekin shunday bo'lsa-da, sud hukmlari, ajrimlari va qarorlari barcha hollarda oshkora e'lon qilinadi [10]. Jurnalistlar esa sud jarayonida faqatgina ruxsat etilgan usullar va cheklovlar doirasida faoliyat yuritishi kerak. Ular yopiq majlislar yoki maxfiy ma'lumotlar bilan bog'liq ishlarni e'lon qilganda qonuniy javobgarlikka tortilishi mumkinligini hisobga olishlari lozim.

Ommaviy axborot vositalari o'z materiallarida muayyan ish yuzasidan sud muhokamasi natijalarini oldindan o'zicha hal qilib qo'yishga yoki sudga qanday shaklda bo'lmasin ta'sir ko'rsatishga haqli emas. Ya'ni, O'RQ-703-son "Sudlar to'g'risida"gi Qonunning 66-moddasiga asosan sudyalarning odil sudlovni amalga oshirish borasidagi faoliyatiga hech kimning aralashishiga yo'l qo'yilmaydi [11]. Amaliyotda esa ba'zan OAV vakillarining, ularga qo'shilgan holda fuqarolarning sud majlisiga bostirib kirishga urinish holatlari ham kuzatilgan. Masalan, 2021-yilda "Effect.uz" nashri jurnalistlari jinoyat ishlari bo'yicha Termiz tumani sudiga borib, sud raisining xizmat xonasiga bostirib kirib, sud majlisida ishtirok etish va jarayonni tasvirga olishni o'ta qo'pol tarzda talab qilgandi. Bunday harakatlar jurnalist odob-axloqiga, kasb etikasiga zid xatti-harakatdir. Saytning ikki muxbiri sud binosidagi hodisadan so'ng qidiruvga berilib, sirtidan hibsga olindi. Sal o'tib, internet-nashrning uch jurnalistiga hukm chiqarildi. Ulardan biri uch yilga ozodlikdan mahrum etildi, ikki nafariga turli muddatlarga ozodlikni cheklash jazosi tayinlandi [12]. Ammo nashrning ozodlikdan mahrum qilingan jurnalisti amnistiya bilan ozodlikka chiqarilgandi. Biroq oradan yillar o'tib, ya'ni 2026-yilda u ("Antikorrupsiya" OAV muxbiri sifatida) Jinoyat kodeksining oltita moddasi bo'yicha yana ozodlikdan mahrum qilindi. Mazkur holatlar jurnalistlar tomonidan sud jarayonlarini yoritishda qonuniy me'yorlarni bilish va kasbiy etika qoidalariga qat'iy rioya etish zarurligini yana bir bor tasdiqlaydi. O'zbekiston Respublikasining 2018-yil 18-apreldagi O'RQ-476-sonli "O'zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga o'zgartish va qo'shimchalar kiritish to'g'risida"gi Qonuniga asosan 402-I-son "Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi Qonuni jurnalistlarning kasbga oid odob-axloq qoidalarini belgilovchi 71-modda bilan to'ldirildi [13]. Unga ko'ra, jurnalistlarning kasbga oid odob-axloq qoidalarini jurnalistning shaxsiga va o'z kasbiga doir vazifalarni bajarish chog'ida uning xulq-atvoriga qo'yiladigan talablarni belgilovchi qoidalar bo'lib, ularni jurnalistlarning va ommaviy axborot vositalarining birlashmalari belgilaydi. Ommaviy axborot vositalari vakillari axborot olish va uni tarqatish huquqiga ega bo'lsalarda, bu huquq cheksiz emas va u amaldagi qonunchilik doirasida amalga oshirilishi lozim. Ayniqsa, sud hokimiyatining mustaqilligini ta'minlash, sudyalarga bosim o'tkazilishining oldini olish hamda odil sudlov prinsiplariga rioya qilish demokratik-huquqiy davlatning muhim shartlaridan biri hisoblanadi. Shu bois jurnalistlar sud jarayonlarida ishtirok etishda belgilangan tartiblarga amal qilishi, sud faoliyatiga noqonuniy aralashmasligi, shuningdek, tarqatilayotgan axborotning xolis, aniq va qonuniy bo'lishini ta'minlashi zarur. Aks holda, bunday harakatlar nafaqat kasbiy obro'ga putur yetkazadi, balki qonuniy javobgarlikka ham sabab bo'lishi mumkin.

Bundan tashqari, ommaviy axborot vositalari hech qachon va hech qanday hollarda fuqarolarning konstitutsiyaviy huquqlari, sha'ni, qadr-qimmatiga dog' tushiruvchi, tuhmat ko'rinishidagi, shaxsiy hayotga aralashuv ruhidagi ma'lumotlarni bermasligi kerak, agar bunga amal qilinmasa, buning uchun ham ommaviy axborot vositalari, ma'lumotni tayyorlagan jurnalistlar javobgar bo'ladi. Fuqaro OAVda uning huquqlari yoki qonun bilan qo'riqlanadigan manfaatlarini kamsituvchi ma'lumotlar e'lon qilinganda, u ayni o'sha OAV orqali chiqib, o'zini himoya qilish huquqiga ega. Agar sudning hal qiluv qarori bajarilmasa, sud qoidabuzarga qonun hujjatlarida belgilangan miqdorda va tartibda undiriladigan jarima solishga haqlidir. Jarimani to'lash qoidabuzarni sudning hal qiluv qarorida nazarda tutilgan harakatlarni bajarish vazifasidan ozod etmaydi. O'zining sha'ni, qadr-qimmatini yoki ishchanlik obro'siga putur yetkazuvchi ma'lumotlar tarqatilgan fuqaro bunday ma'lumotlar

rad etilishi bilan bir qatorda ularni tarqatish oqibatida yetkazilgan zararlar va ma'naviy ziyonning o'rnini qoplashni talab qilishga haqlidir va bu huquq Fuqarolik kodeksining 1021–1022-moddalariga muvofiq amalga oshiriladi [14].

Ommaviy axborot vositalarining sud faoliyati va sud jarayonlarini yoritishga oid faoliyatida 2020-yil 21-fevralda qabul qilingan O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 04-sonli "Sud muhokamasi oshkoraligini va sudlar faoliyatiga doir axborot olish huquqini ta'minlash to'g'risida"gi Qarori muhim ahamiyat kasb etadi. Chunki unda sud jarayonlarining ochiqligini ta'minlash, fuqarolarning axborot olish huquqini kafolatlash hamda OAV vakillarining sud majlislarida ishtirok etish tartibi aniq belgilab berilgan. Jumladan, qarorda quyidagilar keltirilgan:

ommaviy axborot vositalari muayyan ish yuzasidan sud muhokamasi natijalarini oldindan bashorat qilishga yoki sudga boshqacha tarzda ta'sir etishga (bosim o'tkazishga) haqli emas;

sudya sud qarori qonuniy kuchga kirmagan ish bo'yicha intervyu berishga yoxud ommaviy axborot vositalarida chiqish qilishga haqli emas;

sud muhokamasi oshkoraligi protsess ishtirokchisi bo'lmagan shaxslarga, shu jumladan, ommaviy axborot vositalari vakillariga sud majlisida qatnashish imkoniyati berilishi bilan ta'minlanadi;

ommaviy axborot vositalari vakillarining ochiq sud majlisida ish bo'yicha ma'lumotlar olish maqsadida qatnashishi ma'lumot olishning qonuniy yo'li ekanligini inobatga olib, ularning qonunda nazarda tutilmagan asoslarga ko'ra, sud majlisi zaliga kirishiga to'sqinlik qilishga yo'l qo'yilmaydi;

ish muhokamasini yopiq sud majlisida o'tkazish to'g'risida sud asoslantirilgan ajrim chiqaradi va unda protsess ishtirokchilari bo'lmagan shaxslarning, ommaviy axborot vositalari vakillarining sud majlisi zaliga erkin kirishiga to'sqinlik qiladigan aniq holatlar ko'rsatilishi kerak;

ish muhokamasi yopiq sud majlisida o'tkazilishi to'g'risidagi ajrim e'lon qilingunga qadar protsess ishtirokchilari bo'lmagan shaxslar, ommaviy axborot vositalari vakillari sud majlisi zalidan chetlashtirilishi mumkin emas. Ish muhokamasi yopiq sud majlisida o'tkazilishi to'g'risidagi qaror ishni sud muhokamasiga tayinlash chog'ida qabul qilingan hollarda, protsess ishtirokchilari bo'lmagan shaxslar, ommaviy axborot vositalari vakillari sud majlisi zaliga kiritilmaydi;

ish muhokamasini yopiq sud majlisida o'tkazish haqidagi ajrim e'lon qilinganidan so'ng protsess ishtirokchilari bo'lmagan shaxslar, ommaviy axborot vositalari vakillari sud majlisi zalidan chetlashtirilib, bu haqda sud majlisi bayonnomasida qayd etiladi. Agar sud tomonidan jinoyat ishining muayyan qismi yopiq sud majlisida muhokama qilinishi to'g'risida qaror qabul qilinsa, protsess ishtirokchisi bo'lmagan shaxslar, ommaviy axborot vositalari vakillari sud majlisining shu qismiga kiritilmaydi;

yopiq sud majlisi o'tkazilganda ishni elektron tarzda shakllantirishga, shuningdek, sud qarorlarini ommaviy axborot vositalarida e'lon qilinishiga yo'l qo'yilmaydi;

protsess ishtirokchilari iltimosnomalarini, ommaviy axborot vositalari vakillari murojaatlarini qanoatlantirish yoki rad etish haqida sud joyida ajrim chiqaradi va sud majlisi bayonnomasiga kiritadi. Sud ommaviy axborot vositalari vakillarini tarqatilayotgan axborotning to'g'riligi, haqqoniyligi, xolisligi va ishonchliligi uchun javobgarlik haqida ogohlantiradi va bu haqda sud majlisi bayonnomasida yozib qo'yiladi;

sud majlisida qatnashish uchun kelgan shaxslar, shu jumladan, ommaviy axborot vositalari vakillarining sud binosiga kirishi sudning ichki faoliyatini tartibga soluvchi hujjatlar bilan o'rnatilgan qoidalarga qat'iy rioya qilingan holda ta'minlanishi lozim. Shu munosabat bilan sudlar ushbu hujjatlar bilan sud binosiga kirish joyida tanishish imkoniyatini ta'minlashlari zarur. Bunda shuni nazarda tutish lozimki, chet davlatlar ommaviy axborot vositalari vakillari sud majlisi zaliga ular O'zbekiston Respublikasida akkreditatsiya qilinganligi to'g'risida hujjat taqdim etgan taqdirda kiritiladilar;

protsess ishtirokchisi bo'lmagan shaxslar, shu jumladan, ommaviy axborot vositalari vakillarining ochiq sud majlisida qatnashishini cheklovchi yoki ularga monelik qiluvchi sharoit yaratilishi man etiladi va bunday holat protsessual qonun buzilishi deb hisoblanadi va qonunda belgilangan javobgarlik kelib chiqishiga sabab bo'ladi [15].

Jurnalistlarning huquqiy savodxonligini oshirish bugungi kunda nafaqat kasbiy zarurat, balki davlat siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida namoyon bo'lmoqda. Shu nuqtai nazardan, jurnalistlarning huquqiy savodxonligini oshirishga qaratilgan ta'lim dasturlarini kengaytirish, malaka oshirish kurslarini yo'lga qo'yish, amaliy treninglar va seminarlar tashkil etish davlat siyosatining muhim tarkibiy qismi sifatida qaralmoqda. Masalan, o'z oldiga OAV vakillarining huquqlarini himoya qilishni maqsad qilib qo'ygan Milliy mass-mediani qo'llab-quvvatlash va rivojlantirish jamoat fondi tomonidan Shveysariya va Fransiya elchixonalari bilan treninglar tashkil qilindi. Jurnalistlarning huquqiy savodxonligini oshirish uchun 100 savolga javob loyihasi tashkil etildi [16].

Ommaviy axborot vositalari vakillarining, xususan muxbir, jurnalistlarning samarali, qonunchilikka tayanib ishlashi hamda ularning kasbiy faoliyatida yuridik xatolarga yo'l qo'ymasligi uchun ularning huquqiy bilimlarini oshirish muhim ahamiyatga ega. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Ma'muriy islohotlar doirasida adliya organlari va muassasalarining mas'uliyatini yanada oshirish hamda ixcham boshqaruv tizimini shakllantirish to'g'risida"gi 2024-yil 24-maydagi PF-80-son Farmoniga muvofiq, O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2025-yil 19-martdagi 171-sonli Qarori bilan O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi tizimida O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish instituti tashkil etildi [17]. Qarorga ko'ra, institutga zamonaviy talablar va jarayonlarni hisobga olgan holda adliya organlari va muassasalari xodimlari, yuridik xizmat, advokatura, notariat, sud ekspertizasi, arxiv ishi va ish yuritish, ijro intizomi, murojaatlar bilan ishlash, mediatsiya va intellektual mulk sohalari mutaxassislarini qayta tayyorlash va ularning malakasini oshirish vazifasi yuklatildi. Institut faqat yuqoridagilar bilan cheklanib qolayotgani yo'q. Institut tomonidan yo'lga qo'yilayotgan o'quv kurslari ham jurnalist va blogerlarning nafaqat sud-huquq yo'nalishida, balki davlat boshqaruvi, iqtisodiyot, ijtimoiy soha, intellektual mulk va boshqa yo'nalishlarda ham mavzularni chuqur anglash va mas'uliyat bilan yoritish salohiyatini kuchaytiradi. Bu esa axborotni tahliliy, xolis va aniq tarzda yetkazish, noto'g'ri talqinlarning oldini olish hamda professional yondashuvni shakllantirishga xizmat qiladi.

Yuqoridagi tahlillar shuni ko'rsatadiki, sudlar faoliyatining oshkoraligini ta'minlashda ommaviy axborot vositalari muhim o'rin tutadi, biroq amaliyotda mavjud kamchiliklarni bartaraf etish kompleks yondashuvni talab qiladi. Shu nuqtai nazardan quyidagi ilmiy asoslangan takliflarni ilgari surish mumkin:

Birinchidan, jurnalistlarning sud-huquq sohasidagi bilimlarini tizimli ravishda oshirish maqsadida maxsus ixtisoslashtirilgan o'quv dasturlarini joriy etish zarur. Bunda jurnalistlar uchun sud jarayonlari, protsessual normalar, sud etikasi hamda axborot tarqatishdagi huquqiy cheklovlar bo'yicha Adliya vazirligi huzuridagi Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish instituti tomonidan majburiy qisqa muddatli kurslar tashkil etilishi maqsadga muvofiq. **Ikkinchidan**, sudlar va ommaviy axborot vositalari o'rtasida institutsional hamkorlik mexanizmlarini kuchaytirish lozim. Xususan, sud tizimida matbuot kotiblari faoliyatini yanada rivojlantirish, ular orqali jurnalistlarga tezkor va ishonchli axborot yetkazish amaliyotini kengaytirish muhim ahamiyatga ega. **Uchinchidan**, sud jarayonlarini yoritishda jurnalistlar uchun aniq metodik qo'llanmalar va standartlar ishlab chiqish zarur. Ushbu hujjatlarda axborotni tayyorlash va tarqatishda rioya etilishi lozim bo'lgan minimal talablar, etik me'yorlar hamda javobgarlik masalalari batafsil belgilanishi kerak. **To'rtinchidan**, raqamli media sharoitida bloger va mustaqil kontent

yaratuvchilar faoliyatini ham huquqiy jihatdan tartibga solish va ularni ham malaka oshirish tizimiga jalb etish lozim. Chunki aynan ushbu qatlam sud jarayonlari haqida keng auditoriyaga tezkor axborot yetkazishda tobora faol ishtirok etmoqda. **Beshinchidan**, sud jarayonlarini yoritishda qonunchilik talablarini buzganlik uchun javobgarlik muqarrarligini ta'minlash bilan bir qatorda, halol va professional jurnalistik faoliyatni rag'batlantirish mexanizmlarini ham joriy etish zarur. Bu esa sifatli va mas'uliyatli axborot muhitini shakllantirishga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, sudlar faoliyatining ochiqligi va shaffofligini ta'minlashda ommaviy axborot vositalari muhim o'rin tutadi. Biroq ushbu jarayon samaradorligi bevosita jurnalistlarning kasbiy tayyorgarligi, huquqiy bilim darajasi va etik me'yorlarga rioya etishiga bog'liq.

IQTIBOSLAR/CHOCKI/REFERENCES:

1. Prezident Shavkat Mirziyoyevning 2025-yil 27-iyundagi ommaviy axborot xodimlariga yo'llagan tabrigi. — URL: <https://president.uz/oz/lists/view/8269>
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 27-iyundagi PQ-294-son "Ommaviy axborot vositalarini qo'llab-quvvatlash va jurnalistika sohasini rivojlantirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarori // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/uz/docs/-6083381>
3. Judith Resnik, Yale Law School. The contingency of openness in courts: changing the experiences and logics of the public's role in court-based adr, 2015 // <https://openyls.law.yale.edu/server/api/core/bitstreams/a6cca18b-ab44-44c4-83b6-ed2245ed235d/content>
4. Jane Johnston, International Journal of Law in Context (2018), 14, 525–538 // [\(PDF\) Three phases of courts' publicity: reconfiguring Bentham's open justice in the twenty-first century](#)
5. Ilxombekov J. I. Internetdan axborot olishning konstitutsiyaviy-huquqiy kafolatlari: avtoref. diss. ... PhD. — Toshkent, 2024. — URL: <https://api.ziynet.uz/uploads/books/10001253/Ndb109WGPvV4an.pdf?07rWBS0T4yWLXfz7xcSWq>
6. O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi. — Toshkent: O'zbekiston, 2023. // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-6445145>
7. Konstitutsiyaviy huquq [Matn]: darslik / Ma'sul muharrir: y.f.d., professor. I.R.Bekov // Mualliflar jamoasi. — T.: TDYU nashriyoti, 2024.- b 667.
8. O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi. — Toshkent: O'zbekiston, 2023. // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-6445145>
9. "Sudlar to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasining Qonuni, 28.07.2021-yildagi O'RB-703-son // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-5534923>
10. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksi (Umumiy qism) // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-111460>
11. "Sudlar to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasining Qonuni, 28.07.2021-yildagi O'RB-703-son // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-5534923>
12. Effect.uz'ning sobiq bir va hozirgi ikki jurnalistiga sud hukmi o'qildi. Gazeta.uz. 2021-yil, 3-noyabr. — URL: <https://www.gazeta.uz/oz/2021/11/03/journalist/>
13. "O'zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga o'zgartish va qo'shimchalar kiritish to'g'risida"gi qonun, 18.04.2018 yildagi O'RB-476-son // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-3689258>
14. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksi (Ikkinchi qism) // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-180552>
15. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 21.02.2020 yildagi 04-son "Sud muhokamasi oshkoraligini va sudlar faoliyatiga doir axborot olish huquqini ta'minlash to'g'risida"gi qarori // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-4751577>
16. "Agar jurnalist haq bo'lsa, biz uni tan olishimiz kerak" – Prezident. Toshkent: Kun.uz, 8-noyabr 2024-yil. // . — URL: <https://kun.uz/06759881>
17. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 24-maydagi PF-80-son Farmoni — "Ma'muriy islohotlar doirasida adliya organlari va muassasalarining mas'uliyatini yanada oshirish hamda ixcham boshqaruv tizimini shakllantirish to'g'risida" // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-7437170>

ODINAYEV Adham Sa'dulloyevich

O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining o'rinbosari vazifasini bajaruvchi,
yuridik fanlar doktori, professor
E-mail: a.odinayev85@gmail.com

MAJBURIYATLARNI BUZGANLIK UCHUN FUQAROLIK-HUQUQIY JAVOBGARLIKNI ZAMONAVIY TENDENSIYALAR ASOSIDA TAKOMILLASHTIRISH MUAMMOLARI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): ODINAYEV A.S. Majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni zamonaviy tendensiyalar asosida takomillashtirish muammolari // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 41-49.

2 (2026) DOI <http://https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-004>

ANNOTATSIYA

Maqolada majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo'llashda yuzaga keladigan ijtimoiy munosabatlar, fuqarolik-huquqiy javobgarlik tushunchasiga nisbatan ilmiy yondashuvlar tahlil qilingan.

Fuqarolik-huquqiy javobgarlikda aybning ahamiyati aniq belgilanishi kerakligi, xususan, obyektiv javobgarlik (aybdan qat'i nazar) va subyektiv javobgarlik (aybga asoslangan) holatlarini huquqiy normalarda aniq ajratish, zararni hisoblashning yagona metodologiyasini ishlab chiqish, real ijroni asosiy chora sifatida belgilash lozimligi haqida fikr yuritilgan.

Jahon sivilistikasidagi majburiyatlarni buzganlik uchun "aybga asoslangan javobgarlik nazariyasi (fault-based liability)" "aybsiz javobgarlik (strict liability)" va boshqa nazariyalar, modellar va doktrinalar tahlil qilinib, majburiyatlarni buzganlik uchun qo'llaniladigan javobgarlik choralari optimallashtirish, ommaviy-huquqiy va xususiy-huquqiy javobgarlikni qo'llashda uyg'unlikni ta'minlash, fuqarolik huquqini ijtimoiylashuvdan kelib chiqib javobgarlikni cheklash tendensiyalari yoritilgan.

Shuningdek, majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik ifodalanishining o'ziga xos jihatlari, rivojlanish genezisi, fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo'llashni tartibga soluvchi milliy va xalqaro huquq normalari yoritilgan.

Xususan, fuqarolik-huquqiy javobgarlikka yangi tavsif va ta'rif berilgan, fuqarolik-huquqiy javobgarlikning ikki asosiy funksiyasini – reparativ (zararni qoplash) va preventiv-tarbiyaviy funksiyalarini birlashtirish taklif etilgan, javobgarlik asosi sifatida aybga nisbatan yondashuvni o'zgartirish lozimligi taklif etilgan.

Shu bilan birga, majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo'llashga oid ilmiy-nazariy xulosalar, qonunchilik hamda huquqni qo'llash amaliyotining takomillashtirish, eng asosiysi, O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga yangi moddalar kiritish borasida takliflar berilgan.

Kalit so'zlar: shartnoma, majburiyat, qarzdor, kreditor, javobgarlik, neustoyka, jarima, penya, kreditor, qarzdor, kompensatsiya, bajarilmagan majburiyat, buzilgan majburiyat, zarar, zararni qoplash, aybsiz javobgarlik, pul majburiyati, tavakkalchilik, mulkiy yo'qotish.

ОДИНАЕВ Адхам Саъдуллоевич

Исполняющий обязанности заместителя
начальника Академии правоохранительной
деятельности Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: a.odinayev85@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются социальные отношения, возникающие при применении гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, а также научные подходы к понятию гражданско-правовой ответственности.

Подчеркивается необходимость четкого определения значения вины в гражданско-правовой ответственности, в частности, разделения в правовых нормах объективной (независимо от вины) и субъективной (основанной на вине) ответственности, разработки единой методологии исчисления ущерба и закрепления реального исполнения в качестве основной меры ответственности.

Проанализированы «теория виновной ответственности» (fault-based liability), «строгая ответственность» (strict liability) и другие теории, модели и доктрины мировой цивилизации. Также освещены вопросы оптимизации мер ответственности за нарушение обязательств, обеспечения соответствия применения публично-правовой и частно-правовой ответственности, а также тенденции ограничения ответственности, связанные с процессами социализации гражданского права.

Также освещены особенности проявления гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, генезис ее развития, нормы национального и международного права, регулирующие применение гражданско-правовой ответственности.

В частности, дается новое определение и определение гражданско-правовой ответственности, предлагается объединить две ее основные функции – репаративную (накопление ущерба) и профилактическо-воспитательную, изменить подход к вине как основанию ответственности.

Вместе с тем, сформулированы научно-теоретические выводы по применению гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, даны предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, а главное, по внесению новых статей в Гражданский кодекс Республики Узбекистан.

Ключевые слова: договор, обязательство, должник, кредитор, ответственность, неустойка, штраф, пеня, компенсация, неисполненное обязательство, нарушенное обязательство, вред, возмещение вреда, ответственность без вины, денежное обязательство, риск, имущественные потери.

ADHAM Odinaev

Acting Deputy Head of the Law
Enforcement Academy,
Doctor of Law, Professor
E-mail: a.odinayev85@gmail.com

ISSUES OF IMPROVING CIVIL-LEGAL LIABILITY FOR BREACH OF OBLIGATIONS BASED ON MODERN TRENDS

ANNOTATION

The article analyzes the social relations arising from the application of civil-legal liability for breach of obligations, as well as scientific approaches to the concept of civil-legal liability.

The necessity of clearly defining the role of fault in civil liability is emphasized, particularly the need to distinguish in legal norms between objective liability (irrespective of fault) and subjective liability (based on fault), to develop a unified methodology for calculating damages, and to establish specific performance as the primary remedy.

The study analyzes such theories, models, and doctrines of global civil law as fault-based liability and strict liability, among others. It also highlights issues related to the optimization of liability measures for breach of obligations, ensuring coherence between the application of public and private liability, as well as trends toward limiting liability in light of the socialization of civil law.

Additionally, the article discusses the specific aspects of expressing civil-legal liability for breach of obligations, its development genesis, and the national and international legal norms regulating the application of civil-legal liability.

In particular, a new definition of civil-legal liability is proposed, along with the unification of its two main functions – reparative (damage compensation) and preventive-educational functions. It is also suggested to change the approach to liability as the basis for fault.

Furthermore, the article presents scientific-theoretical conclusions, as well as proposals for improving legislation and law enforcement practices, including the introduction of new articles into the Civil Code of the Republic of Uzbekistan.

Key words: contract, obligation, debtor, creditor, liability, penalty, fine, late fee, creditor, debtor, compensation, unfulfilled obligation, breached obligation, damage, damage compensation, no-fault liability, monetary obligation, risk, property loss.

Fuqarolik-huquqiy shartnoma munosabatlarida taraflarning zimmalaridagi majburiyatlarning bajarilmasligi mazkur majburiyatni buzgan tomonga nisbatan mulkiy ko'inishdagi javobgarlikni qo'llashga sabab bo'ladi. Bu o'z navbatida, majburiyatni bajarmagan tarafdagi buzilgan huquqlarni tiklash hamda qo'shimcha mulkiy majburiyatni yuklashga oid choralar ko'rilishiga olib keladi.

Dunyoda jismoniy va yuridik shaxslarning buzilgan huquqlarini tiklash, iqtisodiy barqarorlikni hamda shartnomaviy majburiyatlarda taraflar o'rtasidagi ekvivalentlikni ta'minlashda fuqarolik-huquqiy javobgarlik institutiga alohida e'tibor qaratib kelinadi.

Jahondagi bir qator yetakchi kompaniyalarga fuqarolik-huquqiy majburiyatlarni buzganlik uchun yirik miqdorda jarimalar qo'llanilmoqda. Xususan, fuqarolik-huquqiy da'volar bo'yicha 2024-yilda AQSHning Indiana shtatida joylashgan Cummins kompaniyasi 2 mlrd. dollar, Irlandiyaning Endo International kompaniyasi 464,9 mln. dollar, AQSHning JP Morgan & Co. kompaniyasi 366,2 mln. dollar, Morgan Stanley kompaniyasi 268,1 mln. dollar, Royal Bank of Canada, City National Bank kompaniyalari 65 mln. dollarlik fuqarolik-huquqiy jarimaga tortilgan [1]. Bundan ko'rinadiki, majburiyatlarni bajarmaganlik yoki lozim darajada bajarmaslik, oqibatda qarzdor tomonga katta

miqdordagi qo‘shimcha mulkiy sanksiya qo‘llanilishiga olib kelishi hamda taraflar o‘rtasida turli nizolar ko‘payishiga sabab bo‘lishi mumkin.

Jahonda majburiyatlarni buzganlik uchun “aybga asoslangan javobgarlik nazariyasi (Fault-based liability)” (Fransiya, Germaniya va Italiya), “aybsiz javobgarlik (Strict liability / Objective liability)” (Germaniya), “shartnoma va delikt javobgarligi (Contractual vs Tort Liability)” (Anglo-sakson huquq tizimi davlatlari), “iqtisodiy samaradorlikni buzish doktrinasini (efficient Breach Doctrine)” (AQSH), “shartnoma oldi javobgarligi (Culpa in contrahendo)” (Germaniya va Yevropa xususiy huquqi), “insof va odobli muomala majburiyati (Good Faith and Fair Dealing)” (AQSH), “oldini oluvchi javobgarlik (Preventive Liability)” (Yaponiya va Germaniya), “huquq va iqtisodiyot yondashuvi (Law and Economics)” (AQSH) kabi nazariyalar, modellar va doktrinalar amal qiladi.

Shu bilan birga, xorijiy mamlakatlarda majburiyatlarni buzganlik uchun qo‘llaniladigan javobgarlik choralari optimallashtirish, ommaviy-huquqiy va xususiy-huquqiy javobgarlikni qo‘llashda uyg‘unlikni ta‘minlash, fuqarolik huquqini ijtimoiylashuvdan kelib chiqib javobgarlikni cheklash tendensiyalari kuzatilmoqda.

O‘zbekistonda majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik masalalari borasida muayyan ilmiy doktrina shakllangan va qonunchilik tizimi yaratilgan.

Bugungi kunda fuqarolik ishlari bo‘yicha sudlar tomonidan majburiyatni bajarmaganlik yoki lozim darajada bajarmaganlik uchun javobgarlikka oid ishlar soni dinamikasi ham turlichadir.

Xususan, O‘zbekistonda fuqarolik-huquqiy javobgarlik shakllaridan bo‘lgan zararni qoplash va neustoykani undirishga oid ishlar soni 2022-yilda 34290, 2023-yilda 37736, 2024-yilda 29270 tani tashkil etgan. 2022-2024-yillarda sudlar tomonidan 119 498 ta (iqtisodiy sudlarda – 101 296, fuqarolik sudlarida – 18 202) ishlar ko‘rilib, 103 094 tasi (86%) qanoatlantirilgan, 16 404 ta (14%) ishlar esa turli sabablar bilan rad etilgan, ko‘rmasdan qoldirilgan yoki ish yuritish tugatilgan [2].

Bu esa o‘z navbatida, milliy fuqarolik huquqi doktrinasida fuqarolik-huquqiy javobgarlik majburiyatni buzgan qarzidor zimmasiga yuklatiladigan qo‘shimcha mulkiy sanksiya bo‘lishi, zararni qoplash buzilgan huquqni tiklash chorasi hisoblanishi va kompensatsiya delikt majburiyatlarida amal qilishi kabi yondashuvlarni muvofiqlashtirishni talab etadi.

Keyingi yillarda raqamli tijoratdagi shartnomaviy munosabatlar, raqamlashtirishning fuqarolik muomalasiga faol ta‘siri natijasida javobgarlik subyektlarini aniqlash hamda ularga nisbatan javobgarlik ijrosini ta‘minlash muammosi yuzaga kelmoqda.

Bundan tashqari, bugungi kunda O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining yangi tahririni tayyorlash ustida ish olib borilayotgan hozirgi sharoitda majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo‘llashga nisbatan “aybli javobgarlik” konsepsiyasi hamda fuqarolik-huquqiy javobgarlikka nisbatan huquqiy javobgarlikning boshqa turlarida amal qiluvchi ijtimoiylashuv va insonparvarlashuv modelini qo‘llash istiqbollari tadqiq etish dolzarbdir.

Majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo‘llashga oid munosabatlarni takomillashtirish bo‘yicha ilmiy tadqiqotlar dunyoning yetakchi ilmiy markazlar va universitetlarda, jumladan, Utrecht Centre for Accountability and Liability Law (UCALL) (Niderlandiya) – majburiyat va javobgarlik, atrof muhit muhofazasi, korporativ CPR, AI va avtonom tizimlar bilan bog‘liq yurisdiksiya muammolarini tadqiq etadi; European Centre of Tort and Insurance Law (ECTIL) (Vena, Avstriya) – Yevropa va xalqaro asoslarda delikt, sug‘urta huquqi va majburiyatlarning chegaralarini o‘rganadi, terrorizm va salomatlik sohasidagi kompensatsiyalar mavzusini qamrab oladi; European Group on Tort Law (“Tilburg Group”) (Yevropa mamlakatlari) – “Principles of European Tort Law” ni tayyorlash, delikt chegaralari va standartlarini birlashtirish ustuvor vazifalarini o‘rganadi [3].

O‘zbekiston Respublikasining bugungi rivojlanish bosqichida hamda fuqarolik qonunchiligini rivojlantirish konsepsiyasi negizida majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo‘llash muammolarini hal etishda, avvalo sivilistikada quyidagi vazifalar bajarilishi kerak:

majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik tushunchasiga nisbatan ilmiy yondashuvlarning talqinini amalga oshirish;

majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik ifodalanishining o'ziga xos jihatlarini aniqlash;

majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikning rivojlanish genezisini ochib berish;

sababiy bog'lanish va aybning majburiyatlar buzilishida ifodalanishini ko'rib chiqish;

zararni qoplash va burchni asl holda bajarishni fuqarolik-huquqiy javobgarlik choralari sifatida tadqiq etish;

qit'a huquqi mamlakatlarida majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikning qo'llanilishini o'rganish;

anglo-sakson huquqi mamlakatlarida majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikning namoyon bo'lishini tadqiq qilish;

majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikka oid huquqni qo'llash amaliyotining tahlilini o'tkazish;

majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo'llashga oid qonunchilikni takomillashtirishga oid takliflar ishlab chiqish.

Bu mavzuda tadqiqot olib organ bir qator olimlar fikrini ko'rib chiqadigan bo'lsak, ularda ham turlicha talqinlar kuzatiladi.

Masalan, O.Oqyulovning "hozirgi davrda qo'llanilayotgan fuqarolik-huquqiy ta'sir choralari nafaqat moddiy zararni qoplash, balki moddiy zararni to'laqonli ravishda qoplash (boy berilgan foydani hisobga olgan holda) va ayni paytda ma'naviy zararni qoplash ko'rinishida namoyon bo'ladi. Ma'naviy zararni qoplash xarakteri moddiy zararni qoplash xarakteri bilan aynan mos kelmaydi va ularni bir xil ma'noda qo'llash mumkin emas" [4] – degan mulohazalari asoslidir.

Fuqarolik-huquqiy javobgarlik kreditor uchun buzilgan huquqi tiklanishi bilan birga neustoyka ko'rinishidagi muayyan iqtisodiy foydani keltirishi ham mumkin. "Chunki, fuqarolik normalariga asosan qo'llanilishi zarur bo'lgan javobgarlik chorasi qoidaga rioya qilmagan tarafning nafaqat shaxsiga nisbatan qaratilmasdan, balki huquqi buzilgan tarafning huquqini tiklashni, unga yetkazilgan moddiy va ma'naviy zararni javobgar tomonidan to'liq qoplashni ta'minlashga qaratiladi" [5].

Biroq, bunda shartnomaviy va delikt javobgarligini aralashtirmaslik lozim bo'ladi. Chunki, ularning yuzaga kelish shartlari har bir holat uchun o'ziga xos xususiyatlarga ega bo'lib, ularni yagona ko'rinishda talqin qilishga imkon bermaydi.

O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik Kodeksining 24-bobining normalari O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik Kodeksining 57-bobida tartibga solingan munosabatlarga ham qo'llanilishi [6] borasidagi asoslar va javobgarlik shartlariga tegishli normalarning qo'llanilishi sifatida tushunish no'rin deb o'ylaymiz. Aksincha, shartnomaviy va delikt javobgarligining asoslari mutlaqo har xildir [7].

Shuning uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni majburiyat huquqining emas, balki fuqarolik huquqining umumiy qismi instituti sifatida ajratish taklifini ham zararni qoplash haqidagi huquqiy normalarni ajratish sifatida tushunish mumkin.

Zamonaviy o'quv adabiyotlar mualliflari fuqarolik-huquqiy javobgarlik tushunchasini aniqlashda uni huquqiy fenomen sifatida sanksiya tushunchasi bilan ham solishtiradilar. Natijada ba'zilar fuqarolik-huquqiy javobgarlik "davlat majburlashining bir ko'rinishi bo'lib, sud tomonidan huquqbuzardan jabrlanuvchi foydasiga mulkiy sanksiyalarni undirishdan iborat" [8] degan xulosaga keladilar. Bunda oxirgilar jabrlanuvchining buzilgan mulkiy sohasini tiklashga qaratilgan; boshqalar esa u "huquqbuzar (qarzdor) tomonida mulkiy va nomulkiy tusdagi noqulay oqibatlar ko'rinishida namoyon bo'luvchi, davlat majburlashi bilan ta'minlangan va huquqbuzarlik hamda uning

subyektini qoralash bilan qo‘shilgan huquqiy munosabat sifatida belgilanishi mumkin” [9] ekanini ko‘rsatadilar (avvalroq aniqlanganidek, bunday ta’rif to‘liq maqsadga muvofiq ko‘rinmaydi); uchinchi guruh mualliflar nuqtai nazariga ko‘ra fuqarolik-huquqiy javobgarlik deganda faqat huquqbuzar uchun qo‘shimcha yuklamalar bilan bog‘liq sanksiyalarni tushunish kerak [10]; ularning ba’zilari fuqarolik-huquqiy javobgarlik huquqbuzardan hech qanday kompensatsiyasiz mol-mulkni olib qo‘yishdan iborat deb hisoblaydilar [11].

Fuqarolik-huquqiy sanksiyalar va javobgarlikni o‘lchash haqida adabiyotda ko‘p fikrlar aytilgan, chunki sanksiya ko‘p ma’noli, “ko‘p tomonlama” tushunchadir. Biroq “majburiyatdagi sanksiya” va “majburiyatni bajarmaganlik uchun javobgarlik” tushunchalari nisbati masalasida yagona fikr mavjud.

Aksariyat mualliflarning fikrlarining ma’lum umumiylikni konstatatsiya qilib, milliy adabiyotlarda javobgarlik va sanksiyaning o‘zaro aloqasi haqida uchta nuqtai nazar (konsepsiya) shakllanganini aytish mumkin, ular quyidagidan iborat:

1. Fuqarolik-huquqiy sanksiya – fuqarolik-huquqiy javobgarlikning bir turi (“javobgarlikning ustunligi” konsepsiyasi, ya’ni sanksiya – majburiyatni buzishning huquqiy oqibatidir) [12].
2. Fuqarolik-huquqiy sanksiya – birinchi konsepsiyaning mantiqiy qarama-qarshisi (“sanksiya ustunligi” konsepsiyasi, ya’ni javobgarlik – maxsus belgilarga ega bo‘lgan sanksiyaning bir turi).
3. Fuqarolik-huquqiy sanksiya – fuqarolik-huquqiy javobgarlikning aynan o‘zidir (“birxillik (o‘xshashlik)” konsepsiyasi [13].

L.F. Netishinskayaning fikricha, qonunchilikda (faqat fuqarolikda emas) ommaviy manfaatlar xususiy manfaatlar bilan bog‘liq va muvofiq ravishda hisobga olinmagunicha, fuqarolik-huquqiy javobgarlikning aniq, ravshan va barqaror tushunchasi mavjud bo‘lmaydi [14].

Fuqarolik-huquqiy javobgarlikning samaradorligi, avvalo, uni aniq fuqarolik huquqbuzarligi sodir etgan shaxslarga nisbatan qo‘llash va amalga oshirishga bog‘liq [15]. Biroq fuqarolik huquqiga, xususan javobgarlik institutiga xos bo‘lgan dispozitivlik (erkinlik) prinsipi asosida jabr ko‘rgan tomon huquqbuzarga nisbatan javobgarlik choralarini qo‘llash yoki qo‘llamaslik to‘g‘risida mustaqil ravishda qaror qabul qiladi.

O‘tkazilgan so‘rovnoma (4 890 nafar prokuratura, 104 nafar sud va adliya tizimi xodimlari fikri o‘rganilgan) natijalariga ko‘ra, javobgarlarning katta qismi (1854 nafar) amaliyotda real ijro deyarli uchramasligini qayd etgan. Aksariyat hollarda pullik kompensatsiya bilan cheklaniladi, bu esa majburiyatlarning asl maqsadini ta’minlamaydi. Masalan, tovar yetkazib berish shartnomasi buzilganda faqat pul to‘lanishi, ammo tovarning yetkazilmasligi mijoz huquqlariga putur yetkazadi. Xorijiy mamlakatlar amaliyotida (Germaniya, Fransiya, Niderlandiya) real ijro fuqarolik javobgarligining asosiy usuli hisoblanadi.

So‘rovda qatnashganlarning 1275 nafari javobgarlikni isbotlash murakkabligini, 1480 nafari esa sud amaliyotidagi qarama-qarshiliklarni asosiy muammo sifatida ko‘rsatgan. Shu bilan birga, 1745 kishi ayb faqat ba’zi hollarda muhim deb hisoblagan. Bu amalda aybning mavqei noaniq ekanligini ko‘rsatadi. Germaniya, Avstriya va Shveysariya qonunchiligida ayrim majburiyat turlari (masalan, xavfli faoliyat, ishlab chiqarishdagi xavflar) uchun aybdan qat’i nazar javobgarlik prinsipi qo‘llaniladi.

So‘rov natijalariga ko‘ra, xodimlarning 1548 nafari zarar miqdorini shartnomada belgilangan formula asosida hisoblashni afzal deb hisoblagan, 1372 kishi esa iqtisodiy ekspertizani ustun deb ko‘rsatgan. Shu bilan birga, 1952 kishi zarar qoplanishi shart, boshqa choralar bilan almashtirib bo‘lmasligini qayd etgan. Bu amalda zararni aniqlashda yagona yondashuv mavjud emasligini ko‘rsatadi. Buyuk Britaniya va AQSH amaliyotida zararni hisoblashning qonuniy metodologiyasi mavjud bo‘lib, u “expected loss” va “actual loss” tushunchalari asosida ishlaydi. Germaniyada esa zarar qoplanishi kreditorni majburiyat bajarilgandagi holatga qaytarishi shartligi prinsipiga tayanadi. Real ijroni kuchaytirish, ayb va isbotlash mexanizmlarini aniq belgilash, zararni hisoblashning

yagona uslubini joriy qilish – so‘rovnoma ko‘rsatilgan asosiy muammolarni bartaraf etishga qaratilgan.

Majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni tushunish va talqin etishga nisbatan xorijiy yurisdiksiyalarda ham bir qator ilmiy-amaliy va nazariy yondashuvlar shakllangan. Xorijiy huquqiy fanlarda umum qabul qilingan kategoriya bo‘lib, bu javobgarlik, jumladan zararni qoplash va neustoykani undirishdan tashqari, shartnomani bekor qilish, real bajarish, sinallagmatik (ikki tomonlama) shartnomada bajarishni to‘xtatib turish yoki bajarishdan bosh tortish (exceptio non adimpleti contractus), pul majburiyatlarida yillik foizlar va bahoni kamaytirishni ham o‘z ichiga oladi.

Bu yondashuv BMTning 1980-yil 11-apreldagi “Tovarlar xalqaro oldi-sotdi shartnomalari to‘g‘risida”gi Vena Konvensiyasi[16] (inglizchada: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods), ba‘zan Vena konvensiyasi deb ham ataladi, bu xalqaro savdo uchun yagona huquqiy asos yaratishga qaratilgan ko‘p tomonlama shartnomadir. 2023-yil dekabr holatiga ko‘ra, mazkur konvensiyani 97 ta davlat ratifikatsiya qilgan bo‘lib, ular dunyo savdosining uchdan ikki qismini tashkil etadi. O‘zbekiston Respublikasi mazkur Konvensiyaga O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining 1996-yil 30-avgustdagi 294-I-sonli “Birlashgan Millatlar Tashkilotining Xalqaro tovarlar oldi-sotdisi shartnomalari to‘g‘risidagi konvensiyasiga qo‘shilish haqida”gi qaroriga asosan qo‘shilgan. O‘zbekiston Respublikasi uchun 1997-yil 1-dekabr dan kuchga kirgan), UNIDRUning[17] xalqaro tijorat shartnomalari prinsiplari, shuningdek Yevropa shartnoma huquqi prinsiplari[18] kabi uyg‘unlashtirilgan xususiy-huquqiy hujjatlarda aks etgan.

Fuqarolik javobgarlikning ikki asosiy funksiyasini – reparativ (zararni qoplash) va preventiv-tarbiyaviy funksiyalarini birlashtirish mazkur huquqiy institutga mustahkam mazmun baxsh etadi, adolat g‘oyasini tiklaydi va noqonuniy harakatlar oqibatida yuzaga kelgan salbiy ta’sirlarni bartaraf etishga xizmat qiladi. Bu esa o‘z navbatida keltirilgan zararni to‘liq qoplash majburiyatini yuzaga keltiradi.

Majburiyatlarni buzish holatida qo‘llaniladigan fuqarolik-huquqiy javobgarlik – bu shartnoma yoki qonun bilan belgilangan qoidalarga rioya qilinmaganida yuzaga keladigan huquqiy reaksiya bo‘lib, uning asosiy xususiyati moddiy (mulkiy) xususiyatdagi sanksiyalarni tatbiq etish bilan bog‘liqdir. Bunday javobgarlikning vazifasi faqat qarzdorni jazolashdan iborat emas, aksincha, qarzdorning harakatlari yoki harakatsizligi oqibatida kreditorning buzilgan mulkiy manfaatlarini tiklashga qaratilgan.

Fuqarolik huquqida majburiyatlar instituti keyingi yillarda faol rivojlanmoqda. Ayniqsa, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Kreditorlarning huquqiy himoyasini kuchaytirish va tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirish mexanizmlarini takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 2018-yil 23-noyabrdagi PQ-4026-son Qarori, 2019-yil 5-apreldagi F-5464-sonli farmoyishi bilan tasdiqlangan Fuqarolik qonunchiligini takomillashtirish konsepsiyasi hamda 2021-yil 15-sentabrdagi “Shartnomaviy munosabatlarni tubdan takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PF-6313-son va 2023-yil 29-apreldagi “Kreditorlarning garov bilan ta’minlangan talablarini qanoatlantirish tizimini yanada takomillashtirish to‘g‘risida”gi PF-63-son Farmonlarining qabul qilinishi munosabati bilan fuqarolik-huquqiy javobgarlik institutini takomillashtirish masalalariga alohida e’tibor qaratildi.

O‘zbekiston Respublikasi FKning majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikka bag‘ishlangan 24-bobi o‘tgan asrning oxirlaridagi ijtimoiy-iqtisodiy vaziyatdan kelib chiqib qabul qilingan bo‘lib, o‘tgan yillar mobaynida bir muncha “eskirgan” hamda zamonaviy chaqiriqlar hamda internet tarmog‘ining rivojlanishi bilan bog‘liq masalalarni qamrab olmagan. Shu nuqtayi nazardan O‘zbekiston Respublikasi FKning 24-bobini yangi tahrirda belgilash va uning tuzilishini xorijiy mamlakatlar, eng avvalo qo‘shni mamlakatlar fuqarolik kodekslaridan kelib chiqib qayta shakllantirish lozim bo‘ladi.

Agar amaldagi O'zbekiston Respublikasi FKning 24-bobiga e'tibor qaratadigan bo'lsak, bunda "majburiyatlarni buzish tushunchasi", "majburiyatni buzish oqibatlari", "shartnomani bekor bo'lganlik uchun javobgarlik", "yo'qotishlar uchun javobgarlik", "qarzdorning o'z xodimlari tomonidan yetkazilgan zarari uchun javobgarlik", "majburiyatda tavakkalchilik" va shu kabi bir qator moddalar va qoidalar mavjud emasligi ko'zga tashlanadi.

Amaldagi qonunchilik, sud amaliyoti va ilmiy doktrina tahlili asosida majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni rivojlantirishning qator tendensiyalarini ajratish mumkin: 1) fuqarolik qonunchiligiga insofilik tamoyilining kiritilishi; 2) majburiyatlarni buzganlik uchun javobgarlikning samarali modelini izlash jarayoni hali ham davom etmoqda; 3) fuqarolik-huquqiy javobgarlik konstruksiyasida oqibatlarni oldindan ko'ra bilish mezonini inobatga olish va sababiy bog'lanishni subyektivlashtirish; 4) fuqarolik-huquqiy javobgarlik choralarning kompensatsion yo'naltirilganligi – kreditorning ijro manfaatini himoya qiladi (performance interest); 5) fuqarolik-huquqiy javobgarlikning dispozitiv tamoyillarining rivojlanishi; 6) fuqarolik-huquqiy javobgarlik instituti rivojlanishining tendensiyalaridan biri – shartnomadan tashqari javobgarlik doirasining kengayishi va shartnomaviy hamda delikt javobgarligi o'rtasidagi o'zaro aloqaning mustahkamlanishidir.

Majburiyatlarni buzganlik uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlikni qo'llashga oid nazariy va ilmiy-amaliy ahamiyatga ega bo'lgan quyidagi xulosa, taklif hamda tavsiyalarni bildiramiz:

1. Fuqarolik-huquqiy javobgarlik – bu moddiy (mulkiy) sanksiyalar turlaridan biri bo'lib, u qarzdor (ya'ni, zarar yetkazuvchi shaxs) uchun uning mulkiy huquqlari sohasida salbiy oqibatlar yuzaga kelishi bilan tavsiflanadi va shu orqali jabrlanuvchiga uning huquqi buzilgunga qadar mavjud bo'lgan holatni to'liq yoki qisman tiklash imkonini beradi.

2. 1) Fuqarolik-huquqiy javobgarlik – bu huquqbuzarlik uchun davlat tomonidan qo'llaniladigan mulkiy sanksiyadir; 2) Javobgarlik real majburiyatni ijro etishdan farq qiladi; 3) Javobgarlik sanksiyaning amalga oshgan shakli sifatida namoyon bo'ladi; 4) Sanksiya va javobgarlik o'rtasida farqlar mavjud; 5) Fuqarolik-huquqiy javobgarlikni alohida huquqiy institut sifatida shakllantirish maqsadga muvofiq.

3. Fuqarolik-huquqiy javobgarlikning ikki asosiy funksiyasini – reparativ (zararni qoplash) va preventiv-tarbiyaviy funksiyalarini birlashtirish mazkur huquqiy institutga mustahkam mazmun baxsh etadi, adolat g'oyasini tiklaydi va noqonuniy harakatlar oqibatida yuzaga kelgan salbiy ta'sirlarni bartaraf etishga xizmat qiladi. Bu esa o'z navbatida keltirilgan zararni to'liq qoplash majburiyatini yuzaga keltiradi.

4. Javobgarlik asosi sifatida aybga nisbatan yondashuvni o'zgartirish hamda barcha turdagi majburiyatlarni bajarmaganlik uchun javobgarlikni belgilashda ayb mezonini inobatga olish lozim bo'ladi. Shu sababli, Fuqarolik kodeksidagi majburiyatlarni bajarmaganlik yoki lozim darajada bajarmaganlik uchun javobgarlik asosi sifatida aybni belgilash, fors-major holatlarini ham barcha uchun bir xilda amal qilishini nazarda tutish o'rinli bo'ladi.

5. O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksini takomillashtirish, ya'ni "Yuridik shaxslar organlari va mansabdor shaxslarining fidutsiar (ishonchli) javobgarligi", "Bir xil turdagi majburiyatlar bo'yicha talablarni qondirish", "Majburiyat bo'yicha kreditorning huquqlarini himoya qilish", "Majburiyatni buzishning huquqiy oqibatlari", "Shartnoma bekor qilinganda yetkazilgan zararlarni qoplash", "Qarzdorning o'z xodimlari uchun javobgarligi", "Majburiyatda tavakkalchiligi xavfi", "Shartnomada nazarda tutilgan holatlar ro'y berganda vujudga keladigan mulkiy yo'qotishlarni qoplash" nomli yangi moddalar kiritish maqsadga muvofiq.

6. Fuqarolik-huquqiy javobgarlikda aybning ahamiyati aniq belgilanishi kerak. Xususan, obyektiv javobgarlik (aybdan qat'i nazar) va subyektiv javobgarlik (aybga asoslangan) holatlarini huquqiy normalarda aniq ajratish lozim.

7. Zararni hisoblashning yagona uslubiy qoidalarini, ya'ni metodologiyasini ishlab chiqish. Sudlarda iqtisodiy ekspertizani majburiy tartibda tayinlash, shartnomalarda zararni hisoblash formulalarini qonun darajasida belgilangan me'yorlarga moslash lozim.

8. Fuqarolik qonunchiligida real ijroni asosiy chora sifatida belgilash va faqat o'ta favqulodda holatlarda (imkonsizlik, huquqiy to'siqlar) pullik kompensatsiya bilan almashtirish mumkin. Majburiyatni asl holda bajarish to'g'risidagi qarorlarni ijro organlari orqali samarali ta'minlash bo'yicha sudlarning vakolatini kuchaytirish zarur.

IQTIBOSLAR/ЧОСКИ/REFERENCES:

1. Исследование: самые крупные корпоративные штрафы в 2024 году на данный момент // <https://binarki-opciony.com/novosti/post/samye-krupnye-korporativnye-shtrafy>.
2. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudining 2025-yil 22-iyuldagi 07-13/25-25245-sonli xati asosida olingan ma'lumotdan.
3. <https://www.icj.org/wp-content>; <https://nonews.co/directory/wordbook/sheffen-court>; <https://www.icc-cpi.int>; <https://www.mjusticia.gob.es>; www.jstor.org; <https://www.sweetandmaxwell.co.uk>; <https://www.academia.edu>; <https://www.taylorfrancis.com>; <https://www.cambridge.org>; <https://cljbooks.rutgers.edu>; <https://academic.oup.com>; <https://www.law.virginia.edu>; <https://ink.library.smu.edu.sg>; <https://www.researchgate.net>.
4. Fuqarolik huquqi: Darslik. I qism / Mualliflar jamoasi. – T.: TDYU nashriyoti, 2017. –251 b.
5. G'ulov A. Fuqarolik huquqi. O'quv qo'llanma. –Toshkent: Navro'z, 2019. – 15 b.
6. Babaev J.I. Iste'molchiga yetkazilgan zararni qoplashni fuqarolik-huquqiy tartibga solishni takomillashtirish: yurid. fan. dok. dis. ... – Toshkent: 2021. – 26 b.
7. G'aybullaev A.I. Avtotransport vositalari bilan yetkazilgan zarar uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik muammolari: yurid. fan. nomz. dis. ... – Toshkent: 2012. – 81 b.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2015. Т. 1. С. 431.
9. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2010. – С. 503.
10. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 4-е изд., перераб. И доп. М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2010. Т. 1. – С. 533.
11. Мартемьянов В.С. Хозяйственное право. – М., 2004. Т. 1. С. 249.
12. Babaev J.I. Chakana oldi-sotdi munosabatlarda javobgarlik sub'ektlarini aniqlash masalalari // Huquq va burch. 2021. – №5. – В. 24–29.
13. Кархалев Н.Д. Санкции в гражданском праве // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2013. – № 2.
14. Проблемы ответственности в Гражданском праве: Уч. пособие / Л.Ф. Нетишинская. – Краснодар, 2020. – 88 с.
15. Баратов М.Х. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности государства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. – № 4. – С. 98-103.
16. Xalqaro tovar sotish shartnomalari to'g'risidagi BMT Konvensiyasi. <https://lex.uz/acts/2634626>.
17. Международный институт унификации частного права, сокращённо УНИДРУА (фр. UNIDROIT); Источник – <https://ru.wikipedia.org>
18. https://www.uaipit.com/uploads/legislacion/files/1415358888_5EN_Principles_of_European_Contract_Law_parts_I_and_II_31_07_1998.pdf

DADABOYEVA Jumagul Anvarovna

Farg'ona davlat universiteti

Maxsus huquqiy fanlar kafedrasini mudiri

E-mail: dadaboyevajumagul74@gmail.com

OTA-ONA QARAMOG'IDAN MAHRUM BO'LGAN BOLALARGA VASIY VA HOMIY TAYINLASHDA QO'LLANILADIGAN MEZONLAR

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): DADABOYEVA J.A. Ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarga vasiy va homiy tayinlashda qo'llaniladigan mezonlar // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 50-57.

 2 (2026) DOI <http://https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-005>

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarga vasiy va homiy tayinlashda qo'llaniladigan huquqiy mezonlar kompleks tarzda tahlil qilinadi. Maqolaning asosiy maqsadi – vasiylik va homiylik institutini takomillashtirish, ushbu jarayonda bolaning manfaatlarini ustuvorligini ta'minlash hamda amaldagi qonunchilikdagi mavjud muammolarni aniqlashdan iborat.

Maqolada milliy qonunchilik normalari, ilmiy yondashuvlar va huquqni qo'llash amaliyoti asosida vasiy va homiy tayinlash mezonlarining mazmuni ochib berilgan. Shu bilan birga, voyaga yetmagan shaxslarning mulkiy huquqlarini himoya qilish mexanizmlari, ularni amalga oshirishdagi huquqiy bo'shliqlar hamda amaliy muammolar tahlil qilingan.

Maqolada vasiylik va homiylik munosabatlarida mol-mulkni boshqarish tartibini aniq huquqiy tartibga solish zarurligi asoslab berildi hamda fuqarolik qonunchiligiga tegishli o'zgartirish va qo'shimchalar kiritish taklif etildi.

Shuningdek, maqolada ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning mulkiy huquqlari tizimli ravishda tasniflanib, ularni tasarruf etilishi mumkin bo'lgan va shaxs bilan chambarchas bog'liq huquqlar sifatida ajratish zarurati asoslab berilgan. Shuningdek, vasiy va homiy faoliyatini takomillashtirishga qaratilgan aniq huquqiy takliflar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: vasiylik va homiylik instituti, ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalar, bolalar huquqlari himoyasi, bola manfaatlarini ustuvorligi, voyaga yetmaganlarning mulkiy huquqlari, ijtimoiy himoya tizimi, fuqarolik-huquqiy tartibga solish, vasiy va homiy tayinlash mezonlari, huquqiy mexanizmlar, davlat kafolatlari, mulk huquqi va mulkiy huquqlar, yetim bolalarni qo'llab-quvvatlash, huquqiy bo'shliqlar, qonunchilikni takomillashtirish.

ДАДАБОЕВА Жумагул Анваровна

Заведующий кафедрой специальных правовых

дисциплин Ферганского государственного университета

E-mail: dadaboyevajumagul74@gmail.com

КРИТЕРИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ОПЕКУНОВ И ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ЛИШЕННЫХ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ

АННОТАЦИЯ

В данной статье комплексно анализируются правовые критерии, применяемые при назначении опекуна и попечителя для детей, оставшихся без попечения родителей. Основная цель статьи –

совершенствование института опеки и попечительства, обеспечение приоритета интересов ребенка в этом процессе, а также выявление существующих проблем в действующем законодательстве.

В статье раскрывается содержание критериев назначения опекуна и попечителя на основе норм национального законодательства, научных подходов и правоприменительной практики. Вместе с тем, проанализированы механизмы защиты имущественных прав несовершеннолетних, правовые пробелы в их реализации и практические проблемы.

В статье обоснована необходимость четкого правового регулирования порядка управления имуществом в отношениях опеки и попечительства, а также предложено внести соответствующие изменения и дополнения в гражданское законодательство.

Также в статье систематически классифицируются имущественные права детей, оставшихся без попечения родителей, и обосновывается необходимость их выделения как прав, которыми можно распоряжаться и которые тесно связаны с личностью. Также выдвинуты конкретные правовые предложения, направленные на совершенствование деятельности опекунов и попечителей.

Ключевые слова: институт опеки и попечительства, дети, лишённые родительской опеки, защита прав детей, приоритет интересов ребенка, имущественные права несовершеннолетних, система социальной защиты, гражданско-правовое регулирование, критерии назначения опекунов и попечителей, правовые механизмы, государственные гарантии, право собственности и имущественные права, поддержка детей-сирот, правовые пробелы, совершенствование законодательства.

JUMAGUL Dadaboeva

Head of the Department of Special Legal
Disciplines at Fergana State University
E-mail: dadaboyevajumagul74@gmail.com

CRITERIA USED IN THE APPOINTMENT OF CARE OF A GUARDIAN OR TRUSTEE FOR CHILDREN DEPRIVED OF PARENTAL CARE

ANNOTATION

This article provides a comprehensive analysis of the legal criteria applied when appointing guardians and trustees for children deprived of parental care. The main objective of the article is to improve the institution of guardianship and trusteeship, ensure the priority of the child's interests in this process, and identify existing problems in current legislation.

The article reveals the content of the criteria for appointing a guardian and trustee based on national legislative norms, scientific approaches, and law enforcement practice. At the same time, mechanisms for protecting the property rights of minors, legal gaps in their implementation, and practical problems are analyzed.

The article substantiated the need for clear legal regulation of property management procedures in guardianship and trusteeship relations and proposed introducing relevant amendments and additions to civil legislation.

The article also provides a systematic classification of the property rights of children deprived of parental care, justifying the need to distinguish them as rights that can be disposed of and are closely linked to the individual. Specific legal proposals aimed at improving the activities of guardians and trustees have also been put forward.

Key words: guardianship and trusteeship institution, children deprived of parental care, child rights protection, best interests of the child, property rights of minors, social protection system, civil law regulation, criteria for appointing guardians and trustees, legal mechanisms, state guarantees, property rights and ownership rights, support for orphaned children, legal gaps, improvement of legislation.

Bugungi kunda jamiyat taraqqiyotida inson kapitali, ayniqsa, yosh avlod tarbiyasi ustuvor ahamiyat kasb etmoqda. Bolaning shaxs sifatida shakllanishi, uning jismoniy va ma'naviy kamoloti, eng avvalo, sog'lom oila muhiti bilan bevosita bog'liq. Shu sababli davlat tomonidan oila institutini mustahkamlash, bolalar huquqlarini himoya qilish va ular uchun munosib sharoitlar yaratishga alohida e'tibor qaratib kelinmoqda. Ayniqsa, turli sabablarga ko'ra ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalar taqdiriga befarq bo'lmaslik, ularni ijtimoiy qo'llab-quvvatlash masalasi dolzarb vazifalardan biri sifatida namoyon bo'ladi.

Shu nuqtayi nazardan, bunday bolalarni himoya qilishda vasiy va homiy tayinlash instituti muhim huquqiy mexanizm hisoblanadi. Ushbu jarayonda bolaning manfaatlari ustuvor hisoblanib, vasiy yoki homiyni tanlashda muayyan huquqiy va axloqiy mezonlarga amal qilish talab etiladi. Qonunchilikda belgilangan ushbu mezonlarni chuqur tahlil qilish va ularni amaliyotda to'g'ri qo'llash, ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning huquq va erkinliklarini ta'minlashda muhim ahamiyat kasb etadi.

Prezidentimiz Shavkat Mirziyoyev ta'kidlaganidek, "Xotin-qizlarning qadr-qimmatini joyiga qo'yish, farzandlarimizni himoya qilish – qadim-qadimdan erkaklar uchun sha'n va g'urur masalasi bo'lib kelgan. Lekin jamiyatimizda ayollar va bolalarning turli zo'raonliklarga uchrayotgani buyuk tarix, yuksak ma'naviyat va ma'rifatga ega bo'lgan, oilani muqaddas deb biladigan xalqimizga aslo yarashmaydi [1]".

Ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning mulkiy huquqlari va qonuniy manfaatlari davlat tomonidan huquqiy jihatdan kafolatlanadi hamda ularni himoya qilish alohida huquqiy mexanizmlar orqali ta'minlanadi. Voyaga yetmagan shaxslarning mulkiy huquqlari mazmun jihatidan keng qamrovli bo'lib, ular turli shakllarda namoyon bo'lishi mumkin. Jumladan, bank muassasalaridagi omonat mablag'lari, ko'chmas mulkdan foydalanish orqali olinadigan daromadlar, shuningdek, ularni ta'minlash uchun ajratiladigan pul mablag'lari kabi manbalar mazkur huquqlarning tarkibiy qismini tashkil etadi. Shu bilan birga, amaldagi huquqiy adabiyotlar va huquqni qo'llash amaliyotida mulk huquqi va mulkiy huquqlar o'rtasidagi nisbat masalasi yetarlicha tadqiq etilmagani kuzatiladi.

Ilmiy-huquqiy yondashuv nuqtayi nazaridan, mulk huquqi shaxsning mol-mulkka nisbatan egalik qilish, undan foydalanish va uni tasarruf etish vakolatlarini ifoda etadi. Mulkiy huquqlar esa, asosan, majburiyat-huquqiy munosabatlar doirasida namoyon bo'lib, muayyan shaxsdan muayyan harakatni amalga oshirishni talab qilish huquqi sifatida talqin qilinadi. Mazkur ikki tushunchani aniq farqlash, ayniqsa, ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning huquq va manfaatlari samarali himoya qilishda muhim nazariy va amaliy ahamiyatga egadir.

Z.Amonovning ilmiy yondashuviga ko'ra, mulkiy huquqlar tushunchasi huquq subyektlariga tegishli bo'lgan turli moddiy va nomoddiy ne'matlarga nisbatan vujudga keladigan huquqlarni qamrab oladi. Ushbu huquqlar jumlasiga mol-mulk, ishlar va xizmatlar, pul mablag'lari, qimmatli qog'ozlar, shuningdek intellektual faoliyat natijalariga nisbatan egalik qilish, foydalanish va tasarruf etish vakolatlari, hamda muayyan obyektlarga nisbatan mulkiy talab qilish huquqi kiradi [2, B.10, 38]. Muallif mazkur huquqlarni mazmuniga ko'ra ashyoviy majburiyatlarga asoslangan va mutlaq huquqlar sifatida tasniflash mumkinligini ta'kidlaydi. Shu bilan birga, mulkiy huquqlar instituti ko'p hollarda mulk huquqidan alohida tarzda tadqiq etilgani sababli, voyaga yetmagan shaxslarga xos jihatlar yetarlicha yoritilmaganligi kuzatiladi.

S. B. Zubkovning fikricha esa, bolalarning mulkiy huquqlari tug'ilgan paytdan boshlab ularga tegishli bo'lgan ashyoviy va majburiyat huquqlarini, shuningdek meros, hadya va boshqa huquqiy asoslar orqali keyinchalik vujudga keladigan huquqlarni o'z ichiga oladi [3, B.71]. Mazkur yondashuv voyaga yetmagan shaxslarda mulkiy huquqlarning mavjudligini e'tirof etsa-da, zamonaviy sharoitda ularning intellektual mulk obyektlariga nisbatan mutlaq huquq egasi sifatidagi maqomi ham alohida

e'tiborni talab etadi. Shu ma'noda, bolalarning mulkiy huquqlari doirasi faqat an'anaviy ashyoviy va majburiyat huquqlari bilan cheklanib qolmay, balki intellektual mulk sohasidagi huquqlarni ham qamrab olishi lozim.

A.Serebryakova voyaga yetmagan shaxslar to'liq muomala layoqatiga ega emasligi sababli ularning huquqlari kuchaytirilgan tarzda himoya qilinishi zarurligini ta'kidlaydi. Uning fikricha, mulkiy munosabatlarning rivojlanishi bolalarning mulkiy huquqlarini muhofaza qilish sohasida yangi yondashuv va mexanizmlarni joriy etishni taqozo etadi [4, B.109]. Chunki, ota-onalar yoki ularning o'rnini bosuvchi shaxslar bolaning qonuniy vakillari sifatida uning mulkiy huquqlariga rioya etilishini ta'minlashga mas'ul hisoblanadi. Biroq, faqat huquqlarni mustahkamlash bilan cheklanib qolmasdan, ularni amalga oshirish va samarali himoya qilishning institutsional kafolatlarini yaratish ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Voyaga yetmagan shaxslarning mulkiy huquqlari tizimida turar joyga bo'lgan huquq alohida o'rin tutadi. Chunki har bir bola munosib yashash sharoitiga ega bo'lishi lozim. Shu munosabat bilan, yetim bolalar va ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning turar joyga bo'lgan huquqlarini ta'minlash davlat siyosatining muhim yo'nalishlaridan biri hisoblanadi. Amaldagi qonunchilikka muvofiq, bunday toifadagi bolalar turli muassasalarga yoki vasiylik va homiylikka joylashtirilganda, ularning avvalgi yashash joyi saqlab qolinishi kafolatlanadi. Bu esa ularning mulkiy huquqlarini himoya qilish va kelgusida ijtimoiy moslashuvini ta'minlashda muhim huquqiy mexanizm sifatida namoyon bo'ladi.

O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2025-yil 5-maydagi "Yetim va ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarni har tomonlama qo'llab-quvvatlash hamda ularga ijtimoiy yordam ko'rsatish bilan bog'liq xarajatlarni moliyalashtirishga doir qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi 294-son qarori [5] yetim bolalar va ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarni ijtimoiy qo'llab-quvvatlash tizimini takomillashtirishga qaratilgan kompleks huquqiy mexanizmni belgilaydi. Qaror, avvalo, mazkur toifadagi bolalarga ajratiladigan moliyaviy resurslarni markazlashtirish va ulardan maqsadli foydalanishni ta'minlashga yo'naltirilgan bo'lib, "Mehr daftari" jamg'armasi mablag'larini Ijtimoiy himoya davlat jamg'armasiga o'tkazish orqali yagona moliyalashtirish tizimi joriy etilganligi bilan ahamiyatlidir.

Qaror mazmuniga ko'ra, ijtimoiy yordam ko'rsatishning zamonaviy va manzilli mexanizmi joriy etilgan bo'lib, u individual yondashuv tamoyiliga asoslanadi. Xususan, har bir bola uchun uning yoshi, ehtiyojlari va ijtimoiy holatidan kelib chiqqan holda individual rivojlanish yoki integratsiya rejaları ishlab chiqiladi va aynan shu rejalar asosida ijtimoiy xizmatlar ko'rsatiladi. Bu esa bolalarni standart usulda emas, balki ularning shaxsiy xususiyatlarini inobatga olgan holda qo'llab-quvvatlash imkonini beradi.

Shu bilan birga, hujjatda ijtimoiy yordam ko'rsatish jarayonlarini raqamlashtirishga alohida e'tibor qaratilgan. "Yagona milliy ijtimoiy himoya" axborot tizimi orqali yordamlarni tayinlash, monitoring qilish va moliyalashtirish mexanizmlari joriy etilgan bo'lib, bu shaffoflikni ta'minlash, inson omilini kamaytirish hamda korrupsiyaviy xavflarni oldini olishga xizmat qiladi. Shuningdek, ijtimoiy yordamlarning ayrim turlari elektron savdo platformalari orqali amalga oshirilishi belgilangani mazkur sohada raqamli iqtisodiyot elementlarining joriy etilganligini ko'rsatadi.

Mazkur qarorning yana bir muhim jihati – ijtimoiy yordam turlarining keng qamrovli ekanligida namoyon bo'ladi. Unda ta'lim, bandlik, sog'liqni saqlash, uy-joy sharoitlarini yaxshilash kabi yo'nalishlar bo'yicha kompleks yordam choralari nazarda tutilgan. Bu esa yetim va ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarni nafaqat moddiy jihatdan qo'llab-quvvatlash, balki ularni jamiyatga to'liq integratsiya qilish va mustaqil hayotga tayyorlashga qaratilgan tizimli davlat siyosatini ifodalaydi.

G. Inamdjonovanning ilmiy qarashlariga ko'ra, aliment majburiyati ota-ona va bolalar o'rtasidagi mulkiy munosabatlarni tartibga solish vositasi sifatida namoyon bo'lib, u nikoh shartnomasida nazarda tutilgan ta'minot shartlarini bajarishni ta'minlovchi majburiy huquqiy mexanizm sifatida talqin etiladi. Muallif mazkur yondashuv orqali aliment munosabatlarini shartnomaviy tartibga solish imkoniyatini ilgari suradi hamda uni nikoh shartnomasining alohida bo'limi sifatida ko'rib chiqadi [6, B.14-16].

Biroq mazkur nuqtayi nazarni qabul qilish bahsli hisoblanadi. Chunki nikoh shartnomasi, odatda, er-xotin o'rtasidagi mol-mulkiy munosabatlarni belgilashga qaratilgan bo'lib, u ota-ona va bolalar o'rtasidagi munosabatlarni to'liq qamrab olmaydi. Aliment majburiyati esa, avvalo, qonun normalariga asosan yuzaga keladigan mustaqil huquqiy majburiyat bo'lib, u voyaga yetmagan shaxsning mulkiy huquqlarini ta'minlashga xizmat qiladi. Shu jihatdan, aliment munosabatlarini faqat shartnomaviy mexanizm doirasida talqin qilish uning huquqiy tabiatini to'liq ochib bermaydi.

N. Ashurovaning ta'kidlashicha, voyaga yetmagan shaxslar huquq subyekti sifatida fuqarolik-huquqiy munosabatlarda ishtirok etar ekan, ularning muomala layoqati to'liq shakllanmaganligi sababli mazkur munosabatlar alohida huquqiy va protsessual tartibga solishni talab qiladi. Muallifning fikricha, voyaga yetmaganlar o'z huquq va qonuniy manfaatlarini mustaqil ravishda to'liq himoya qila olmasligi bois davlat tomonidan ularga nisbatan qo'shimcha kafolatlar belgilanishi zarur. Bu esa, amalda, konstitutsiyaviy jihatdan barcha fuqarolar uchun teng huquq va erkinliklar kafolatlangan bo'lsa-da, voyaga yetmaganlarning huquqlari ko'proq himoya mexanizmlariga muhtoj ekanligi bilan izohlanadi [7, B.11].

Shu bilan birga, ayrim tadqiqotchilar xorijiy davlatlar tajribasida voyaga yetmaganlarning muomala layoqati turlicha tartibga solinishini qayd etadilar. Xususan, R. Matkurbanov ushbu masalaga qiyosiy-huquqiy yondashuv asosida baho berib, davlatlarni uchta asosiy guruhga ajratadi: ayrim mamlakatlarda barcha voyaga yetmaganlar to'liq muomalaga layoqatsiz deb hisoblansa, boshqalarida ularning layoqati muayyan cheklovlar asosida belgilanadi, yana boshqa davlatlarda esa yoshga qarab tabaqalashtirilgan layoqat tizimi joriy etilgan. Bunday tasnif voyaga yetmaganlarning huquqiy maqomini belgilashda milliy qonunchilikning o'ziga xos yondashuvlari mavjudligini ko'rsatadi [8, B.33].

Milliy qonunchilikka muvofiq, kichik yoshdagi bolalarning fuqarolik-huquqiy munosabatlardagi ishtiroki ularning qonuniy vakillari orqali amalga oshiriladi. Xususan, fuqarolik qonunchiligida belgilanishicha, 14 yoshgacha bo'lgan shaxslar tomonidan tuzilgan bitimlar va yetkazilgan zarar uchun, odatda, ularning ota-onalari, farzandlikka oluvchilari yoki vasiylari mulkiy javobgar hisoblanadi. Bunda ushbu shaxslar o'z aybining yo'qligini isbotlay olmagan taqdirda javobgarlikdan ozod etilmaydi.

Oila kodeksining 169-moddasiga muvofiq, farzandlikka olish munosabatlari sud tomonidan bolaning manfaatlari ustuvorligi tamoyili asosida ko'rib chiqiladi. Hatto farzandlikka oluvchining aybi mavjud bo'lmagan taqdirda ham, agar bola manfaatlariga zid holatlar aniqlansa, sud tomonidan farzandlikka olishni bekor qilishga yo'l qo'yiladi. Bunda, ayniqsa, bolaning fikrini inobatga olish muhim ahamiyat kasb etadi.

Amaliyot shuni ko'rsatadiki, farzandlikka oluvchi va bola o'rtasida psixologik nomutanosiblik, o'zaro moslashuvning qiyin kechishi, shuningdek, bolaning yangi oilani qabul qilmasligi kabi omillar ushbu munosabatlarning barqarorligiga salbiy ta'sir ko'rsatishi mumkin. Ayrim hollarda bola ruhiy holatiga ta'sir etuvchi omillar, jumladan, nasliy yoki orttirilgan kasalliklar mavjudligi ham tarbiya jarayonini murakkablashtiradi.

Shu sababli, agar bola o'n yoshga to'lgan bo'lsa, uning fikri albatta hisobga olinishi shart. Sud qarorida farzandlikka olishni bekor qilish asoslari aniq va asoslantirilgan tarzda bayon etilishi lozim, chunki bunday qaror shaxsning oilaviy va fuqarolik huquqlariga bevosita ta'sir ko'rsatadi.

Bundan tashqari, amaldagi qonunchilikka ko'ra, ilgari farzandlikka oluvchi bo'lgan shaxslar, agar ular o'z majburiyatlarini lozim darajada bajarmagan bo'lsa, ota-onalik huquqlarini suiiste'mol qilgan bo'lsa yoki bolaga nisbatan shafqatsiz munosabatda bo'lgan bo'lsa, kelgusida vasiy yoki homiy etib tayinlanishi mumkin emas. Xususan, surunkali alkogolizm yoki giyohvandlik kabi holatlar ham bunday shaxslarning ushbu maqomni egallashiga to'sqinlik qiladi [9, B.69].

Jamiyatda barcha bolalar teng sharoitda tarbiya topish imkoniyatiga ega emas. Ayrim hollarda bola o'z ota-onasi bilan yashash imkonidan mahrum bo'lib, uning parvarishi va tarbiyasi maxsus bolalar muassasalari yoki vasiy va homiylik zimmasiga yuklatiladi. Bunday sharoitlarda bolaga nisbatan qabul qilinadigan har qanday qarorlar uning manfaatlarini to'liq ta'minlashga qaratilgan bo'lishi lozim. Shu bois muqobil parvarish shakllari ham oilaviy muhitga yaqin tizim sifatida e'tirof etilishi va bolalarning fikrini inobatga olish mexanizmlari mustahkamlanishi zarur.

Amaldagi qonunchilikka ko'ra, bola har qanday sud yoki ma'muriy muhokama jarayonida o'z fikrini erkin ifoda etish huquqiga ega. Xususan, "Bola huquqlarining kafolatlari to'g'risida"gi qonun normalariga muvofiq, bola o'z manfaatlariga daxldor bo'lgan masalalarda ishtirok etish imkoniyatiga ega bo'lib, uning fikri muhim ahamiyat kasb etadi.

Mazkur huquq bolaning shaxsiy va mulkiy huquqlariga taalluqli bo'lgan turli masalalarni, jumladan, ajrashish, farzandlikka olish, familiya yoki ismni o'zgartirish, yashash joyini belgilash hamda ta'lim olish bilan bog'liq qarorlarni qamrab oladi. Shu bilan birga, bola jinoyat, fuqarolik va ma'muriy ishlar doirasidagi sud muhokamalarida ham ishtirok etish huquqiga ega bo'lib, bu uning qonuniy manfaatlarini samarali himoya qilishga xizmat qiladi [10, B.245].

Vasiylik va homiylik instituti ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning huquq va manfaatlarini ta'minlashga qaratilgan muhim huquqiy mexanizm hisoblanadi. Ushbu institut orqali voyaga yetmagan shaxslarning shaxsiy hamda mulkiy huquqlari himoya qilinadi, ularning ijtimoiy moslashuvi va barkamol rivojlanishi uchun zarur shart-sharoitlar yaratiladi. Shu jihatdan, mazkur institut davlatning ijtimoiy siyosatida alohida ahamiyat kasb etadi.

Demografik ko'rsatkichlar tahlili shuni ko'rsatadiki, O'zbekiston Respublikasida 2023-yil boshiga doimiy aholi soni 36 milliondan ortiqni tashkil etgan bo'lib, aholining tabiiy o'sishi yuqori darajada saqlanib qolmoqda. Xususan, tug'ilish darajasi yuqori bo'lib, 2023-yilning dastlabki choragida 215 mingdan ortiq bola tug'ilgan, tabiiy o'sish esa 175 mingdan ziyodni tashkil etgan. Ushbu holat jamiyatda bolalar ulushining sezilarli ekanligini ko'rsatadi va ularni huquqiy hamda ijtimoiy himoya qilish mexanizmlarini kuchaytirishni taqozo etadi.

Aholining yosh tarkibi ham mazkur masalaning dolzarbligini tasdiqlaydi. Statistik ma'lumotlarga ko'ra, aholining 31,8 foizini mehnat yoshiga yetmagan shaxslar tashkil etadi. Bu esa bolalar va voyaga yetmaganlar sonining yuqoriligini anglatadi hamda ular orasida ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarni ijtimoiy himoya qilish, jumladan, vasiylik va homiylik institutini rivojlantirish zaruratini kuchaytiradi [11, B.405-429].

Shu bilan birga, ijtimoiy jarayonlar, jumladan, nikohlar sonining kamayishi va ajrimlar sonining ortishi kabi tendensiyalar ham bolalarning ijtimoiy himoyaga muhtoj qatlam sifatida shakllanishiga ta'sir ko'rsatadi. Bunday sharoitda vasiylik va homiylik institutining samarali faoliyat yuritishi, bolalarning huquq va manfaatlarini ta'minlashda muhim vosita bo'lib xizmat qiladi hamda davlat tomonidan qo'llab-quvvatlanishi zarur.

Shu tariqa, voyaga yetmaganlarning huquqiy maqomi ularning to'liq muomala layoqatiga ega emasligi bilan xarakterlanadi va bu holat ularning ishtirokidagi huquqiy munosabatlarda maxsus himoya mexanizmlarini qo'llashni taqozo etadi. Ayni paytda, hatto bolaning muayyan mol-mulkka egaligi mavjud bo'lgan taqdirda ham, huquqiy javobgarlik asosan uning qonuniy vakillari zimmasiga yuklanishi mazkur institutning o'ziga xos xususiyatini namoyon etadi.

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqib, voyaga yetmagan shaxslarning mulkiy huquqlarini amalga oshirish va himoya qilishda ma'muriy-huquqiy mexanizmlar ustuvor ahamiyat kasb etayotgani, fuqarolik-huquqiy tartibga solish imkoniyatlari esa nisbatan cheklangan holda qolib ketayotganini kuzatish mumkin. Ayniqsa, vasiylik va homiylik munosabatlarida mol-mulkni boshqarish tartibining aniq va tizimli tartibga solinmagani amaliyotda muayyan huquqiy bo'shliqlarni keltirib chiqaradi. Shu munosabat bilan fuqarolik qonunchiligini takomillashtirish orqali voyaga yetmaganlarning mulkiy manfaatlarini yanada ishonchli himoya qilish zarurati yuzaga keladi.

Amaldagi fuqarolik qonunchiligida vasiy yoki homiy tomonidan voyaga yetmagan shaxs mol-mulkini boshqarish tartibi umumiy qoidalar bilan cheklanib qolgan bo'lib, ularda mazkur munosabatlarning o'ziga xos jihatlari yetarlicha inobatga olinmagan. Xususan, Fuqarolik kodeksida vasiy tomonidan daromadlarni tasarruf etish tartibi aniq va kompleks tarzda belgilanmaganligi amaliyotda huquqiy noaniqliklarni keltirib chiqarmoqda.

Ilmiy adabiyotlarda ham voyaga yetmaganlarning mulkiy huquqlarini amalga oshirishda maxsus mexanizmlarni joriy etish zarurligi ta'kidlanadi (A. Serebryakova) bolalarning mulkiy huquqlari kuchaytirilgan himoyaga muhtoj ekanligini qayd etadi, biroq, ularning mol-mulkini boshqarishda qo'shimcha huquqiy kafolatlarni belgilash zarurligini ko'rsatmaydi. Shu nuqtai nazardan, fuqarolik qonunchiligiga vasiy va homiy tomonidan mol-mulkni tasarruf etish tartibini aniq belgilaydigan maxsus norma kiritish maqsadga muvofiq hisoblanadi. Bu, bir tomondan, voyaga yetmaganlarning mulkiy manfaatlarini himoya qilishni kuchaytirs, ikkinchi tomondan, huquqni qo'llash amaliyotida yagona yondashuvni ta'minlaydi.

Shu maqsadda O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga quyidagi mazmundagi normani kiritish taklif etiladi:

“32¹-modda. Vasiylik va homiylikdagi voyaga yetmagan shaxsning mol-mulkini tasarruf etish Vasiy yoki homiy o'z vasiyligidagi yoki homiylikdagi shaxsning daromadlarini, shu jumladan uning mol-mulkini boshqarishdan tushgan daromadlarni faqat mazkur shaxsning manfaatlarini ko'zlab hamda vasiylik va homiylik organining dastlabki roziligi asosida tasarruf etadi, vasiylik yoki homiylikdagi shaxsning o'zi mustaqil tasarruf etish huquqiga ega bo'lgan hollar bundan mustasno.

Alimentlar, pensiyalar, nafaqalar, sog'liqqa yetkazilgan zarar uchun to'lovlar, boquvchisini yo'qotganlik uchun nafaqa, shuningdek vasiylik yoki homiylikdagi shaxsга to'lanadigan boshqa mablag'lar vasiy yoki homiy tomonidan ochiladigan hisobvaraqda jamlanadi hamda qonunchilikda belgilangan hollarda vasiylik va homiylik organining rozilgisiz tasarruf etilishi mumkin”.

Xulosa sifatida ta'kidlash mumkinki, ota-ona qaramog'idan mahrum bo'lgan bolalarning mulkiy huquqlarini tizimli ravishda tasniflash va ularni qonunchilikda aniq ifoda etish muhim ahamiyatga ega. Xususan, ularning mulk huquqi, ta'minot (aliment) olish huquqi, mulkiy talab huquqlari, meros huquqi va omonatlarga bo'lgan huquqlarini alohida guruhlarга ajratish maqsadga muvofiqdir. Shu bilan birga, mazkur huquqlarni tasarruf etilishi mumkin bo'lgan va shaxs bilan chambarchas bog'liq bo'lgan, ya'ni tasarruf etilishi mumkin bo'lmagan huquqlarga ajratish zarur. Ayniqsa, alimentlar, pensiyalar va boshqa ijtimoiy to'lovlar voyaga yetmagan shaxsning ajralmas mulkiy huquqlari sifatida huquqiy jihatdan mustahkamlanishi lozim.

IQTIBOSLAR/ЧОККИ/REFERENCES:

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlis va O'zbekiston xalqiga Murojaatnomasi. <https://president.uz/uz/lists/view/8834>
2. Amonov Z. Mulkiy huquqlar fuqarolik huquqining obykti sifatida. Yurid.fan nomz.diss... T.: TDYUI, 2010, 10, 38 betlar.
3. Зубков С.Б. Проблемы правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних // Закон и право. – 2007. – № 10. – С. 71.

4. Серебрякова А.А. Защита имущественных прав детей. Историческая и социально–образовательная мысль. Том 9 №2/1, 2017. С.109.
5. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “Yetim va ota–ona qaramog‘idan mahrum bo‘lgan bolalarni har tomonlama qo‘llab–quvvatlash hamda ularga ijtimoiy yordam ko‘rsatish bilan bog‘liq xarajatlarni moliyalashtirishga doir qo‘shimcha chora–tadbirlar to‘g‘risida”gi qarori. // Qonunchilik ma‘lumotlari milliy bazasi, 08.05.2025 y., 09/25/294/0419–son.
6. Inamdjanova G.S. Voyaga yetmagan bolalarning huquqlari va ularni muhofaza qilish // Davlat va huquq jurnali. – 2001. – №3. – B. 14–16.
7. Ashurova N. Voyaga yetmaganlarning fuqarolik-huquqiy munosabatlardagi ishtiroki. Yurid.fan nomz.diss...avtoref. –T.: TDYUI, 2008. 11-b.
8. Matkurbanov R.J.Fuqarolik huquqida fuqarolar (jismoniy shaxslar) huquq subyektligining muammolari. T.: TDYUI, yurid.fan.dokt.diss...avtoref. 2008. 33-b.
9. Sharaxmetova U. Oilaviy huquqlarini amalga oshirishni takomillashtirish. Monografiya. 2025. 148-b.
10. Muminov A.R., Tillabayev M.A., Yuldasheva G. Bola huquqlari: darslik / mas‘ul muharrir A.X. Saidov. – Toshkent: Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi, 2019. – 410 b.
11. O‘zbekiston Respublikasining demografik holati // www. Stat.uz. Demografik holat.

TURDIYEV Bobir Sobirovich

O'zbekiston Respublikasi Huquqni
muhofaza qilish Akademiyasi katta prokurori
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4253-2985>
E-mail: bobir.turdiyev.uz@gmail.com

MILLIY QONUNCHILIK VA STRATEGIK DA'VOLAR: NIMA UCHUN MAMLAKATIMIZDA STRATEGIK DA'VOLARDAN MUHOFAZA CHORALARI QABUL QILINISHI KERAK?

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): TURDIYEV B.S. Milliy qonunchilik va strategik da'volar: nima uchun mamlakatimizda strategik da'volardan muhofaza choralari qabul qilinishi kerak? // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 58-65.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-006>

ANNOTATSIYA

Hozirgi axborot asrida jamoatchilik manfaatlari yo'lida harakat qilayotgan shaxslar va korporativ sektor o'rtasida ziddiyat va qarama-qarshiliklarning yuzaga kelishi tabiiy holdir. Ayniqsa, atrof-muhitni muhofaza qilish, korrupsiyaga qarshi kurashish hamda boshqaruvda shaffoflikni ta'minlash masalalarida bunday qarama-qarshiliklar tez-tez kuzatiladi. Ushbu jarayonlarda jamoatchilik manfaatlari yo'lida faoliyat yuritayotgan shaxslar ko'pincha jiddiy bosim va qarshiliklarga duch keladilar. Bunday holatlarda korporativ sektor strategik da'vo arizalari orqali ularning faoliyatini cheklashga harakat qilishi mumkin. Natijada fuqarolarning so'z erkinligi va samarali jamoatchilik nazoratini amalga oshirish imkoniyatlari cheklanadi, bu esa qonun ustuvorligi va demokratik tamoyillarga putur yetkazadi hamda demokratik tizimning samarali faoliyat yuritishiga salbiy ta'sir ko'rsatadi.

Shu sababli, bir qator xorijiy davlatlar qonunchiligida strategik da'volarga qarshi muhofaza choralari joriy etilgan. Mazkur choralarning asosiy maqsadi – sudlarga haqiqiy huquqlarni amalga oshirish va himoya qilishga qaratilgan da'volarni asossiz hamda yetarli darajada asoslantirilmagan da'vo arizalardan ajratib olishda ko'maklashishdan iborat. Ushbu maqolada sudlar tomonidan korporativ sektor kiritadigan strategik da'vo arizalarini ko'rib chiqish masalalari, xususan, huquqiy vositalar yetarli darajada aniq belgilanmagan vaziyatlarda qanday yondashuvlar qo'llanishi zarurligi ilmiy-nazariy tahlil, xalqaro standartlar va xorijiy tajriba asosida yoritiladi. Shuningdek, milliy qonunchilikda strategik da'vo arizalaridan muhofaza qilish mexanizmlarini takomillashtirish bo'yicha takliflar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: strategik da'vo arizalari, strategik da'volarga qarshi muhofaza choralari, qonun ustuvorligi, atrof-muhitni muhofaza qilish, shaffoflik, korrupsiyaga qarshi kurashish, so'z erkinligi, odil sudlov mexanizmlari, korporativ mas'uliyat.

ТУРДИЕВ Бобир СобировичСтарший прокурор Правоохранительной
Академии Республики УзбекистанORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4253-2985>E-mail: bobir.turdiyev.uz@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИСКИ: ПОЧЕМУ УЗБЕКИСТАНУ СЛЕДУЕТ ПРИНЯТЬ МЕРЫ ПРОТИВ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИСКОВ

АННОТАЦИЯ

В современную информационную эпоху возникновение конфликтов и противоречий между лицами, действующими в общественных интересах, и корпоративным сектором является естественным явлением. Особенно ярко такие конфликты проявляются в сферах охраны окружающей среды, противодействия коррупции и обеспечения прозрачности управления. В этих условиях лица, действующие в общественных интересах, зачастую сталкиваются с существенным давлением и сопротивлением. В подобных ситуациях корпоративный сектор может предпринимать попытки ограничить их деятельность посредством стратегических судебных исков. В результате подрываются свобода выражения мнений граждан и их возможность осуществлять эффективный общественный контроль, что, в свою очередь, ослабляет верховенство права и демократические принципы, негативно сказываясь на функционировании демократических систем.

В этой связи в ряде зарубежных государств были внедрены меры защиты от стратегических исков. Основная цель таких мер заключается в оказании содействия судам в разграничении исков, направленных на добросовестную реализацию и защиту прав, и исков, являющихся необоснованными либо недостаточно обоснованными. В настоящей статье рассматриваются подходы к разрешению судами стратегических исков, инициируемых корпоративным сектором, в частности в условиях, когда правовые механизмы недостаточно четко определены. Анализ основан на теоретических подходах, международных стандартах и сравнительном зарубежном опыте. Кроме того, в статье предлагаются рекомендации по совершенствованию национального законодательства в части защиты от стратегических исков.

Ключевые слова: стратегические иски против участия общественности, меры против стратегических исков, верховенство закона, охрана окружающей среды, прозрачность, борьба с коррупцией, свобода выражения, судебные механизмы, корпоративная ответственность.

BOBIR Turdiyev

Senior Prosecutor, Law Enforcement

Academy of the Republic of Uzbekistan

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4253-2985>E-mail: bobir.turdiyev.uz@gmail.com

NATIONAL LEGISLATION AND STRATEGIC LAWSUITS: WHY UZBEKISTAN SHOULD ADOPT ANTI-SLAPP MEASURES

ANNOTATION

In the modern information age, the emergence of conflicts and tensions between individuals acting in the public interest and the corporate sector is a natural phenomenon. Such conflicts are particularly evident in areas such as environmental protection, anti-corruption efforts, and ensuring transparency in governance. In these contexts, individuals acting in the public interest often face significant pressure and

resistance. In such situations, the corporate sector may attempt to restrict their activities through strategic lawsuits. As a result, citizens' freedom of expression and their ability to exercise effective public oversight are undermined, which in turn weakens the rule of law and democratic principles, negatively affecting the functioning of democratic systems.

For this reason, a number of foreign jurisdictions have introduced protective measures against strategic lawsuits (Anti-SLAPP). The primary purpose of these measures is to assist courts in distinguishing between claims genuinely aimed at exercising and protecting legal rights and those that are unfounded or insufficiently substantiated. This article examines how courts should address strategic lawsuits initiated by the corporate sector, particularly in situations where legal remedies are not clearly defined. The analysis is based on theoretical approaches, international standards, and comparative foreign experience. Additionally, the article proposes recommendations for improving national legislation concerning protection against strategic lawsuits.

Key words: strategic lawsuits against public participation (SLAPP), anti-SLAPP, rule of law, environmental protection, transparency, anti-corruption, freedom of expression, judicial mechanisms, corporate accountability.

Bugungi axborot asrida jamoatchilik manfaatlari yo'lida harakat qilayotgan shaxslar bir tarafdand, boshqa tarafdand korporativ sektor o'rtasida ziddiyat va qarama-qarshiliklar yuzaga kelishi tabiiy hol. Ayniqsa, atrof-muhit muhofazasi, ochiqlik va korrupsiyaga qarshi kurashishda jamoatchilik manfaatlari yo'lida harakat qilayotgan shaxslar turli bosim va qarshilikka duch kelishi tez-tez kuzatiladi. Bunda qonun ustuvorligi, fikrlash va so'z erkinligini ta'minlash muhim ahamiyatga ega.

Biroq, mazkur ziddiyatli holatlarda katta resurs va imkoniyatlarga ega korporativ yoki biznes sektor tomonidan jamoatchilik manfaatlari harakat qilayotgan shaxslarga nisbatan huquqiy mexanizmlar orqali ma'muriy va sud mexanizmlaridan foydalanish, strategik da'vo arizalari kiritish orqali chora ko'rishga urinish qonun ustuvorligi va demokratik tamoyillarga putur yetkazadi. Bunday holatlar bir tarafdand jamoatchilik nazorati, so'z va fikr erkinligiga salbiy ta'sir qilsa, boshqa tarafdand korporativ sektorning jamoatchilik manfaatlari zid faoliyatini jilovlash o'rniga uni rag'batlantirishga olib keladi. Ushbu dilemma qonunchilikda aniq javob choralari nazarda tutilmagan sharoitda sud organlari oldida bu kabi vaziyatlarda qanday yo'l tutish kerakligini o'rta qo'yadi.

Maqolada ushbu vaziyatlarda sud organlari masalaga qanday yondashishi ilmiy-nazariy yondashuvlar, xalqaro standartlar, xorijiy amaliyot, milliy qonunchilikdagi bo'shliqlar va ularni takomillashtirishga oid takliflar ilgari suriladi.

Strategik da'volar deganda jamoatchilik ishtirokiga qarshi va jamoat manfaatlari oid masalalar bo'yicha axborot tarqatishni cheklash maqsadida odil sudlov mexanizmlarini suiiste'mol qiluvchi da'volar yoki da'vo kiritishga oid huquqiy tahdidlar tushuniladi. Bunday da'volar dunyoning barcha hududlarida, huquqiy an'ana va sud tizimidan qat'i nazar, davlat yoki nodavlat subyektlar tomonidan tobora ko'proq qo'llanilmoqda.

Bu turdagi da'volar jamoatchilik manfaatlari masalalarida harakat qilayotgan shaxslarni qo'rqitish, jamoatchilik ishtirokini cheklash, tanqidiy chiqishlarini to'xtatish, ularning ovozini pasaytirishga qaratilgan bo'lib, atrof-muhitni muhofaza qilish, inson huquqlari, korrupsiya yoki shaffoflik kabi jamoatchilikni tashvishga soladigan masalalar bo'yicha harakat qilayotgan shaxslarga qarshi qo'zg'atiladi.

Bunday da'volar odatda yirik kompaniyalar tomonidan fuqarolar, nodavlat notijorat tashkiloti, ommaviy axborot vositalari, ekologiya va inson huquqlari himoyachilariga qarshi qo'llaniladigan taktika hisoblanib, jamoatchilik faollariga nisbatan yetarli asoslantirilmagan juda yirik summadagi da'vo arizalari kiritiladi. Bu turdagi da'volar so'z erkinligi, jamoatchilik ishtiroki va nazoratiga

salbiy ta'sir ko'rsatadi. Ayrim olimlar strategik da'volar fikr yoki so'z erkinligini cheklash uchun sud tizimini suiiste'mol qilish vositasi sifatida talqin qiladi [1].

Bu turdagi harakatlardan asosiy maqsad ruhiy va moliyaviy bosim o'tkazish va obro'sizlantirish orqali javobgar tarafga ta'sir ko'rsatish, ularning ovozini pasaytirish, ma'lum bir xatti-harakatlardan tiyilish, shu orqali demokratik jamiyatning asosiy tayanchi bo'lgan so'z erkinligi, jamoatchilik nazorati va jamoat birlashmalariga uyushishga salbiy ta'sir ko'rsatish [2], nomaqbul axborot yoki ma'lumotlarni o'zgartirish yoki olib tashlashda namoyon bo'ladi. Bu konstitutsiyada nazarda tutilgan so'z erkinligi va jamoat birlashmalariga uyushishga tahdid hisoblanadi.

Bunday da'vo arizalarining asosiy belgilari sifatida da'vo yoki uning summasining nomutanosibligi, ortiqchaligi yoki asossizligi, da'vogar yoki unga aloqador shaxslar tomonidan shunga o'xshash masalalarga oid bir nechta ish yuritishning mavjudligi, da'vogarning qo'rqitish, ta'qib yoki tahdid qilishi, sud jarayonini kechiktirish, cho'zish yoki sud jarayonining keyingi bosqichida da'voni ko'rmasdan qoldirish bilan to'xtatish kabi protsessual taktikalardan g'ayri maqsadlarda foydalanishda namoyon bo'ladi.

Bu kabi da'volarning eng asosiy xususiyatlaridan biri nizolashayotgan tarflar o'rtasidagi nomutanosiblik (tengsizlik)da namoyon bo'lib, turli shakllarda, shu jumladan obro'sizlantirish, shaxsiy daxlsizlik, mualliflik huquqini buzish va axborotni muhofaza qilishga oid da'vo arizalar kiritish yoki da'vo kiritish bilan tahdid qilish orqali amalga oshiriladi [3].

Strategik da'volar taraflarning iqtisodiy, siyosiy va ijtimoiy kuchlar nomutanosibligidan foydalanib, jamoatchilik manfaatiga taalluqli masalani xususiy nizoga aylantirishda ifodalanadi. Bunda yetarli resurslarga ega da'vogar taraf sudlashuv protsessini cho'zish va javobgar resurslarini shunga safarbar qilish orqali ularni jazolashni maqsad qiladi.

Bunday da'volar o'z huquqini himoya qilishdan farq qilib, huquqiy mexanizmlar va sud protsessini suiiste'mol qilishda ifodalanadi [3]. Bu iqtisodiy baquvvat yoki kuchli taraf tomonidan yetarli resursga yoki o'zini himoya qilish yetarli imkoniyatiga ega bo'lmagan zaif tarafga nisbatan qo'llaniladigan taktika hisoblanadi. Bu taktika garchi huquqiy mexanizmlarga asoslansa-da, odillik, qonun ustuvorligi va demokratik tamoyillarga zid hisoblanadi.

Shu sababli, bir qator xorijiy davlatlar qonunchiligida strategik da'volarga qarshi muhofaza choralari (Anti-SLAPP) mustahkamlangan. Mazkur qonunchilikning asosiy maqsadi sudlarga haqiqiy o'z huquqlarini amalga oshirish va himoya qilishga oid da'volardan asossiz va yetarli asoslantirilmagan da'vo arizalarni ajratib olishga ko'maklashish hisoblanadi. Bu sudlarga da'vo arizalarni ko'rib chiqishni cheklamaydi, balki sud protsessini asossiz da'volardan g'ayri maqsadlarda foydalanilishini erta (dastlabki) bosqichlardayoq aniqlash, da'vogarning o'z da'vosini taqdim etish imkonini berish va shundan keyin asossiz deb topilsa ko'rmasdan qoldirishni nazarda tutadi [3].

Strategik sudlashuvga oid da'volarga yo'l qo'ymaslikka oid kafolatlar so'z erkinligi, shaffoflik va hisobdorlik, jamoatchilik ishtirokini himoya qilish va rag'batlantirish, huquqiy vositalardan qo'rqitish maqsadlarida noto'g'ri foydalanishni oldini olishiga qaratilgan. Bu turdagi qonunchilik strategik da'volarni sudda ko'rib chiqmasdan qoldirish, javobgarga ishni sud muhokamasidan oldin tugatish to'g'risida iltimosnoma berish, bu turdagi da'vo ariza kiritgan shaxslarga moliyaviy jarimalar qo'llash, sud va javobgar xarajatlarini qoplash majburiyatini yuklash, da'vogarga arizasi strategik sudlashuvga taalluqli emas ekanligini isbotlash majburiyatini yuklash kabi mexanizmlarni nazarda tutadi.

Umuman olganda, strategik sudlashuvga yo'l qo'ymaslikka oid choralar jamiyat manfaatida harakat qilayotgan shaxslar, jurnalistlar, fuqarolik jamiyati institutlari, akademik davralar va inson huquqlari himoyachilarini himoya qilishga, sud tizimidan g'arazli maqsadlarda foydalanishni oldini olishga qaratilgan.

Soʻz erkinligini himoya qilishning kuchayishi korporativ salbiy xabar va maʼlumotlarni yashirish holatlarini kamaytirib, bu esa aksiyalar narxining qulashlari va buxgalteriya firibgarligi ehtimolini pasaytirish hamda kompaniya tashabbusi bilan salbiy xabarlar sonining oshishida aks etadi. Soʻz erkinligini himoya qilish jamoatchilik nazoratini kuchaytirish orqali kompaniyalar tomonidan salbiy maʼlumotlarni yashirishni kamaytiradi va moliyaviy hisobotlar hamda oshkoralik sifatini yaxshilaydi [4].

Baʼzi tadqiqotlar shuni koʻrsatadiki, insofli korporativ sektor aktivizm xavfi va jamoatchilikning ularni nishonga olishidan saqlanish uchun strategik daʼvolarga murojaat qilmasdan, oʻzlarining korporativ ijtimoiy faoliyatini tartibga solish va yaxshilashga harakat qilishadi. Ushbu proaktiv yondashuv kompaniyalarni oʻz ijtimoiy faoliyatini kuchaytirish orqali oʻz-oʻzini tartibga solishga undaydi, bu esa ularni jamoatchilik va faollar tomonidan nishonga olinishi xavfini kamaytiradi [5].

Oʻzbekiston Respublikasi Konstitutsiyasida har kim fikrlash va soʻz erkinligi (33-modda), jamiyat va davlat ishlarini boshqarishda ishtirok etish (36-modda), murojaat qilish huquqiga egaligi (40-modda) belgilangan boʻlib, davlat inson hamda fuqaroning Konstitutsiya va qonunlarda mustahkamlangan huquqlari va erkinliklarini taʼminlashi (54-modda), har kimga oʻz huquq va erkinliklarini sud orqali himoya qilish, davlat organlarining hamda boshqa tashkilotlarning, ular mansabdor shaxslarining qonunga xilof qarorlari, harakatlari va harakatsizligi ustidan sudga shikoyat qilish huquqi kafolatlanishi (55-modda) koʻrsatilgan. Shuningdek, Konstitutsiya 20-moddasida insonning Konstitutsiya va qonunlarda mustahkamlab qoʻyilgan huquq va erkinliklari daxlsizligi, ularni cheklab qoʻyishga hech kim haqli emasligi belgilangan.

Milliy qonunchilikda **strategik sudlashuvga** oid daʼvolarga yoʻl qoʻymaslikka oid muhofaza choralari yoki kafolatlar mavjud emas. Xususan, Oʻzbekiston Respublikasining Fuqarolik-protsessual kodeksi 122-moddasida arizani koʻrmasdan qoldirish va 124-moddasida ish yuritishni tugatish asoslari keltirilgan boʻlib, mazkur asoslarda strategik daʼvolardan muhofaza choralari nazarda tutilmagan.

Shunday boʻlsa-da, milliy amaliyotda jamoatchilik manfaatida harakat qilayotgan shaxslarga nisbatan biznes sektor tomonidan turli vositalar, shu jumladan odil sudlovga oid mexanizmlar orqali bosim oʻtkazish holatlarini [6, 7, 8] koʻrish mumkin. Mazkur holatlar asosan turli qurilish loyihalarini amalga oshirish uchun jamoat yer maydonlari va xiyobonlarga qarashli yer maydonlarini egallash, renovatsiya loyihalari doirasida eski binolar va uy-joylarni olish, atrof-muhit muhofazasi va daraxtlarni kesish bilan bogʻliq holatlarda kuzatilgan.

Bunda quruvchi kompaniyalar tomonidan strategik daʼvolar belgilariga muvofiq keluvchi bir qator xatti-harakatlar amalga oshirilgan. Bular jumlasiga mahalliy aholi va jamoatchilik faollarini kuch qoʻllash tahdidi orqali qoʻrqitish, jismoniy kuch qoʻllash orqali nizo-janjal va tartibsizlik keltirib chiqarish [8], advokatlarni yoʻllash orqali sudga daʼvo ariza kiritish bilan tahdid qilish [7], oʻz faoliyatini amalga oshirishda huquqni muhofaza qiluvchi organlarni jalb etish orqali organ vakillari qonuniy talablariga boʻysunmaslik orqali javobgarlikka tortish va boshqa ruhiy va jismoniy tahdidlar amalga oshirilgan.

Shundan keyin ham qurilish loyahasiga qarshilik qilgan, masalani yoritishga harakat qilayotgan yoki kompensatsiyaga rozi boʻlmagan, turli maʼmuriy instansiyalarga qurilishning qonuniyligi yuzasidan murojaat yoki shikoyat qilayotgan shaxslarga nisbatan strategik daʼvo arizalari kiritilgan.

Mazkur daʼvo arizalarining xususiyati moddiy va maʼnaviy zararni undirish boʻyicha daʼvo summasining juda kattaligi (odatda bir necha milliard soʻm), fuqarolarning xatti-harakatlarini cheklash va turli davlat organlariga murojaat qilish huquqlarini cheklash va tiyish maqsadida javobgar zimmasiga muayyan majburiyatni yuklashga oid choralar kiritilganligini koʻrish mumkin. Bunda kompaniyalar tomonidan qurilishga oid tegishli ruxsat va hujjatlar yetarli darajada rasmiylashtirilmagan, jamoatchilik roziligi olinmagan boʻlsa-da, fuqarolarning oʻz huquqi va

jamoatchilik nazoratini amalga oshirishga oid xatti-harakati moddiy va ma'naviy zarar hamda kompaniya ishchanlik obro'siga zarar yetkazganligi vaji bilan da'vo arizalar kiritilgan. Shuningdek, ayrim hollarda qurilishga qarshilik ko'rsatgan faollarga nisbatan sudlar tomonidan ma'muriy huquqbuzarlikka oid choralar (o'zboshimchalik (MJTK 200-modda) va huquqni muhofaza qiluvchi organlar qonuniy talablarini bajarmaslik) ham qo'llanilgan.

Ko'rib chiqilgan ishlar bo'yicha sudlar tomonidan har ikkala tarafning da'vo talablarini rad etish va qanoatlantirmaslik holatlarini ko'rish mumkin. Shunday bo'lsa-da, sud protsessi bir necha oy davom etishi, bir necha instansiyalarda ko'rib chiqish holatlari fuqarolarning ortiqcha ovoragarchiligiga olib kelishi, o'z konstitutsiyaviy huquqlarini amalga oshirayotgan shaxslarga, jamoatchilik nazoratiga salbiy ta'sir qilishini qayd etish lozim.

BMTning Inson huquqlari bo'yicha Oliy komissari devoni davlatlarga strategik da'volardan muhofaza choralari ko'rishni tavsiya etgan. Xususan, tuhmat, haqorat va o'z huquqlarini amalga oshiruvchi shaxslarga nomutanosib jazolar qo'llashi mumkin bo'lgan boshqa huquqbuzarliklarni dekriminalizatsiya qilish, strategik da'volardan muhofaza choralari o'z qonunchilikni qabul qilish hamda sudlarga protsessual qoidalarni suiiste'mol qiluvchi da'vo arizalarni ko'rmasdan qoldirishni tavsiya etgan [9].

Bugungi kunda Yevropa Ittifoqi mamlakatlari, Avstraliya, Buyuk Britaniya, Indoneziya, Filippin, Tayland, AQShning 32 shtati va Kolumbiya okrugi, Kanadaning 3 provinsiyasi qonunchiligida strategik sudlashuvga oid da'volarga yo'l qo'ymaslik (strategik da'volarga qarshi instrumentlar) nazarda tutilgan [10].

Tahlillar Yevropada 2010-2024 yillarda sudlarga 1300 dan ortiq strategik da'volar kiritilganligi aniqlangan. Bunda asosiy da'volar Polsha, Fransiya, Malta, Italiya, Serbiya, Xorvatiya va Turkiya hissasiga to'g'ri kelgan. Sudlashuvlarning asosiy qismi (65%) fuqaroviy ishlar, 20% jinoiy ishlarni tashkil etgan [11, B. 14-16].

Asosiy da'vo arizalar tuhmat, uydirmalar tarqatish (obro'sizlantirish)ga oid ishlar bo'lib, jami da'volarning 71%ni tashkil etadi. Shu sababli, Yevropa Ittifoqining 5 davlati tuhmat, uydirmalar tarqatish (obro'sizlantirish) kabi qilmishlarni dekriminalizatsiya qilgan [11, B. 17].

Da'vo arizalarning aksariyati 91.5% milliy, 8.5% transchegaraviy xususiyatga ega. Da'vo arizalar asosan jurnalistlar, OAV, faollar, muharrirlar, NNTlarga nisbatan kiritilgan [11, B.20]. Asosiy da'volar biznes strukturalar, siyosatchilar, davlat vakillari hamda davlat korxonalarini tomonidan kiritilgan [11, B. 22-23]. Asosiy strategik da'volar jamoatchilik ishtirokiga qarshi qaratilgan bo'lib, bular korrupsiyaga oid ayblovlar va ekologiya masalalariga taalluqli ishlar hisoblanadi [11, B. 23-24]. Mijozlar tomonidan salbiy baholangan tovar va xizmatlar bo'yicha fikrlarga nisbatan ham yuridik chora ko'rish bilan tahdid qilish yoki kommentlarni olib tashlashni talab qilish holatlari kuzatilgan.

Yevropa Ittifoqi Direktivasida sud protsessida bu kabi da'volardan javobgarni sudlar himoya qilishi, sud xarajatlari va javobgarning huquqiy himoya xarajatlarini qoplash, isbotlash majburiyati va da'voning asosligini isbotlashni da'vogar zimmasiga yuklash, bu kabi da'volarni kiritgan shaxslarga jarima yoki boshqa samarali, ta'sirchan va mutanosib ta'sir chorasi qo'llash, sud qarorini to'liq chop etish majburiyatini yuklash nazarda tutilgan [12].

Yevropa Ittifoqi Direktivasi nafaqat Yevropa Ittifoqi mamlakatlari balki xalqaro darajada ham strategik da'volarga yo'l qo'ymaslik bo'yicha ikki turdagi muhofaza choralari nazarda tutadi. Birinchisi, a'zo davlatlar strategik da'voga oid xorijiy davlatlar sud qarorlarini tan olmaydi va ijro etilishini rad etadi. Ikkinchisi, a'zo davlatda istiqomat qiladigan jismoniy va yuridik shaxslarga uchinchi mamlakatlarda sud protsessini suiiste'mol qiluvchi ishlar natijasida yetkazilgan zarar va xarajatlarni kompensatsiya qilish bo'yicha ariza berish imkoniyatini taqdim etishni nazarda tutadi.

Ayrim xorijiy mamlakatlarda strategik da'volarga yo'l qo'ymaslikka oid normalar faqat muayyan soha (yo'nalish)larga qo'llanilishi mumkinligi holatlarini ko'rish mumkin. Jumladan, **Buyuk**

Britaniyada strategik da'volardan muhofaza choralari faqat iqtisodiy jinoyatlar, ya'ni korrupsiya va uni ochiqlash jamiyat manfaatlariga muvofiq hisoblangan ishlar taalluqli hisoblanadi [13]. Biroq, mazkur muhofaza choralari atrof-muhit va ekologik masalalarni qamrab olmagan.

Indoneziyada esa Atrof-muhitni muhofaza qilish va boshqarish to'g'risidagi qonun (2009-yil 32-son) 66-moddasi strategik da'volardan muhofaza choralarni o'z ichiga oladi. Qonun atrof-muhitni himoya qilish faoliyatida ishtirok etayotgan jamoalarni himoya qilish maqsadida ishlab chiqilgan [14]. Qonunda sog'lom atrof-muhit huquqi uchun harakat qilayotgan shaxslar jinoiy yoki fuqaroviy javobgarlikka tortilmasligi belgilangan [15]. Ushbu prinsip fuqarolarning sog'lom atrof-muhitga bo'lgan konstitutsiyaviy huquqlarini himoya qilishning bir shakli sifatida atrof-muhitni boshqarishdagi jamoat ishtirokini davlat tomonidan hurmat qilinishi va himoya qilinishi zarurligini ta'kidlaydi [16].

Yuqoridagi tahlillarda ko'rib chiqqanimizdek milliy qonunchilikda strategik da'volardan muhofaza choralarni kiritish zarurati mavjud. Shunga ko'ra, Fuqarolik protsessual kodeksi 122 va 124-moddalariga strategik da'volarga yo'l qo'ymaslik bo'yicha choralarni kiritish taklif qilinadi. Bunda atrof-muhitni muhofaza qilish, insonning qulay atrof-muhitga bo'lgan huquqi, ochiqlikni ta'minlash, korrupsiya va xufiyona iqtisodiyotga qarshi kurashish va yuqoridagi masalalarda jamoatchilik manfaatlarini uchun harakat qilayotgan shaxslarni tiyib turish, jamoatchilik ishtirokini oldini olish yoki cheklash uchun yetarli asoslantirilmagan, kiritilgan da'vo yoki uning summasining nomutanosibliyi yaqqol ayon bo'lgan da'vo arizalarini ko'rmasdan qoldirish yoki ish yuritishni tugatish mexanizmlarini belgilash taklif qilinadi. Bunday hollarda da'voning asosligini isbotlash majburiyati, sud xarajatlari va javobgarning huquqiy himoya xarajatlarini qoplash da'vogar taraf zimmasida ekanligini nazarda tutish maqsadga muvofiq. Mazkur muhofaza choralari huquqiy tizimga ishonchni mustahkamlash, davlat va jamiyat boshqaruvida jamoatchilik faol ishtirok etishini rag'batlantirish va ularni himoya qilish, korporativ sektorning sud tizimidan g'ayri maqsadlarda foydalanish holatlarini jilovlash va mas'uliyatini oshirishga xizmat qiladi.

IQTIBOSLAR/CHOCKI/REFERENCES:

1. Benazzo, S., Le Cam, F., Domingo, D., & Fierens, M. (2025). Journalism Facing Autocratization: Analyzing Strategic Lawsuits Against Public Participation (SLAPPs) as Instruments for Media Capture. *Journalism Practice*, 1-20. DOI: 10.1080/17512786.2025.2598376.
2. Borg-Barthet, J., & Farrington, F. (2024). The EU's anti-SLAPP directive: a partial victory for rule of law advocacy in Europe. *German Law Journal*, 25(6), 840-855.
3. Farrington, F., & Zabrocka, M. (2023, December). Punishment by Process: The Development of Anti-SLAPP legislation in the European Union. In *Era Forum* (Vol. 24, No. 4, p.521). Berlin/Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg // URL: <https://doi.org/10.1007/s12027-023-00774-5>.
4. Lee, J., NG, S., Yoo, I.S. and Zhang, L. (2026), Freedom of Expression Protection and Corporate Concealment of Bad News: Evidence from State Anti-SLAPP Laws. *Journal of Accounting Research*, 64: 365-415 // URL: <https://doi.org/10.1111/1475-679X.70012>.
5. Wu, Z., Bruton, G., & Krause, R. (2025). Activism risk and corporate self-regulation: Investigating how anti-SLAPP laws impact firms' institutional corporate social performance. *Strategic Management Journal*. <https://doi.org/10.1002/smj.70031>.
6. Gazeta.uz, 2024 // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/04/09/vaccines-institute/>.
7. Podrobno.uz, 2024 // URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/torzhestvo-spravedlivosti-ili-shakhmatnaya-partiya-chto-ne-tak-s-resheniem-suda-po-delu-zastroyshchi/>.
8. Gazeta.uz, 2023 // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/05/21/conflict/>.
9. Office of the High Commissioner for Human Rights, the impact of SLAPPs on human rights and how to respond, 2024. <https://www.ohchr.org/en/documents/brochures-and-leaflets/impact-slapps-human-rights-and-how-respond>.
10. Brander, E., & Turk, J. (2023). Global Anti-SLAPP Ratings: Assessing the strength of anti-SLAPP laws. *Center for Free Expression, Toronto Metropolitan University* // URL: <https://cfe.torontomu.ca/publications/global-anti-slapp->

[ratings-assessing-strength-anti-slapp-laws](#). Office of the High Commissioner for Human Rights, the impact of SLAPPs on human rights and how to respond, 2024. <https://www.ohchr.org/en/documents/brochures-and-leaflets/impact-slapps-human-rights-and-how-respond>.

11. Coalition Against SLAPPs in Europe (CASE), A 2025 Report on SLAPPs in Europe: Democracy in the Dock, 2026 // URL: <https://www.the-case.eu/resources/2025-report-slapps-in-europe-democracy-in-the-dock/>.

12. Directive (EU) 2024/1069 of the European Parliament and of the Council on Protecting persons who engage in public participation from manifestly unfounded claims or abusive court proceedings (Strategic lawsuits against public participation), 2024 // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401069.

13. Peter Coe, Rebecca Moosavian & Paul Wragg (2025) Addressing strategic lawsuits against public participation (SLAPPs): a critical interrogation of legislative, and judicial responses, *Journal of Media Law*, 17:1, p.120 // URL: <https://doi.org/10.1080/17577632.2024.2443096>.

14. Fitri, R., Chairullah, M., Primadara, D., Agam, H.A.C., Bustani. (2025). Application of Anti-SLAPP (Strategic Lawsuit Against Public Participation) Principles in Environmental Case Solutions in Indonesia. *International Journal of Law, Social Sciences and Humanities (IJLSH)*, 2(2), 266-274 // URL: <https://doi.org/10.70193/ijlsh.v2i2.250>.

15. Law of the Republic of Indonesia, No. 32, 2009, Concerning protection and management of environment // URL: <https://greenaccess.law.osaka-u.ac.jp/wp-content/uploads/2019/03/Law-No.32-of-2009-on-The-Management-and-Protection-of-the-Environment.pdf>

16. Sebastian, N., & Masyhar, A. (2023). The implementation of anti-SLAPP (strategic lawsuit action against public participation) in environmental management and protection. *CREATION: Journal of Innovation and Community Service*, 3(1), 8-18.

ХИКМАТОВ Немат ДжураевичСамостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
транспортного университета
E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОДХОДОВ

For citation (для цитирования, iqtibos keltirish uchun,): ХИКМАТОВ Н.Д. Правовая природа цифровых активов в гражданском праве: анализ вещно-правового и обязательственно-правового подходов // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) С. 66-73.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-007>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется правовая природа цифровых активов в гражданском праве через призму вещно-правового и обязательственно-правового подходов. Автор исходит из того, что развитие цифровой экономики, блокчейн-технологий, токенизации имущественных благ и появления различных видов криптоактивов поставило перед юридической наукой вопрос о возможности признания цифровых активов имуществом, обладающим самостоятельной имущественной ценностью и способным участвовать в гражданском обороте. Обосновывается, что цифровые активы не укладываются в традиционные конструкции материальных вещей и классических прав требования, поскольку, не имея физической формы, они тем не менее обладают экономической ценностью, могут находиться под фактическим и юридическим контролем определённого субъекта, передаваться другим лицам, выступать объектом наследования, обеспечения, банкротства и иных частноправовых отношений, а также требовать защиты от посягательств третьих лиц. В работе анализируются основные доктринальные подходы к правовой природе цифровых активов. С одной стороны, они рассматриваются как самостоятельное имущественное благо, с другой как цифровая форма выражения уже существующих имущественных, обязательственных или корпоративных прав. Особое внимание уделено позициям В.А. Садкова, Э.Д. Чейсона, Дж.А.Т. Фэйрфилда, М. Абрамовича, Р.М. Гарсия-Теруэль и Э. Симон-Морено. Автор приходит к выводу о том, что вопрос о признании цифровых активов имуществом не может решаться абстрактно или единообразно для всех их видов. Для определения их правового режима необходимо учитывать совокупность частноправовых критериев, включая самостоятельную экономическую ценность, возможность контроля, оборотоспособность, определённость принадлежности, защиту от третьих лиц, а также характер того права, которое лежит в основе конкретного цифрового актива.

Ключевые слова: цифровые активы, имущество, обязательство, блокчейн, токенизация, криптоактивы, оборотоспособность, контроль, принадлежность, защита, право, цифровизация, регулирование.

XIKMATOV Nemat Jo'rayevichToshkent davlat transport universiteti
mustaqil izlanuvchisiE-mail: hikmatovnemat@gmail.com

RAQAMLI AKTIVLARNING FUQAROLIK HUQUQIDAGI HUQUQIY TABIATI: ASHYOVIY-HUQUQIY VA MAJBURIYAT-HUQUQIY YONDASHUVLAR TAHLILI

ANNOTATSIYA

Maqolada raqamli aktivlarning fuqarolik huquqidagi huquqiy tabiati ashyoviy-huquqiy va majburiyat-huquqiy yondashuvlar nuqtai nazaridan tadqiq etiladi. Muallif raqamli iqtisodiyot, blokcheyn texnologiyalari, mulkiy ne'matlarni tokenlashtirish va turli xil kriptoaktivlarning paydo bo'lishi yuridik fan oldiga raqamli aktivlarni mustaqil mulkiy qiymatga ega bo'lgan va fuqarolik muomalasida ishtirok etishga qodir mol-mulk sifatida tan olish mumkinmi, degan masalani qo'yganidan kelib chiqadi. Raqamli aktivlar an'anaviy moddiy ashyo va klassik talab qilish huquqi tizimlariga mos kelmasligi asoslantiriladi, chunki ular jismoniy shaklga ega bo'lmasa-da, iqtisodiy qiymatga ega, muayyan subyektning faktik va yuridik nazorati ostida bo'lishi, boshqa shaxslarga o'tkazilishi, meros, bankrotlik va boshqa xususiy-huquqiy munosabatlarning obyekti bo'lishi, shuningdek uchinchi shaxslar tajovuzidan himoyani talab qilishi mumkin. Ishda raqamli aktivlarning huquqiy tabiatiga oid asosiy doktrinal yondashuvlar tahlil qilinadi. Bir tomondan, ular mustaqil mulkiy ne'mat sifatida, ikkinchi tomondan esa mavjud mulkiy, majburiyat yoki korporativ huquqlarning raqamli ifodasi sifatida qaraladi. V.A. Sadkov, E.D. Cheyson, J.A.T. Feyrild, M. Abramovich, R.M. Garsiya-Teruel va E. Simon-Moreno qarashlariga alohida e'tibor qaratilgan. Muallif raqamli aktivlarni mol-mulk sifatida e'tirof etish masalasi barcha turlariga nisbatan mavhum yoki bir xil tarzda hal qilib bo'lmasligi haqida xulosaga keladi. Ularning huquqiy rejimini belgilashda mustaqil iqtisodiy qiymat, nazorat qilish imkoniyati, muomalada bo'lishi, kimga tegishliligining aniqligi, uchinchi shaxslardan himoya qilinganligi, shuningdek muayyan raqamli aktiv asosida yotgan huquqning xususiyati kabi xususiy-huquqiy mezonlar majmuini hisobga olish zarur.

Kalit so'zlar: raqamli aktivlar, mol-mulk, majburiyat, blokcheyn, tokenlashtirish, kriptoaktivlar, muomalada bo'lish, nazorat, tegishlilik, himoya qilish, huquq, raqamlashtirish, tartibga solish.

NEMAT Khikmatov

Independent Researcher

Tashkent State Transport University

E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL ASSETS IN CIVIL LAW: AN ANALYSIS OF PROPRIETARY AND OBLIGATIONAL APPROACHES

ANNOTATION

The article examines the legal nature of digital assets in civil law through the prism of proprietary and obligational approaches. The author proceeds from the premise that the development of the digital economy, blockchain technologies, tokenization of proprietary benefits, and the emergence of various types of crypto-assets have raised for legal scholarship the question of whether digital assets may be recognized as property possessing independent economic value and capable of participating in civil circulation. It is substantiated that digital assets do not fit into the traditional legal constructions of tangible things and classical rights of claim, since, although lacking physical form, they nevertheless possess economic value,

may be subject to the factual and legal control of a particular person, may be transferred to others, may serve as objects of inheritance, security, bankruptcy, and other private-law relations, and may require protection against interference by third parties. The paper analyzes the main doctrinal approaches to the legal nature of digital assets. On the one hand, they are viewed as an independent proprietary good; on the other hand, they are regarded as a digital form of expression of already existing proprietary, obligational, or corporate rights. Particular attention is paid to the views of V.A. Sadkov, E.D. Chason, J.A.T. Fairfield, M. Abramowicz, R.M. Garcia-Teruel, and H. Simón-Moreno. The author concludes that the issue of recognizing digital assets as property cannot be resolved abstractly or uniformly for all their types. In determining their legal regime, it is necessary to take into account a set of private-law criteria, including independent economic value, the possibility of control, transferability, certainty of legal принадлежность, protection against third parties, as well as the nature of the right underlying a specific digital asset.

Keywords: digital assets, property, obligation, blockchain, tokenization, cryptoassets, transferability, control, attribution, protection, law, digitalization, regulation.

В доктрине понимания правовой природы цифровых активов условно сформировались два основных подхода: один из них рассматривает цифровые активы как имущество, обладающее самостоятельной имущественной ценностью, тогда как другой трактует их как цифровую форму, выражение либо механизм осуществления уже существующих имущественных, обязательственных или корпоративных прав. С точки зрения второго подхода, при правовой оценке цифровых активов не следует поспешно признавать их самостоятельным имуществом, напротив, прежде всего целесообразно анализировать их правовое содержание и экономические функции [1, Б. 220]. Это объясняется тем, что во многих случаях явление, именуемое цифровым активом, представляет собой цифровую оболочку, технический носитель или способ реализации определённого правового содержания. Если за цифровыми обозначениями, токеном или криптографической записью стоит конкретное имущественное требование, корпоративное право, интерес, связанный с платежом, либо иной юридический интерес, то в центре правового анализа должна находиться не цифровая форма как таковая, а именно соответствующее право.

Значение данного подхода состоит в том, что он позволяет избежать чрезмерной абсолютизации правовой природы цифровых активов. Иными словами, не всякая цифровая запись, токен или единица блокчейна автоматически влечёт вывод о наличии самостоятельного имущества. Напротив, представители данного направления в каждом конкретном случае ставят на первый план вопросы о том, какое именно право воплощено в цифровой форме, на каком основании оно возникло, каким образом передаётся и к каким правовым последствиям приводит [2, Б. 366-374]. В этом смысле рассматриваемый подход показывает, что при осмыслении правовой природы цифровых активов приоритет должен отдаваться не техническому выражению, а лежащему в его основе правовому содержанию [3, Б.56].

В частности, российский исследователь В.А. Садков, специально изучавший проблематику цифровых прав, выступает одним из наиболее типичных представителей данного направления, рассматривая цифровые финансовые активы не как абсолютно новое имущество, а как особую форму фиксации и введения в оборот уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав с использованием цифровых технологий. Согласно его позиции, правовая сущность цифрового финансового актива проявляется не в самом факте его существования в электронной или блокчейн-форме, а в том, какие именно права посредством него удостоверяются, кому они принадлежат и в каком порядке вводятся в оборот. По теоретическому выводу В.А. Садкова, «новизна» цифрового финансового актива

заключается не в его содержании, а в способе выражения прав и их включения в гражданский оборот. Так, если определённый токен выражает обязательственное право, право на получение дивидендов или право корпоративного участия, то в центре правового анализа должен находиться не сам токен, а именно соответствующее право [4, Б. 11-12]. Данная точка зрения позволяет рассматривать цифровые технологии не как самостоятельную реальность, существующую вне правовой системы, а как форму цифрового развития уже известных юридических средств.

Трактовка В.А. Садковым цифровых финансовых активов не как абсолютно нового имущества, а как особой формы фиксации и введения в оборот уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав в определённой степени представляется обоснованной. В особенности теоретически верным направлением следует признать то, что правовая сущность цифрового финансового актива связывается им не с его электронной или блокчейн-формой как таковой, а с тем, какие именно права посредством него удостоверяются, кому они принадлежат и в каком порядке включаются в оборот. Вместе с тем, по нашему мнению, данный подход не может быть воспринят безоговорочно. Ограничение новизны цифровых финансовых активов лишь способом выражения прав и их введения в оборот не позволяет в полной мере раскрыть некоторые новые качественные особенности их правовой природы. В частности, отдельные цифровые блага, токенизированные или введённые в оборот на основе блокчейна, могут обладать более широким экономическим и юридическим значением, чем простая цифровая форма традиционных обязательственных или корпоративных прав. В ряде случаев их самостоятельность в обороте, трансграничная обращаемость, существование в децентрализованной среде и обеспечение юридической принадлежности посредством технических средств не охватываются в полном объёме традиционными правовыми конструкциями.

Представитель американской школы правоведения, профессор Университета Денвера Эрик Д. Чейсон (Eric D. Chason), анализируя цифровые активы, в частности Bitcoin, рассматривает его не просто как новый вид имущества, а как систему, функционально воспроизводящую в цифровой среде отдельные институты традиционного права собственности. По его мнению, блокчейн Bitcoin выполняет ряд функций, присущих реестру недвижимости: фиксирует правообладателей, отражает последовательность перехода прав, обеспечивает публичность информации, связанной с имуществом, и в определённом смысле выполняет функцию правовой гарантированности права собственности. Важной особенностью подхода данного американского исследователя является то, что он не акцентирует внимание на признании Bitcoin самостоятельным имуществом как таковым, а, напротив, оценивает его как новую институционально-техническую форму реализации имущественных отношений. Иными словами, по его мнению, блокчейн Bitcoin не является государственным реестром, однако фактически выполняет функции, характерные для традиционных институтов права собственности, такие как установление правовой принадлежности имущества, фиксация перехода имущественных прав и определение их приоритета [5, Б. 129-171]. В частности, в Великобритании по делу *AA v. Persons Unknown* суд признал Bitcoin имуществом и применил запретительную меру в отношении токенов, полученных в результате незаконного вымогательства. Значение данного решения состоит в том, что суд избрал вещно-правовое средство защиты применительно к самому токenu, то есть правовая защита была направлена не на его рыночную стоимость, а на него как на самостоятельный объект. Это решение выражает одну из наиболее завершённых правовых форм признания цифрового актива имуществом, поскольку рассматривает крипто-актив как самостоятельный объект собственности и обеспечивает в отношении него прямую защиту, характерную для права собственности.

Канадская судебная практика также в определённой степени поддерживает данное направление. В деле *Shair.Com Global Digital Services Ltd. v. Arnold* суд признал наличие у истца имущественного интереса не только в отношении ноутбука, но и в отношении приобретённых через содержащийся в нём закрытый ключ цифровых валют. Особое значение здесь имеет то обстоятельство, что суд не ограничил право на цифровые активы лишь материальным носителем ноутбуком, а подошёл к самим токенам как к самостоятельному имущественному интересу [7].

Данная позиция имеет важное значение для понимания правовой природы цифровых активов. Это объясняется тем, что в её рамках цифровые технологии рассматриваются не просто как экономический инструмент, а как механизм, создающий функциональный аналог уже существующих институтов частного права. В этом смысле для Эрика Д. Чейсона значение цифрового актива проявляется не в признании его самостоятельным имуществом как таковым, а в его способности обеспечивать упорядоченность имущественных отношений.

Другой американский правовед, профессор Вашингтонского университета и Университета Ли Джошуа А.Т. Фэйрфилд (Joshua A.T. Fairfield), объясняет проблему цифровых активов, исходя из более углублённого понимания теории собственности. Согласно его взглядам, собственность представляет собой не только реальное господство над материальной вещью, но и систему отношений, которая в социально-правовом смысле выражается через информацию о том, «кому что принадлежит». С этой точки зрения в цифровой среде информационная природа собственности проявляется ещё более отчётливо. В подходе данного автора цифровой актив выступает не как самостоятельное имущество, а как новая форма выражения, хранения и передачи информации о собственности [8, Б. 805-874.]. Иными словами, он предлагает переосмыслить собственность через призму цифровых технологий: если собственность по своей сути является системой информации о правовой принадлежности, то блокчейн и иные цифровые платформы становятся высокоэффективным способом хранения и распространения такой информации. Следовательно, теоретическое значение данной позиции заключается в том, что она переводит дискуссию о цифровых активах с вопроса «существует ли новый вид имущества?» на вопрос «каким образом сама собственность функционирует как система правовой информации?». Таким образом, в позиции Джошуа А.Т. Фэйрфилда сущность цифрового актива связывается не столько с его материальным или нематериальным характером, сколько с функцией выражения и упорядочения правовой принадлежности.

Ещё один представитель американской школы правоведения, профессор Университета Джорджа Вашингтона Майкл Абрамович (Michael Abramowicz), рассматривает цифровые активы, в особенности программные механизмы, обеспечивающие обращение криптовалют, как алгоритмическую систему реализации правовых отношений и принятия определённых решений. В его концепции цифровой актив выступает не только как средство обмена или имущественное благо, но и как механизм, выполняющий определённую функцию правового регулирования. Существенным в данном случае является то, что Майкл Абрамович усматривает юридическое значение цифровых активов в том, каким образом через них автоматически реализуются определённые правила. Так, посредством программных механизмов, обеспечивающих обращение криптовалют, подтверждаются переводы, фиксируется переход права обладания, решается проблема доверия между участниками и автоматически проверяются транзакции [9, Б. 359-420]. Следовательно, в рамках данного подхода цифровой актив выступает не просто предметом гражданского оборота, а входит в систему технологических механизмов, направленных на осуществление и обеспечение правовых отношений. Позиция Майкла Абрамовича представляет собой важный этап в

осмыслении правовой природы цифровых активов, поскольку позволяет рассматривать данный феномен не только как «благо», но и как «средство регулирования». Это, в свою очередь, создаёт возможность анализировать проблему цифровых активов не только как правовое благо, но и как явление, тесно связанное с регулированием автоматизированных цифровых отношений в сфере частного права.

Европейские правоведы Роса М. Гарсия-Теруэль (Rosa M. Garcia-Teruel) и Эктор Симон-Морено (Héctor Simón-Moreno) выдвигают в доктрине цифровых активов весьма тонкое и важное разграничение. По их мнению, токенизация на основе блокчейна, хотя и позволяет выразить, вводить в оборот и передавать в цифровой среде определённое имущественное либо иное право, сама по себе не создаёт, не изменяет и не прекращает это право автоматически. Иными словами, токен представляет собой не само право, а лишь его выражение в цифровой форме. Авторы, в особенности применительно к обеспеченным токенам, подчёркивают, что если токен выражает определённое право собственности, право требования или иной гражданско-правовой интерес, то его правовая оценка должна осуществляться на основе норм национального частного права. При этом сохраняют своё значение такие традиционные частноправовые институты, как правило *“lex rei sitae”*, порядок государственной регистрации, основание возникновения права, способ его передачи другому лицу, а также установление того, кому именно принадлежит соответствующее право. Следовательно, токенизация затрагивает не содержание права как такового, а лишь его техническую форму выражения, фиксации и введения в оборот. Значение данного подхода состоит в том, что он предостерегает от чрезмерного преувеличения роли токенизации. Иными словами, не всякий интерес, зафиксированный в системе блокчейн или выраженный в форме токена, автоматически приобретает статус самостоятельного имущества. Существенное значение имеет именно выяснение того, какое право, на каком юридическом основании и с какой принадлежностью лежит в основе соответствующей цифровой формы [10, Б. 5-7]. В этом смысле данный подход показывает, что в спорах, связанных с цифровыми активами, приоритет следует отдавать не самому факту технической фиксации, а лежащему за ним правовому основанию.

По нашему мнению, сравнительный анализ указанных научных подходов наглядно показывает, что объяснение цифровых активов исключительно через категории материальных вещей или традиционных прав требования уже не является достаточным. Это обусловлено тем, что цифровые активы, не обладая материальной формой, тем не менее имеют имущественную ценность, могут находиться под контролем определённого субъекта [11, Б. 101-127], передаваться другим лицам, участвовать в обороте как самостоятельное имущественное благо и во многих случаях требуют защиты от посягательств третьих лиц. По этой причине для понимания их правовой природы недостаточно по отдельности ни классической вещно-правовой, ни обязательственно-правовой модели; напротив, требуется комплексный подход, способный охватить экономические, технологические и юридические особенности цифровых активов [12, Б.146].

С этой точки зрения, при решении вопроса о признании цифровых активов имуществом определяющее значение должны иметь не только их нематериальная природа или сама по себе имущественная ценность, но и совокупность следующих признаков: во-первых, наличие самостоятельной экономической ценности; во-вторых, возможность фактического и юридического контроля со стороны определённого субъекта; в-третьих, возможность передачи другим лицам и участия в обороте; в-четвёртых, чёткая определённость принадлежности соответствующего блага его правообладателю; в-пятых, возможность его защиты от третьих лиц; в-шестых, способность иметь самостоятельное значение в таких частноправовых отношениях, как наследование, залог, банкротство, налогообложение и иные аналогичные

сферы. Следовательно, вопрос о применении либо неприменении имущественного режима к цифровым активам не должен решаться абстрактно [13, Р. 1099-1104], а должен ставиться в зависимость именно от наличия указанных юридически значимых признаков.

Вместе с тем было бы неправильно признавать все цифровые активы самостоятельным имуществом по единым основаниям. В отдельных случаях токен, цифровая запись или единица блокчейна могут представлять собой лишь цифровую форму выражения уже существующего права, способ его фиксации либо механизм его обращения. В подобных ситуациях в центре правового анализа должна находиться не сама цифровая форма, а содержание выражаемого через неё права, основание его возникновения, принадлежность и порядок передачи. Следовательно, при определении правового статуса цифровых активов более оправданным является не универсальный и единообразный подход, а дифференцированная модель, учитывающая вид соответствующего цифрового актива, его функцию и лежащее в его основе правовое содержание.

Применение норм о праве собственности к цифровым активам в Узбекистане первоначально было заложено Постановлением Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан». Данное постановление рассматривает крипто-актив не просто как технологическое или экономическое явление, а прямо признаёт его имущественным правом. В частности, в постановлении прямо установлено, что «крипто-актив является имущественным правом, представляющим собой совокупность цифровых записей в распределённом реестре, имеющих стоимость и собственника».

Кроме того, важное значение в легализации оборота крипто-активов как объекта гражданских прав имело Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 сентября 2018 года № ПП-3926 «О мерах по организации деятельности крипто-бирж в Республике Узбекистан». Особенность данного постановления заключается в том, что в нём прямо предусмотрено неприменение к обороту крипто-активов и деятельности крипто-бирж законодательства о ценных бумагах и биржевой деятельности. Эта норма исключает автоматическое отождествление крипто-активов с ценными бумагами и устанавливает для них самостоятельный, специальный правовой режим.

Следует отметить, что закрепление правового статуса цифровых активов в национальном законодательстве ещё не означает их официального признания в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в полном и определённом смысле. Поскольку в самом гражданском законодательстве данная категория до сих пор прямо не закреплена как самостоятельный объект. Иными словами, с одной стороны, специальные нормативно-правовые акты признают цифровые активы имущественным правом, а с другой стороны, в Гражданском кодексе до настоящего времени не определены в достаточной мере место данного института, его виды, особенности участия в гражданском обороте, средства правовой защиты, а также признаки, отличающие его от иных объектов гражданских прав.

В качестве вывода следует отметить, что вопрос о признании цифровых активов имуществом в гражданском праве не может сводиться к простой альтернативе признавать их или не признавать. Основная задача заключается в установлении того, какие именно виды цифровых активов, при наличии каких признаков и при каких юридических условиях могут подпадать под имущественный режим. В этом смысле современное гражданское право должно развиваться не путём отрицания традиционных правовых институтов, а через их адаптацию к требованиям цифровой экономики и, при необходимости, через дополнение новыми гибридными юридическими конструкциями. Именно такой подход способен обеспечить корректное понимание правовой природы цифровых активов, их эффективную правовую защиту и полноценное участие в гражданском обороте.

CHOCKI/IQTIBOSLAR /REFERENCES:

1. Ritter J., Mayer A. Regulating data as property: a new construct for moving forward //Duke L. & Tech. Rev. - 2017. - T. 16. - P. 220. <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1320&context=dltr>
2. Tsiura V., Panova L., Gramatsky E. Virtual assets in the digitalization era: Economic and private legal aspects // Baltic Journal of Economic Studies. - 2024. - T. 10. - №. 3. - P. 366-374. <http://www.baltijapublishing.lv/index.php/issue/article/view/2517>
3. Madison M. J. Law as design: objects, concepts, and digital things //Case W. Res. L. Rev. - 2005. - T. 56. - P. 381. https://www.researchgate.net/publication/228184097_Law_as_Design_Objects_Concepts_and_Digital_Things
4. Садков В.А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. - С. 11-12. <https://www.dissercat.com/content/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-obekty-grazhdanskikh-prav-i-ikh-oborot?ysclid=mnsqb6ahks190122122>
5. Chason E.D. How Bitcoin Functions As Property Law // Seton Hall Law Review. 2019. - Vol. 49. - P. 129-171. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3491538
6. AA v. Persons Unknown & Ors, Re Bitcoin [2019] EWHC (Comm) 3556 [50–63] (U.K.). <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2022/07/AA-v-Persons-Unknown-summary-case-note-SB-amended-1.pdf>.
7. Shair.Com Glob. Digit. Servs. Ltd. v. Arnold, [2018] CanLII 1512, para. 13-17 (Can. B.C.S.C.). <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5c9b453e-2160-4afd-800d-2b01b4a5b609>.
8. Fairfield J.A.T. Bitproperty // Southern California Law Review. - 2015. - Vol. 88. - P. 805-874. <https://southerncalifornialawreview.com/2015/05/02/bitproperty-article-by-joshua-a-t-fairfield/>
9. Abramowicz M. Cryptocurrency-Based Law // Arizona Law Review. 2016. Vol. 58. - P. 359-420. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2573788
10. Garcia-Teruel R.M., Simón-Moreno H. The Digital Tokenization of Property Rights: A Comparative Perspective // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41. Art. 105543. - P. 5-7. https://www.researchgate.net/publication/351131839_The_digital_tokenization_of_property_rights_A_comparative_perspective
11. Wendehorst C. Proprietary rights in digital assets and the conflict of laws //Blockchain and Private International Law. – Brill Nijhoff, 2023. - P. 101-127. <https://brill.com/edcollchap-oa/book/9789004514850/BP000014.xml>
12. Johnstone S. Secondary markets in digital assets: Rethinking regulatory policy in centralized and decentralized environments //Stan. J. Blockchain L. & Pol’y. - 2020. - T. 3. - P. 146. <https://assets.pubpub.org/hwjyrws6/31593300665949.pdf>
13. Banta N. M. Property interests in digital assets: The rise of digital feudalism //Cardozo L. Rev. - 2016. - T. 38. - P. 1099-1104. <https://larc.cardozo.yu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4123&context=clr>

ABDUG'AFFOROV Jasur To'liqin o'g'li

O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish
instituti o'qituvchisi, Toshkent davlat yuridik
universiteti tayanch doktoranti
E-mail: abdugaffarovjasur078@gmail.com

JAMOAVIY MUZOKARA VA UNING IJTIMOYIY SHERIKLIKDAGI AHAMIYATI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):
ABDUG'AFFOROV J.T. Jamoaviy muzokara va uning ijtimoiy sheriklikdagi ahamiyati // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 74-86.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-008>

ANNOTATSIYA

Mazkur ilmiy maqolada mehnat huquqining muhim instituti hisoblangan ijtimoiy sheriklik tizimida jamoaviy muzokaralarning tutgan o'ri va ahamiyati tizimli ilmiy-huquqiy yondashuv asosida tahlil etilgan. Muallif jamoaviy muzokaralarning nazariy-huquqiy asoslarini yoritish bilan birga, ularning shakllanish bosqichlari, xalqaro huquqiy manbalardagi talqini hamda milliy mehnat qonunchiligidagi o'ri va rivojlanish yo'nalishlarini batafsil ochib beradi. Xususan, Xalqaro Mehnat Tashkiloti konvensiyalarida nazarda tutilgan qoidalar asosida jamoaviy muzokaralarning huquqiy mazmuni tahlil qilinib, ularni milliy huquq tizimiga joriy etish zarurati ilmiy jihatdan asoslab berilgan.

Shuningdek, jamoaviy muzokaralarning ijtimoiy muloqot shakli sifatidagi o'ri, mehnat munosabatlarida tomonlar manfaatlari muvozanatini ta'minlash, ijtimoiy-mehnat nizolarining oldini olish hamda ijtimoiy barqarorlikni mustahkamlashdagi ahamiyati huquqiy nuqtayi nazardan asoslab berilgan. Muallif jamoaviy muzokaralar yakunida tuziladigan jamoa shartnomalari va kelishuvlarning lokal normativ-huquqiy hujjat sifatidagi maqomini, ularning majburiyligi hamda mehnat munosabatlarini shartnomaviy tartibga solishdagi o'rnini izchil bayon etadi.

Qiyosiy-huquqiy tahlil asosida Germaniya, Fransiya va Buyuk Britaniya kabi davlatlar tajribasi o'rganilib, ularning ilg'or jihatlarini milliy mehnat huquqi tizimiga moslashtirish imkoniyatlari ko'rsatib berilgan. Muallif tomonidan mehnat qonunchiligini takomillashtirish, jamoaviy muzokaralar samaradorligini oshirish, ijtimoiy sheriklik mexanizmlarini mustahkamlash hamda tomonlar o'rtasida samarali ijtimoiy muloqotni rivojlantirishga qaratilgan ilmiy asoslangan taklif va tavsiyalar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: jamoaviy muzokaralar, ijtimoiy sheriklik, mehnat huquqi, jamoa shartnomasi, jamoa kelishuvi, mehnat munosabatlari, vakillik, huquqiy tartibga solish, ijtimoiy dialog, muzokara jarayoni, ijtimoiy-mehnat masalalari bo'yicha komissiyalar.

АБДУГАФФАРОВ Жасур

Преподаватель института переподготовки и
повышения квалификации юридических кадров
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан,
базовый докторант Ташкентского государственного
юридического университета
E-mail: abdugaffarovjasur078@gmail.com

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье с позиции научно-правового подхода комплексно и системно анализируются роль и значение коллективных переговоров как важного института социального партнерства в трудовом праве. Автор раскрывает теоретико-правовые основы коллективных переговоров, а также подробно освещает этапы их формирования, отражение в международных правовых источниках и место в национальном трудовом законодательстве. В частности, на основе положений конвенций Международной организации труда анализируется правовое содержание коллективных переговоров и обосновывается необходимость их внедрения в национальную правовую систему.

Также обосновывается роль коллективных переговоров как формы социального диалога, их значение в обеспечении баланса интересов сторон трудовых отношений, предупреждении социально-трудовых споров и укреплении социальной стабильности. Автор последовательно раскрывает правовую природу коллективных договоров и соглашений как локальных нормативно-правовых актов, их обязательную силу и значение в договорном регулировании трудовых отношений.

На основе сравнительно-правового анализа изучен опыт таких государств, как Германия, Франция и Великобритания, и определены возможности адаптации их передовых практик в национальную систему трудового права. В статье также сформулированы научно обоснованные предложения и рекомендации, направленные на совершенствование трудового законодательства, повышение эффективности коллективных переговоров, укрепление механизмов социального партнерства и развитие эффективного социального диалога.

Ключевые слова: коллективные переговоры, социальное партнерство, трудовое право, коллективный договор, коллективное соглашение, трудовые отношения, представительство, правовое регулирование, социальный диалог, переговорный процесс, комиссии по социально-трудовым вопросам.

JASUR Abdugaffarov

Teacher at the Training institute for lawyers
under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan,
basic doctoral student of Tashkent State University
E-mail: abdugaffarovjasur078@gmail.com

COLLECTIVE BARGAINING AND ITS IMPORTANCE IN SOCIAL PARTNERSHIP

ANNOTATION

This scientific article provides a comprehensive and systematic legal analysis of the role and importance of collective bargaining as a key institution of social partnership in labor law. The author examines the theoretical and legal foundations of collective bargaining, as well as its stages of development, interpretation in international legal sources, and its place within national labor legislation. In particular, based on the

provisions of the International Labour Organization conventions, the legal essence of collective bargaining is analyzed and the necessity of its implementation into the national legal system is substantiated.

The article also justifies the role of collective bargaining as a form of social dialogue, emphasizing its importance in ensuring a balance of interests between the parties to labor relations, preventing labor disputes, and strengthening social stability. The author consistently highlights the legal nature of collective agreements and contracts as local normative legal acts, their binding force, and their role in the contractual regulation of labor relations.

Based on a comparative legal analysis, the experience of countries such as Germany, France, and the United Kingdom is examined, and the possibilities for adapting their advanced practices into the national labor law system are identified. The article concludes with scientifically grounded proposals and recommendations aimed at improving labor legislation, enhancing the effectiveness of collective bargaining, strengthening social partnership mechanisms, and developing effective social dialogue.

Keywords: collective bargaining, social partnership, labor law, collective agreement, labor contract, labor relations, representation, legal regulation, social dialogue, negotiation process, commissions on social and labor issues.

Jamoaviy muzokaralarning kelib chiqishi mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikning paydo bo'lishi bilan deyarli bir vaqtda sodir bo'lgan. Yevropada jamiyatning feodalizmdan sanoat inqilobi bosqichiga o'tishi natijasida jamiyat hayotida tub burilish sodir bo'ldi. Aholi endilikda ikki asosiy ijtimoiy qatlam – kapitalistlar (ish beruvchilar) va ishchilar (mehnatkashlar yoki xodimlar) jamoalariga bo'linib ketdi. O'n yillar davom etgan og'ir mehnat sharoitlarida ishchilarni o'z haq-huquqlari uchun kurashishga, pirovardda ish beruvchilarni o'zlari bilan muzokaralar (jamoaviy muzokaralar) o'tkazishlariga erishdilar [1].

Xalqaro Mehnat Tashkilotining (bundan keyin matnda XMT deb yuritiladi) "Jamoaviy muzokaralarni olib borish to'g'risida"gi Konvensiyasi 2-moddasiga ko'ra "jamoaviy muzokaralari" atamasi bir tomondan ish beruvchi, ish beruvchilar guruhi yoki ish beruvchilarning bir yoki bir necha tashkilotlari bilan, ikkinchi tomondan mehnatkashlarning bir yoki bir necha tashkilotlari o'rtasida quyidagi maqsadlarda olib boriladigan barcha muzokaralarni anglatadi: *Birinchi*dan, mehnat sharoitlarini va ish bilan ta'minlanish shartlarini belgilash; *Ikkinchi*dan, ish beruvchilar bilan mehnatkashlar o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solish; *Uchinchi*dan, ish beruvchilar yoki ularning tashkilotlari bilan mehnatkashlar tashkiloti yoki tashkilotlari o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solish [2].

Milliy mehnat qonunchiligimizda "kollektiv muzokaralar" atamasining huquqiy ta'rifining yo'qligi dolzarb muammo sifatida qolmoqda. Ushbu bo'shliqni XMTning 154-sonli Konvensiyasida belgilangan xalqaro standartlarni amaliyotga tatbiq etish orqali to'ldirish, normativ aniqlik va huquqiy prognozlanishni ta'minlashga xizmat qiladi [3].

Shuni qayd etish lozimki, ayrim olimlar fikriga ko'ra XMT hujjatlari va nashrlarida asosan "jamoaviy muzokaralar" (collective bargaining) atamasi ishlatiladi. Biroq amaliy jihatdan "jamoaviy muzokaralar" atamasidan ko'ra "ijtimoiy muloqot" (social dialogue) tushunchasi ko'proq ijtimoiy sheriklikning maqsadi va vazifalariga mos keladi [4].

Bundan tashqari, sohaning mutaxassislaridan biri M.Isayev "ijtimoiy muloqot" tushunchasiga alohida e'tibor berishni ta'kidlab, uni bandlik sohasida va ish o'rinlarida yuzaga keladigan muammolar bo'yicha qarorlar qabul qilish jarayonida xodimlar, ish beruvchilar va hukumatning ishtirokini ta'minlovchi vosita hisoblanadi, deya ta'riflaydi [5].

Shuningdek, K.Abdurahmonov fikricha, "Munosib mehnat dasturi"ning eng muhim tarkibiy qismi – bu xodimlar va ish beruvchilar vakillari tomonidan amalga oshiriladigan "ijtimoiy muloqot" hisoblanadi. Shu o'rinda, olim fikricha, mehnat munosabatlari ijtimoiy xususiyat kasb etganida, ushbu subyektlar qatoriga davlat ham qo'shiladi [6].

Huquq nazariyasiga ko'ra, "ijtimoiy sheriklik" va "ijtimoiy dialog" tushunchalari deyarli bir xil tartibda va amalda hech qanday hamkorlik va o'zaro ta'sirsiz mavjud bo'lmaydi. Shu o'rinda, muallifga ko'ra ijtimoiy sheriklikni demokratik asosda mustahkamlash va rivojlantirishda hukumatning yordami muhim ekanligini ta'kidlashimiz o'rinlidir.

Shuningdek, XMT ta'rifi ko'ra, "ijtimoiy muloqot o'zaro manfaatli masalalar bo'yicha hukumat vakillari va ijtimoiy sheriklik taraflari o'rtasida har qanday muzokaralar, maslahatlashuvlar va ma'lumot almashishni anglatadi. Ushbu ta'rifdan kelib chiqib, tadqiqotchi "ijtimoiy muloqot" atamasini muayyan muammoni hal qilishda barcha manfaatdor kuchlarning o'zaro ta'siri sifatida yanada kengroq tushunish mumkinligini e'tirof etadi.

Shu bilan birga, bir qator tadqiqotchilar fikricha ijtimoiy sheriklikning maqsadi murosali yechimlarni topish va shaxsiy hamda jamoaviy manfaatlarni muvofiqlashtirishdan iborat bo'lishi kerak. Bu maqsadga ijtimoiy muloqotning asosiy shakllari orqali erishiladi. Bular quyidagilardan iborat:

tomonlarning pozitsiyalarini aniqlash va o'zaro yaqinlashtirish jarayoni;
o'zaro kelishuvlarga erishish;

xodimlar, ish beruvchilar, davlat ijro etuvchi hokimiyati va mahalliy o'zini o'zi boshqarish organlari vakillari tomonidan kelishilgan qarorlar qabul qilish [7].

Muallif ushbu qatorga ijtimoiy sheriklik subyektlari tomonidan qabul qilingan qarorlar ijrosini jamoatchilik sifatida nazorat qilish shaklini kiritishi mumkin. Aynan jamoatchilik nazoratining ahamiyatini yangi bosqichga olib chiqish va jamoatchilik nazorati subyektlari vakolatlarini kengaytirish orqali jamoaviy muzokaralar ahamiyatini ijtimoiy sheriklik darajalarida oshirishga erishish mumkin, deb hisoblaymiz.

Bundan tashqari, ijtimoiy va fuqarolik muloqotini solishtirganda, odatda ijtimoiy muloqot muzokara shakli sifatida taqdim etiladi, ya'ni manfaatlari va afzalliklari bir-biridan farq qiladigan tomonlar o'rtasidagi to'qnashuv sifatida qaraladi. Har bir tomon boshqalarning hisobiga bo'lsa-da, o'z manfaatlarini maksimal darajada ro'yobga chiqarishga intiladi. Dunlopning tahliliga ko'ra, bu "Sanoat munosabatlari tizimi" (a system of industrial relations) bilan mos tushadi, bu tizimda uchta ijtimoiy kuch — ishchilar vakillari, ish beruvchilar va davlat mavjud. Shunday qilib, shaxslar o'rtasidagi bozor tamoyillariga asoslangan raqobat tizimi o'rniga, davlat hakamligida olib boriladigan Dunlop qarashlaridagi ijtimoiy sinflar o'rtasidagi kurash vujudga keladi.

Bu yerda asosiy muhokama mavzulari ikkita bo'lib, bular ish haqi va ish vaqti hisoblanadi. Ular ko'pincha ishchilar tomonidan o'tkaziladigan ish tashlashlar bilan birga keladigan yoki kelishi mumkin bo'lgan ziddiyatlar bilan kechadi [8].

Fikrimizcha, shu kabi ziddiyatlarning oldini olish maqsadida jamoaviy muzokaralar barcha ijtimoiy sheriklik darajalarida tashkil etilishi zarur.

Mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikni ijtimoiy totuvlikning mutlaq shakli sifatida tushunish to'g'ri emas. Uning mohiyati ijtimoiy-mehnat munosabatlarida kelib chiqadigan nizolarni oldini olish va hal qilish, tomonlarning o'zaro murosaga kelishini ta'minlashdir. Umuman mehnat munosabatlarini nizolarsiz tasavvur etib bo'lmaydi, chunki ular har qanday rivojlanishning harakatlantiruvchi kuchidir. Mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikni huquqiy tartibga solishdan ko'zlangan asosiy maqsadlardan biri aynan jamoaviy mehnat nizolarini sudgacha hal etish va bu tizimni yangicha yondashuvlarni joriy etishdan iborat.

Xorij tajribasidan kelib chiqqan holda aytishimiz mumkinki, jamoaviy muzokaralardan ko'zlangan asosiy maqsad bu ijtimoiy-mehnat nizolarining oldini olish, ya'ni bunday nizolar yuzaga kelishidan oldin samarali muloqot o'tkazish vositasida ijtimoiy sheriklik taraflari o'rtasidagi munosabatlarni yangi bosqichlarga olib chiqish hisoblanadi. M.Lushnikova bunday nizolarni hal qilish mexanizmini ikki guruh vositalar orqali amalga oshirish lozimligini ta'kidlaydi [9]:

moddiy-huquqiy vositalar (o'zini-o'zi himoya qilish, sudgacha hal qilish);
protsessual vositalar (vakolatli organlar orqali).

*Birinchi*dan, moddiy-huquqiy vositalar bu — nizolarni davlat yoki vositachilik orqali hal etuvchi organlarga murojaat qilmasdan, o'zaro kelishuv (yarashtiruv komissiyasi, mediatsiya, mehnat arbitraji) asosida sudgacha bartaraf etish shakllari sanaladi.

*Ikkinchi*dan, protsessual vositalar esa vakolatli organlar tomonidan nizoni ko'rib chiqish orqali qo'llaniladi va ular moddiy vositalar orqali murosaga erishishning imkoni bo'lmaganda ishga tushadi.

Muallifning fikriga ko'ra, bugungi kunda O'zbekiston mehnat qonunchiligining maqsadi ham nizolarni sudgacha hal qilish mexanizmlari va vositalarini yanada rivojlantirish hamda sohani yangicha ko'rinishga keltirish hisoblanadi. Misol uchun, O'zbekiston Respublikasining 2025-yil 20-oktabrdagi O'RQ-1089-sonli Qonuniga asosan "Mediatsiya to'g'risida"gi O'RQ-482-sonli Qonuniga kiritilgan o'zgartirishlar fikrimizni isbotlaydi [10].

Shu bilan birga, A.Zaytsev fikriga ko'ra ijtimoiy-mehnat nizolariga xos bo'lgan quyidagi zaruriy belgi va xususiyatlar mavjud: kamida ikki tomonning nizoda ishtiroki, ishtirokchilarning qarama-qarshi pozitsiyalari, resurslar tanqisligi, foyda olish uchun harakat, tanqis bo'lgan resursga kuch bilan egalik qilishga intilish [11].

Jamoaviy mehnat nizosi esa barcha yuqoridagi belgilarni o'zida mujassam etgan: ikkita tomon ishtirok etadi (xodimlar jamoasi va ish beruvchi); qarama-qarshi pozitsiyalar mavjud (xodimlar maoshni oshirishni xohlaydi, ish beruvchi esa foydani ko'paytirishga intiladi); talablar cheklangan resurslar, ayniqsa, foyda ustidan nizoni keltirib chiqaradi, chunki bu foyda hamma uchun yetarli bo'lishi kerak; tomonlar bir-biriga qarama-qarshi harakatlar qiladi; xodimlar ishni to'xtatish orqali, ya'ni kuch vositasida, ushbu tanqis resurs ustidan nazoratga erishishga urinadi.

Bundan tashqari, K.Georg fikricha jamoaviy muzokaralar erkin o'tkazilsagina samarali natija ko'rsatishi mumkin. Bu quyidagilarni nazarda tutadi:

- a) kelishuvga erishish uchun harakat qilish;
- b) haqiqiy va konstruktiv muzokaralar olib borish;
- c) asossiz kechikishlarning oldini olish;
- d) tuzilgan shartnomalarni hurmat qilish va ularni vijdonan qo'llash;
- e) tomonlar muhokama qilishlari va jamoaviy kelishuvga erishishlari uchun yetarli vaqt berish

[12].

Ayrim tadqiqotchilarga ko'ra, so'nggi 40 yil davomida jamoaviy muzokaralar o'tkazish tizimi zaiflashdi [13]. Kasaba uyushmalariga a'zolik darajasining barqaror ravishda pasayishi, mehnat munosabatlarining tobora shaxsiy tus olishi, va jamoaviy muzokaralarning markazlashgan shaklidan voz kechishga qaratilgan siyosiy islohotlar mavjud tizimni jiddiy sinovdan o'tkazdi.

Shaxsiy muzokaralar jamoaviy muzokaralarga haqiqiy alternativ bo'la olmaydi, chunki faqatgina oz sonli xodimlar (yuqori malakaga ega bo'lgan) o'z mehnat shartlarini ish beruvchi bilan mustaqil muzokara qilishga qodir. Jamoaviy muzokaralar yetarlicha ishlamayotgan sharoitda mamlakatlar ikki yo'l orasida tanlovga duch keladilar:

*Birinchi*dan, umuman muzokara mexanizmlarining yo'qligi (ayniqsa, ayrim ish beruvchilarda monopoliya kuchi mavjud bo'lsa, bu xavfli holatga aylanishi mumkin);

*Ikkinchi*dan, davlat tomonidan qat'iy (ma'muriy buyruqbozlik yo'li bilan) tartibga solish (bu esa manfaatlar xilma-xilligini to'liq hisobga olmagan bo'lishi mumkin).

Shunga qaramay, an'anaviy mehnat munosabatlari institutlariga bosim ortib borayotgan bir paytda, xodimlar va ish beruvchilar manfaatlari o'rtasidagi nizolarni bartaraf etish va muvozanatga erishish uchun jamoaviy muzokaralar kabi samarali mexanizmlarga ehtiyoj kamaymaydi.

Xususan, xodimlar nuqtayi nazaridan, jamoaviy muzokaralar quyidagi asosiy maqsadlarga xizmat qiladi:

inklyuziv funksiya – ta'lim, texnologiya va ishlab chiqarishdagi o'sishdan kelib chiqadigan foydalarni adolatli taqsimlashni ta'minlash;

nizolarni boshqarish funksiyasi – ijtimoiy barqarorlikni, ya'ni mehnat intizomini saqlash;

himoya funksiyasi – mehnat shart-sharoitlarini yetarli darajada kafolatlash.

Mutaxassislar fikricha, ko'p hollarda jamoaviy muzokaralar asosan ish haqi darajasini belgilovchi institut sifatida ko'riladi. Ammo, bu muzokaralar mehnat sharoitining boshqa jihatlarini belgilashda ham muhim rol o'ynaydi: masalan, ish joyida xavfsizlik va sog'liqni saqlash, ish vaqti tartibi, ish bilan ta'minlanish barqarorligi, malaka oshirish imkoniyatlari kabi [14].

Shu bilan birga, jamoaviy muzokaralar ish haqi tengsizligi va daromadlar tafovutiga ham ta'sir ko'rsatishi mumkin. Bunda, nafaqat ish bilan ta'minlanishga, balki korxonada miqyosida rahbariyatning ish haqi siyosatiga ham, butun mamlakat darajasida soliqlar va ijtimoiy to'lovlar tizimida ham aks etishi mumkin.

Yana bir muhim jihat shundaki, jamoaviy muzokaralar xodim va ish beruvchi o'rtasidagi o'zaro munosabatlar sifatini oshirishi mumkin. Bu o'zaro o'zini-o'zi tartibga solish vositasi bo'lib, mehnat munosabatlarida barqarorlik, resurslardan samarali foydalanish, xodimlarning yuqori motivatsiyasi va oxir-oqibat mehnat unumdorligi oshishiga olib keladi.

Bundan tashqari, jamoaviy muzokaralar shuningdek bozorni nazorat qilish vositasi bo'lishi mumkin. Jamoaviy muzokaralar ba'zi hollarda bozordagi muvaffaqiyatsizliklarni yaxshilashga ham yordam beradi.

Mazkur nazariy yondashuvni to'liq tasdiqlovchi empirik dalillar yetarli darajada shakllanmagan. Xususan, Kanadada olib borilgan ilmiy tadqiqotlar natijalari kasaba uyushmalariga a'zolikning ish haqi darajasiga ta'siri turli ijtimoiy-demografik guruhlar kesimida differensial xarakterga ega ekanligini ko'rsatadi. Jumladan, kasaba uyushmalariga xos bo'lgan "ish haqi ustunligi" fenomeni ayollar, tub aholi vakillari, nostandart bandlik shaklida faoliyat yurituvchi xodimlar, yoshlar hamda yangi muhojirlar uchun nisbatan yuqori darajada namoyon bo'ladi.

Shu bilan birga, oxirgi yigirma yil davomida umumiy ish haqi ustunligining pasayish tendensiyasi kuzatilgan bo'lsa-da, aynan yuqorida qayd etilgan ijtimoiy guruhlar uchun ushbu ustunlikning saqlanib qolishi va hatto ortib borishi qayd etilgan. Mazkur holat kasaba uyushmalarining jamoaviy muzokaralar yoki umumiy qilib aytganda ijtimoiy sheriklikni amalga oshirish orqali jamiyatdagi ijtimoiy tengsizlikni yumshatishda muhim institutsional ahamiyatga ega ekanligini tasdiqlaydi [15].

XMT ushbu tashabbuslarni qo'llab-quvvatlashda faol ishtirok etmoqda. Ba'zi mamlakatlarda XMT milliy ijtimoiy sheriklik siyosati va dasturlarini ishlab chiqishda yordam beradi, hukumatlarga ishchilar xavfsizligini yaxshilashga qaratilgan sa'y-harakatlarni muvofiqlashtirishda ko'mak beradi. Boshqa mamlakatlarda esa XMT hukumatlar bilan yaqindan hamkorlik qilib, milliy uch tomonlama maslahat organlarini yaratishga yordam berib kelmoqda, bu esa barcha tegishli manfaatdor tomonlarga kasbiy salomatlik va xavfsizlikka doir muammolarni muhokama qilish imkonini yaratadi [16].

XMTning "Jamoaviy muzokaralarini olib borish to'g'risida"gi Konvensiyasi 2-moddasiga ko'ra jamoaviy muzokaralar ish beruvchilar hamda mehnatkashlar tashkilotlari o'rtasida olib borilishi belgilangan. Jahon tajribasida davlat boshqaruv hokimiyati ushbu muzokaralarni tashkil qilish va mavzular tanlashda ko'maklashadi. Shuningdek, XMT 144-sonli Konvensiyasiga muvofiq vakolatli davlat hokimiyat organi bunday muzokaralarni ma'muriy jihatdan tartibga soladi.

Bugungi kunda mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikda o'zaro muzokaralar va komissiyalarni tashkil qilishda Mehnat kodeksining ijtimoiy sheriklikka bag'ishlangan normalari noto'g'ri

talqin qilingan holda, ijtimoiy-mehnat masalalari bo'yicha komissiyalar ishida davlat hokimiyat organlaridan vakillar ishtiroki shart ekan, deb tushunishmoqda.

Aslini olganda, mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikda davlat mehnat shartnomasi va jamoa shartnomasining taraflari o'rtasidagi huquqiy munosabatlarni tartibga solib turuvchi subyekt hisoblanib, ular o'rtasida nizo yuzaga kelgan taqdirda hakamlik vazifasini bajaradi.

Shuni e'tiborga olgan holda, Mehnat Kodeksining 62-moddasi birinchi qismiga quyidagi tahrirda o'zgartirish kiritish taklif etiladi: "*Birlamchi, hududiy, tarmoq va respublika darajasida tegishli ijtimoiy-mehnat masalalari bo'yicha komissiyalar tomonidan jamoaviy muzokaralar unda ishtirok etuvchi tomonlarning kelishuviga ko'ra ikki tomonlama yoki uch tomonlama olib boriladi*".

Shuningdek, Konvensiyaning 5-moddasida bunday muzokaralarni barcha darajalarda, jumladan korxonada darajasida ham o'tkazish mumkinligi qayd etiladi. Shu o'rinda, G.Rzayeva fikricha ushbu hujjatda joylarda faoliyat yuritadigan kasaba uyushmalari, ya'ni boshlang'ich kasaba uyushma tashkilotlarining mavjud bo'lishi nazarda tutiladi [17]. Boshlang'ich kasaba uyushmasi tashkilotining mavjud bo'lishi jamoaviy muzokaralar o'tkazishning eng muhim elementi hisoblanadi. Bugungi kunda xususiy sektorda kasaba uyushmalarining tashkil etilmasligi tashkilot (korxonada) darajasidagi jamoaviy muzokaralar o'tkazilmasdan qolib ketishiga olib kelmoqda [18].

Bundan tashqari, jamoaviy muzokaralar boshlang'ich darajada samarali tashkil etilishi uchun kasaba uyushmalarining faolligi talab etiladi. Biroq, bugungi kunda yurtimizda boshlang'ich kasaba uyushmasi tashkilotlaridan bunday tashabbus kuzatilmayapti. Natijada ijtimoiy sheriklik taraflari tarmoq va respublika darajasida o'tkaziladigan jamoaviy muzokaralarning natijalariga tayanishmoqda.

Amaldagi Mehnat kodeksining 60-moddasi birinchi qismiga ko'ra ijtimoiy sheriklikning har qanday tarafi jamoaviy muzokaralar tashabbuskori bo'lishi mumkin. Bilamizki, ijtimoiy sheriklik to'rt darajada (boshlang'ich, hududiy, tarmoq va respublika) amalga oshiriladi. Davlat, mehnat jamoasi (xodimlar vakillari) va ish beruvchi (ular vakillari) ijtimoiy sheriklikning taraflari hisoblanadi. Jamoaviy muzokaralar boshlang'ich, hududiy va tarmoq darajasida ikki tomonlama o'tkazilishi majburiy talab (MK 49-51-moddalar) bo'lib, uch tomonlama jamoaviy muzokaralar o'tkazilishi taraflar ixtiyorida va shart-sharoitdan kelib chiqib belgilanadi.

Jamoaviy muzokaralar o'tkazishdan ko'zlangan asosiy maqsad bu jamoa shartnomasi va jamoa kelishuvini tuzish hisoblanadi. Shu o'rinda, jamoa kelishuvlari hududiy, tarmoq va respublika darajalarida tuzilishini inobatga oladigan bo'lsak, hududiy va tarmoq darajalarida davlat organlari (mahalliy davlat hokimiyati organlari (hokimliklar) va Kambag'allikni qisqartirish va bandlik vazirligi) jamoaviy muzokaralarning tashabbuskori bo'la olmaydi. Bunga sabab ushbu davlat organlari uch tomonlama muzokaralarga faqat ish beruvchilar va xodimlarning birlashmalari taklifi asosida jalb etilishi hisoblanadi.

Uch tomonlama jamoaviy muzokaralar esa faqatgina Respublika darajasida o'tkaziladi (ikki tomonlama jamoaviy muzokaralar o'tkazilishi mumkin emas). Ushbu vaziyatda Vazirlar Mahkamasi uch tomonlama muzokaralarning ishtirok etishi shart bo'lgan tarafi bo'lganligi uchun jamoaviy muzokaralar va Bosh jamoa kelishuvini tuzish tashabbuskori bo'lishi mumkin (MK 84-modda).

Shundan kelib chiqib Mehnat Kodeksining 48-moddasiga quyidagi tushunchani uchinchi qism sifatida kiritish o'rinli bo'ladi: *Ijtimoiy-mehnat masalalari bo'yicha hududiy va tarmoq komissiyalarini tashkil qilishda mahalliy davlat hokimiyati va davlat boshqaruv organlaridan vakillarni jamoaviy muzokaralarga jalb etish tavsiyaviy xususiyatga ega bo'lib, ushbu darajalarda erishilgan ikki tomonlama komissiyalarning qarorlari "uch tomonlama maslahatlashuv" tamoyiliga zid hisoblanmaydi*.

Shuningdek, Mehnat kodeksining 61-moddasiga ko'ra jamoaviy muzokaralar boshlanishi to'g'risida bildirishnoma olgan ijtimoiy sheriklik tarafi yetti kunlik muddatda tashabbuskorga jamoaviy muzokaralar o'tkazilishi haqida javob yuborgan holda jamoaviy muzokaralarga kirishishi

shart, degan qoida belgilab qo'yilgan. Ushbu norma ba'zi tushunmovchiliklarni keltirib chiqaradi. Jumladan, uch tomonlama jamoaviy muzokarlarda (hududiy va tarmoq darajasida) davlat organi hisoblanadigan mahalliy davlat hokimiyati organi yoki Kambag'allikni qisqartirish va bandlik vazirligi taklif asosida ishtirok etayotgan taraf bo'lganligi uchun ularning jamoaviy muzokaralarga belgilangan muddat qatnashishi majburiy shart bo'lmashligi kerak. Bundan tashqari, hududiy darajada ijtimoiy sheriklikni amalga oshirish jarayonida yuzaga keluvchi yana bir to'siq bu - ish beruvchilarning hududiy birlashmalari vakillarini muzokaralarga jalb etish hisoblanadi [19]. Bunday darajadagi tegishli vakillik organining mavjud emasligi jamoaviy muzokaralarning to'laqonli o'tkazilishiga to'siq bo'lmoqda.

Bundan tashqari, E.Sokolov kasaba uyushmalari faoliyatiga faqat tashkilot darajasida emas, balki sohaviy va hududiy darajada amalga oshirgan ishlariga qarab baho berish maqsadga muvofiq deb hisoblaydi. Chunki aynan shu darajada qabul qilingan barcha normativ-huquqiy va boshqa lokal hujjatlar barcha tashkilot va korxonalariga, hatto kasaba uyushmalari tashkil qilinmagan korxonalariga nisbatan ham tatbiq qilinadi. Olim mehnat jarayonida ish beruvchi xodimlarning mehnatga oid huquq, kafolatlar va boshqa manfaatlariga u yoki bu darajada taalluqli masalalarni bir o'zi hal qila olmasligi kerak, degan xulosaga keladi [20].

Yuqoridagilardan kelib chiqqan holda, Mehnat kodeksining 61-moddasiga ikkinchi qism sifatida quyidagi qo'shimcha kiritilishi lozim: *Jamoaviy muzokaralar hududiy va tarmoq darajalarida uch tomonlama o'tkazilishi haqida qaror qabul qilingan hollarda, mahalliy davlat hokimiyati organi yoki Kambag'allikni qisqartirish va bandlik vazirligining ushbu modda birinchi qismida belgilangan muddatda ijtimoiy sheriklikning boshqa taraflariga xabar bermasligi jamoaviy muzokaralarni boshlash uchun to'sqinlik qilmaydi. Tegishli davlat boshqaruv organi ijtimoiy sheriklikning boshqa taraf (lar)i tomonidan yuborilgan taklifini belgilangan muddatdan keyin qabul qilishi jamoaviy muzokaralar o'tkazilishini boshidan boshlash uchun asos bo'lmaydi.*

Shu tariqa, ixtiyoriy jamoaviy muzokaralar prinsipi nafaqat qonun hujjatlarida mustahkamlansin, balki uning amalda to'liq ro'yobga chiqishi uchun kuchli va mustaqil boshlang'ich kasaba uyushmasi tashkilotlarining rivojlanishi, muzokara jarayonida tomonlarning tengligini ta'minlash, shuningdek mehnat nizolarini samarali hal etish mexanizmlarining mavjudligi kiradi. Faqat ana shu shartlar bajarilgandagina jamoaviy muzokaralar mehnat munosabatlarini tartibga solishning ta'sirchan vositasiga aylanishi, ijtimoiy adolatga erishish hamda barqaror rivojlanishga ko'maklashishi mumkin.

Shuni ta'kidlash kerakki, jamoa muzokaralari xodimlar vakillik organining fikrini hisobga olishdan ko'ra ko'proq darajada xodimlarning qonuniy manfaatlarini himoya qilishga imkon beradi [21]. Muallif fikricha ham O'zbekistonning amaldagi mehnat qonunchiligiga e'tibor qaratiladigan bo'lsa, xodimlar va mehnat jamoalari manfaatlariga ko'proq e'tibor qaratilganligini ko'rishimiz mumkin. Masalan, xodimlar birlashmalari faoliyatini kafolatlovchi "Kasaba uyushmalari to'g'risida"gi Qonun mavjud, biroq ish beruvchilar birlashmalari va ular huquqlarini kafolatlash haqidagi qonunchilik hujjatlari mavjud emas. Shu bilan birga Mehnat kodeksida ham xodimlar vakilligiga bag'ishlangan moddalar soni beshtani (MK 42,43,44,45,47-moddalar), ish beruvchilar vakilligini tartibga soluvchi ikkita modda mavjudligini ko'rishimiz mumkin.

Shu bilan birga, ilmiy adabiyotlarda va mehnat huquqi amaliyotida birlamchi kasaba uyushmasining jamoaviy muzokaralar olib borish huquqi, odatda, ijobiy baholanadi hamda yo'llanma xodimlar manfaatlarini himoya qilishning samarali mexanizmi sifatida qaraladi. Shu bilan birga, ushbu huquqni amalga oshirishning ayrim jihatlari bo'yicha muhokamalar ham davom etmoqda.

Shunday bahsli masalalardan biri bu kasaba uyushmalarining reprezentativligi, ya'ni ular barcha xodimlarning yagona vakili sifatida jamoaviy muzokarlarda ishtirok etishga qanchalik haqli ekanligidir. Ayrim tadqiqotchilar fikricha, kasaba uyushmasiga a'zolik darajasi past bo'lgan

sharoitda uning “barcha xodimlar nomidan muzokara yuritish legitimligi” shubha ostiga olinishi mumkin [22].

Bunga javoban bir qator takliflar ilgari surilmoqda. Jumladan, ayrim davlatlar tajribasiga o'xshash minimal representativlik mezonlarini joriy etish taklif etiladi. Masalan, Fransiyada jamoaviy muzokaralar faqat xodimlar o'rtasidagi saylovlarda kamida 10 % ovoz olgan kasaba uyushmalari tomonidan amalga oshiriladi.

Shuningdek, Fransiyada (Code du travail, L.2242-1 va keyingi moddalar) jamoaviy muzokaralar tashkilotda vakillik huquqiga ega kasaba uyushmasi mavjud bo'lganda majburiy hisoblanadi. Bu fransuz modelining xususiyatidir. U yuqori darajada formallashtirilgan va kasaba uyushmalari ishtiroki korporativ boshqaruv tizimiga institutsional ravishda integratsiya qilingan [23].

Mazkur mexanizmlar jamoaviy muzokaralar jarayonida kasaba uyushmalarining vakillik maqomini kuchaytirish, mehnat jamoalarida qaror qabul qilishning demokratikligini oshirish hamda jamoaviy shartnomalarning xodimlar manfaatlariga muvofiqligini ta'minlashga qaratilgan usul hisoblanadi.

Boshqa tadqiqotchilar fikricha, birlamchi kasaba uyushma tashkilotining xodimlar huquqlarini sud orqali himoya qilishdagi haddan tashqari faolligi samarasiz va hatto aks ta'sir ko'rsatishi mumkin. Chunki, kasaba uyushmalari sud jarayonlarida faol ishtirok etishga intilar ekan, ular o'zlarining asosiy funksiyasi hisoblanmish xodimlar manfaatlarini kollektiv muzokaralar va ijtimoiy sheriklik orqali himoya qilish vazifasidan chalg'ib qolish ehtimoli ham mavjud ekanligini tan olish zarur [24].

XMT 154-sonli Konvensiyasining (“Jamoaviy muzokaralar to'g'risida”, 1981-yil) 5-moddasi ikkinchi qismi e kichik bandida aytilishicha: Mehnat nizolarini hal etish bo'yicha organlar va tartib-qoidalar jamoa muzokaralari olib borishga ko'maklashishini ko'zlagan holda ta'sis etilgan bo'lishi zarur [25].

Shu o'rinda jamoaviy muzokaralarni o'tkazishning asosiy maqsadi mehnat nizolarini hal etish bo'lishi kerak [26].

Yuqoridagi fikrni qo'llab-quvvatlagan holda, Konvensiyaning 4-moddasiga ko'ra, ishtirokchi davlatlar “mamlakat sharoitlariga muvofiq choralar ko'rib, ish beruvchilar yoki ish beruvchilar tashkilotlari bilan xodimlar tashkilotlari o'rtasida ixtiyoriy muzokaralar tartib-taomillarini to'liq rivojlantirish va qo'llashni rag'batlantirish hamda qo'llab-quvvatlash” majburiyatini oladi. Bunda mehnat sharoitlarini kollektiv (jamoaviy) shartnomalar orqali tartibga solish asosiy maqsad sifatida belgilangan.

Har bir mamlakatning qonun chiqaruvchi organi mehnat qonunchiligida imperativ normalarni belgilab qo'yish orqali ish beruvchilar va xodimlar o'rtasidagi minimal va maksimal mehnat sharoitlarini ta'minlashga intiladi. Mustaqil mehnat qilish huquqini beruvchi yosh, eng kam ish haqi, og'ir mehnat sharoitlaridagi ish vaqtining cheklanishi, majburiy mehnatning taqiqlanishi va boshqa shu kabi masalalar hukumat tomonidan o'rnatiladi va ularni o'zgartirish yoki bekor qilish faqat tegishli organ vakolatida hisoblanadi. Shu bilan birga qonun chiqaruvchi organ mehnat munosabatlarining subyektlariga qonunchilik hujjatlarida o'zlari kelishuvga ko'ra hal etishi mumkin bo'lgan masalalar va sohalarni belgilab beradi. Ijtimoiy-mehnat munosabatlarining subyektlari esa ushbu huquqdan foydalanishlari uchun jamoaviy muzokaralar o'tkazmoqlari zarur hisoblanadi. Chunki, dispozitiv normalar mazmunidan taraflar o'rtasidagi kelishuv yuzaga kelishi uchun, albatta, muayyan protsesslar (muzokara, maslahatlashuv, ijtimoiy muloqot va h.k.)dan o'tish talab etilishi anglashiladi.

Xodimlarning mehnat huquqlarini aniqlashtirish, mehnat qonunchiligi bilan nazarda tutilgan huquqlarning eng kam darajasidan afzalroq mehnat huquqlarini belgilash vakolati, korxonalar va tashkilotlarning bevosita o'zlariga berilgan bo'lib, bu huquqlar korxonalar xodimlar jamoasi va ish beruvchi o'rtasidagi muzokaralar asosidagi kelishuvlar yo'li bilan belgilanadi.

Bu borada, G.Sattarova fikricha, “ijtimoiy sheriklik tizimi” tushunchasining mazmuni quyidagilarni o‘z ichiga oladi: “Doimiy va vaqtinchalik faoliyat yurituvchi xodimlar, ish beruvchilar, ijro etuvchi hokimiyat vakillari tomonidan tuziladigan va ular o‘rtasida ijtimoiy-mehnat va unga bog‘liq bo‘lgan munosabatlarni tartibga solishning turli darajalarida (respublika, tarmoqlar, hududlar va boshlang‘ich) o‘zaro hamkorlik qiluvchi ikki yoki uch tomonlama organlar” sifatida qaraladi [27]. Muallif fikricha ham ikki va uch tomonlama komissiyalar mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikning asosi hisoblanmish jamoaviy muzokaralar o‘tkazishning eng muhim sharti hisoblanadi.

Mehnat kodeksining 62-moddasiga ko‘ra jamoa kelishuvlari, jamoa shartnomasi loyihalarini, ularga o‘zgartirish va qo‘shimchalar kiritish to‘g‘risidagi loyihalarni, jamoa kelishuvlarini va jamoa shartnomasini bajarish haqidagi qarorlar loyihalarini, shuningdek jamoaviy muzokaralar predmeti bo‘lgan boshqa qarorlar loyihalarini tayyorlash uchun jamoaviy muzokaralar o‘tkaziladi. Jamoaviy muzokaralar odatda mehnat haqidagi boshqa huquqiy hujjatlar (MK 12-modda) – jamoaviy kelishuv yoki jamoaviy shartnoma tuzilishi bilan yakunlanadi. Bu kabi lokal normativ hujjatlar ikki tomon uchun ham ma‘lum muddat davomida majburiy huquqiy kuchga ega bo‘ladi.

Shu bilan birga, yodda tutish kerakki, jamoaviy muzokaralar o‘tkazishdan ko‘zlangan asosiy maqsad bu jamoa shartnomasi va jamoa kelishuvini tuzish hisoblanadi. L.Rahimqulovaga ko‘ra, jamoa shartnomalari va kelishuvlarini qabul qilish jarayoni, ya‘ni muzokaralar davomida yuz bergan konfliktlarni hal etish yuzasidan murojaat qilish tartibi aniq belgilab qo‘yilmaganligini ta‘kidlaydi [28]. Biroq, bizning fikrimizcha ushbu tartib Mehnat kodeksining 63-moddasida (*Taraflar jamoaviy muzokaralarni qayta tiklash chog‘ida hal qila olmagan ixtiloflarni hal etishga (tartibga solishga) doir nizolar ushbu Kodeksda jamoaviy mehnat nizolarini hal etish uchun belgilangan tartibda ko‘rib chiqiladi.*) ushbu Kodeksning 34-bobi 6-paragrafiga havola qilgan holda aniq tartib-qoidalar belgilab qo‘yilmoqda.

Shu xususda, rivojlangan davlatlardan Germaniya FR davlati tajribasiga ko‘ra tarmoq darajasida qabul qilingan lokal normativ hujjatlar (tarmoq kelishuvlari) hukumat darajasida qabul qilinadigan normativ-huquqiy hujjatlar uchun asos bo‘lib xizmat qiladi. Jamoaviy muzokaralar “Ishlab chiqarishni tashkil etish to‘g‘risida”gi Qonun va “Tarif shartnomalari to‘g‘risida”gi Qonun bilan tartibga solinadi. Asosiy kelishuvlar tarmoq kasaba uyushmalari hamda ish beruvchilar uyushmalari o‘rtasida tuziladi, korxonada darajasida esa xodimlar manfaatlarini ishlab chiqarish kengashi (Betriebsrat) himoya qiladi [29].

Xususan, nemis ijtimoiy sheriklik tizimi tartibga solish darajalari (tarmoq va mahalliy)ning aniq chegaralanganligi, kasaba uyushmalarining yuqori darajada markazlashuvi va huquqiy himoyaning mustahkamligi bilan ajralib turadi.

Buyuk Britaniyada esa, aksincha, so‘nggi yillarda mehnat jamoalarining jamoaviy shartnomalar bilan qamrab olinishining kamayishi tendensiyasi kuzatilmoqda. Masalan, agar 1984-yilda xodimlarning 71 foizi jamoaviy shartnomalar bilan qamrab olingan bo‘lsa, 2020-yilga kelib bu ko‘rsatkich 25 foizga tushgan [30]. Muallifning fikricha, buning sababi so‘nggi chorakda mehnat qonunchiligining liberallasuvi, jamoaviy muzokaralarning mamlakat miqyosida umumiy o‘tkazilishi va kasaba uyushmalarining ta‘sir doirasining qisqarib borishidir.

Bundan tashqari, Shvetsiya mamlakatida uch tomonlama jamoaviy muzokara, ya‘ni, tripartizmning mafkuraviy asosini o‘z mamlakatlarida har bir fuqaro teng huquqlar va teng imkoniyatlarga ega bo‘ladigan “umumiy farovonlik davlati”ni barpo etish tashkil etadi (“Saltsjöbaden Agreement”) [31]. 1938-yilda tuzilgan mazkur kelishuv ijtimoiy sheriklikning muhim tarixiy bosqichi bo‘lib, unda ish beruvchilar va kasaba uyushmalari o‘rtasidagi munosabatlar jamoaviy muzokaralar orqali tartibga solinishi belgilangan. Skandinaviy davlatlaridagi ijtimoiy sheriklik modeli ham o‘ziga xos bo‘lib, bu haqida boshqa bir maqolamizda qayd etganmiz [32].

Shu o'ringa, V.Goroxova fikricha haddan ziyod markazlashuv mehnat munosabatlarini tartibga solishda moslashuvchanlik yetishmasligiga ham sabab bo'lishi mumkin, chunki ayrim korxonalar o'zining ishlab chiqarish, texnologik yoki iqtisodiy xususiyatlari bilan ajralib turadi. Shu sababli ilmiy adabiyotlarda "muvofiqlashtirilgan desentralizatsiya" modeli taklif etiladi: bunda umumiy qoidalar milliy yoki tarmoq darajasida belgilanadi, lekin ularni batafsil ishlab chiqish korxonada darajasida, uning o'ziga xos sharoitlari hisobga olingan holda amalga oshiriladi [33]. Yuqoridagi fikrga qo'shimcha qilgan holda, muayyan tarmoq yoki butun mamlakat miqyosida qabul qilinayotgan lokal normativ hujjatlar yuzasidan takliflar qabul qilish va keng jamoatchilik muhokamasidan o'tkazish jamoaviy muzokaralarning ahamiyati va salmog'ini oshirgan bo'lar edi.

Shu bilan birga, Ukrainada mehnat sohasidagi islohotlar yo'nalishini ish beruvchilar va kasaba uyushmalari ishtirokidagi ijtimoiy sheriklik mexanizmlaridan maksimal darajada foydalangan holda qonunchilik darajasidan shartnomaviy tartibga solish darajasiga, ayniqsa jamoaviy muzokaralarga o'tkazishni o'z ichiga oladi [34]. Mehnat qonunchiligidagi ayrim masalalarni, masalan, ish vaqti, ish haqi, ijtimoiy-iqtisodiy kafolatlar va boshqa taraflar kelishuvi bilan amalga oshirish mumkin bo'lgan qoidalarni jamoaviy muzokaralar orqali shartnomaviy tartibga solish yaxshi samara beradi.

Bunday shartnomaviy tartibga solish vaqtida jamoaviy mehnat nizolari yuzaga kelishi tabiiy holat. L.Rahimqulova bir qator mamlakatlar (Vetnam, Armaniston, Qirg'iziston, Rossiya Federatsiyasi va b.)ning mehnat qonunchiligini o'rgangan holda jamoa kelishuvlari va jamoa shartnomalarida mehnat nizolarini hal etish tartibi belgilab qo'yilishi lozim ekanligini qayd etadi hamda O'zbekiston Respublikasi Mehnat kodeksining 67-moddasini quyidagi mazmun bilan to'ldirishni taklif etadi: "jamoa shartnomasida mehnat nizolarini oldini olish va samarali hal etish mexanizmi belgilab qo'yilishi lozim" [35]. Muallifning fikricha, ushbu qo'shimcha mazkur modda mazmunini yanada to'ldirishga xizmat qiladi.

Xalqaro tajribani tahlil qilgan holda xulosa qilib aytish mumkinki, bugungi kunda samarali jamoaviy muzokaralar o'tkazilishiga erishish uchun ijtimoiy sheriklik taraflari bir-biridan mustaqil bo'lishi, har ikki tarafning o'z pozitsiyasi mavjud bo'lishi, jamoaviy muzokaralar vaqtida "yo'q" deya olish huquqi haqiqatda mavjud bo'lishi va jamoaviy muzokaralar o'tkazish vaqtida taraflarning huquqlari va majburiyatlari qonunchilik va shartnomada aniq belgilab qo'yilishi hamda bir taraf ikkinchi tarafga ta'sir ko'rsatishga uringanida samarali tiyib turuvchi huquqiy mexanizmlar ishlashi zarur, deb hisoblaymiz.

Umumiy qilib aytganda, jamoaviy muzokaralarning iqtisodiy natijalarga ta'siri har bir mamlakatdagi tizimning o'ziga xos xususiyatlariga, mehnat bozoridagi boshqa institutlar bilan (masalan, bandlikni ta'minlash ("Aholi bandligi to'g'risida"gi Qonun) yoki eng kam ish haqini belgilash (MK 245-modda birinchi qismi)) qanday o'zaro ta'sirda bo'lishiga, shuningdek makroiqtisodiy sharoit va ijtimoiy siyosatga bog'liq bo'ladi.

Jamoaviy muzokaralar inklyuzivlik (hammani qamrab olish) va moslashuvchanlik o'rtasidagi muvozanatni inobatga olgan holda va asosiy mehnat huquqlari hamda muzokaradagi kuchlar tengligi kafolatlangan muhitda olib borilsa, demografik va texnologik o'zgarishlarga moslashishda kelgusida tashkilot va korxonalar yordam beradi.

IQTIBOSLAR/ЧОККИ/REFERENCES:

1. Shaw O. The Role of Labor Unions in Shaping Industrial Economies in the 19th Century. – Historia Magna, 2025. <https://books.apple.com/fr/book/the-role-of-labor-unions-in-shaping-industrial/id6744837769>
2. XMTning "Jamoa muzokaralarini olib borish to'g'risida"gi Konvensiyasi. <https://lex.uz/docs/-2686227>.
3. Рзаева Гузалья Тургунбаевна. «Совершенствование деятельности первичных профессиональных союзов в организациях». Диссертация. Ташкент: – 2025 г. С-127.

4. Viktor Protsevsky. "Social partnership acts as a legal form for implementing the results of social dialogue". Faculty of Law, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University 29, Alchevskiyh (Artema) Str., Kharkiv, Ukraine, e-mail: muza.ok@ukr.net. P-54. https://fmv.euba.sk/www_write/files/dokumenty/vedavyskum/almanach/almanach_4_2018.pdf?utm_source=chatgpt.com.
5. Isayev M.N. O'zbekiston kasaba uyushmalari Federatsiyasi mehnatkashlarning ijtimoiy-iqtisodiy manfaatlarini himoya qilish bo'limi mudiri, texnika fanlari nomzodi. "Mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklik asoslari". "Zarvaraq" nashriyoti. Toshkent. 2021. <https://kasaba.uz/>.
6. Kalandar Abdurahmonov. Mehnat iqtisodiyoti: Nazariya va amaliyot / Darslik. Qayta ishlangan va to'ldirilgan 3-nashri. T.: O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi "Fan" nashriyoti davlat korxonasi, T.: 2019.-469 b.
7. TIKHOMIROV, YU. A. - RAFALYUK, E. E. - KHLUDENEVA, N. I. (2015): Legal models and reality, p. 18 32, 85-98.
8. Didry, Claude & Jobert, Annette. (2011). Social Dialogue and Deliberation: a New Dimension in European Industrial Relations. https://shs.hal.science/halshs-00601846/file/Didry_et_Jobert_Social_dialogue_and_deliberation-final-1.pdf
9. Лушникова М. Государство, работодатели и работники. С. 145.
10. O'zbekiston Respublikasining 2025-yil 20-oktabrdagi "O'zbekiston Respublikasining ayrim qonun hujjatlariga o'zgartishlar kiritish to'g'risida" O'RQ-1089-sonli Qonuni. <https://lex.uz/ru/docs/-7775310>.
11. Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере труда: формирование и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации: Диссертация. - Омск, 2004. <https://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-partnerstvo-v-sfere-truda-standovlenie-i-perspektivy-razvitiya-pravovogo-regulirov>
12. K.Georg. "The Labour Principles." (2016). <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-10/International%20Journal%20of%20Labour%20Research%202025%20Full%20report.pdf>
13. KISELEV, I. YA. (1995): International legal regulation of labor (international labor standards), p. 76.
14. <https://www.oecd.org/en/topics/collective-bargaining-and-social-dialogue.html> .
15. OECD (2019), Negotiating Our Way Up: Collective Bargaining in a Changing World of Work, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/1fd2da34-en>.
16. Takala, Jukka & G, Albracht & P, Baichoo & I, Christensen & Caborn, Joannah & I, Fedotov & V, Forastieri & M, Gifford & Gold, David & Husberg, Wiking & T, Kawakami & W, Kim & A, Lopez-Valcarcel & M, Machida & Muchiri, Franci & M, Nahmias & S, Niu & A, Rice & B, Treichel & Watfa, Nawras. (2005). ILO Introductory Report: Decent Work - Safe Work.
17. Рзаева Гузалья Тургунбаевна. «Совершенствование деятельности первичных профессиональных союзов в организациях». Диссертация. Ташкент: – 2025 г. С-25.
18. ABDUG'AFFOROV J. (2025). JAMOA SHARTNOMASI – IJTIMOYIY SHERIKLIKNI ASOSIY HUJJATI SIFATIDA. YURIST AXBOROTNOMASI, 8(6), 103–111. Retrieved from <https://yuristjournal.uz/index.php/lawyer-herald/article/view/1166>.
19. O'zbekiston kasaba uyushmalari Federatsiyasining mehnatkashlarning ijtimoiy-iqtisodiy manfaatlarini himoya qilish bo'limi mudiri M.Isayev bilan o'tkazilgan intervyu stenogrammasi. 2025-yil.
20. E.A.Sokolov. Mehnat va huquqi yoki korxonalar xodimlari o'z mehnat huquqi va kafolatlarini qanday himoya qilishi kerak: Aholi uchun yuridik qo'llanma/ -T.: "Turon-Iqbol", 2009.-455-bet.
21. B.Ch.Yarashev. Mehnat munosabatlarini lokal huquqiy tartibga solish: Dissertatsiya...y.f.f.d. – T. 2022. B–57.
22. Рзаева Гузалья Тургунбаевна. «Совершенствование деятельности первичных профессиональных союзов в организациях». Диссертация. Ташкент: – 2025 г. С-77.
23. Fransiya Mehnat kodeksi (Code du travail) <https://www.legifrance.gouv.fr/>.
24. Рзаева Гузалья Тургунбаевна. «Совершенствование деятельности первичных профессиональных союзов в организациях». Диссертация. Ташкент: – 2025 г. С-61.
25. Xalqaro Mehnat Tashkilotining "Jamoaviy muzokaralar to'g'risida"gi 1981-yildagi 154-sonli Konvensiyasi. . <https://lex.uz/docs/-2736522>.
26. B.Ch.Yarashev. Mehnat munosabatlarini lokal huquqiy tartibga solish: Dissertatsiya...y.f.f.d. – T. 2022. B–45.
27. Г.Ж.Саттарова.. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений в Республике Узбекистан: автореф...дис...юр.фан.бўй.фал.док. – Т. 2009. <https://labourlaw.uz/wp-content/uploads/2023/07/Sattarova-avtorf-2-26.pdf>
28. L.Rahimqulova. "Jamoaviy mehnat nizolarini ko'rib chiqish va hal etishni huquqiy tartibga solish". Dissertatsiya. Toshkent. 2026 yil. 230-b.
29. <https://www.gesetze-im-internet.de/betrvlg/>.
30. Collective Bargaining in the UK: The Key to 'Levelling Up' https://unions21.org/ideas/all-ideas/collective-bargaining-in-the-uk-the-key-to-levelling-up?utm_source=chatgpt.com .

31. Elvander N. The Swedish Bargaining System // European Journal of Industrial Relations. – 2002. – Vol. 8, No. 2. – P. 197–216.
32. Mehnat sohasidagi ijtimoiy sheriklikning mohiyati. (2025). Jamiyat va innovatsiyalar, 6 (6 / S), 335-342. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss6/S-pp335-342>.
33. Горохова Виктория Борисовна (2019). Регулирование социально-трудовых отношений в Швеции. Экономика труда, 6 (1), 59.
34. Melnychuk, N. O., Kulachok-Titova, L. V., Sevryukov, D. H., Ostapenko, Y. O., & Shkoda, V. M. (2022). Conceptual principles of international cooperation in labour relations. Work Organisation, Labour & Globalisation, 16(2), 158–172. <https://www.jstor.org/stable/48691519>.
35. L.Rahimqulova. “Jamoaviy mehnat nizolarini ko‘rib chiqish va hal etishni huquqiy tartibga solish”. Dissertatsiya. Toshkent. 2026 yil. 230-b.

РАХИМБЕРГАНОВ Хасанбой Давлатназарович
Старший научный исследователь Научного центра
факультета межатраслевого изучения права
Ташкентского государственного юридического
университета, доктор юридических наук (Doctor of Laws)
E-mail: xasanboy.rahimberganov@gmail.com

ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ С ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМ СОСТАВОМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ОПЫТ ЯПОНИИ

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):
РАХИМБЕРГАНОВ Х.Д. Основания заключения срочных трудовых договоров с профессорско-преподавательским составом в высших учебных заведениях: опыт Японии // *Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald.* № 2 (2026) С. 87-96.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-009>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены правовые основания заключения срочных трудовых договоров в университетах Японии с акцентом на особенности их применения в отношении преподавателей и исследователей. Выяснено, что японская модель регулирования строится на сочетании общего механизма перехода на бессрочный трудовой договор по истечении определённого совокупного срока и специальных исключений, установленных для отдельных категорий работников высшей школы и научной сферы. Охарактеризованы нормативные положения, регулирующие предельный срок срочных трудовых договоров, условия возникновения права на бессрочный переход, а также особенности правового режима, распространяемого на преподавателей и исследователей высших учебных заведений. Установлено, что специальные исключения, введённые в целях учета проектного характера научной деятельности и кадровой мобильности университетов, одновременно создают риск расширения нестабильной занятости в академической среде. Оценено влияние практики использования обновляемых лимитов и иных кадровых конструкций на эффективность механизма бессрочного перехода. Сделан вывод о том, что значение японского опыта для Узбекистана состоит не в механическом заимствовании отдельных норм, а в учете выработанных подходов к разграничению допустимой срочной занятости и злоупотребления ею. Обоснована необходимость более четкого определения оснований срочного найма научных работников, а также усиления гарантий против обхода стабильных трудовых отношений в условиях развития исследовательских центров и проектной занятости.

Ключевые слова: срочные трудовые договоры, профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, научные исследователи, бессрочный трудовой договор, академическая занятость, проектная форма занятости.

RAXIMBERGANOV Xasanboy Davlatnazarovich

Toshkent davlat yuridik universiteti
Huquqni sohalararo o'rganish fakulteti
Tadqiqot markazining katta ilmiy xodimi
yuridik fanlar doktori (Doctor of Laws)
E-mail: xasanboy.rahimberganov@gmail.com

OLIV TA'LIM MUASSASALARIDA PROFESSOR-O'QITUVCHILAR TARKIBI BILAN MUDDATLI MEHNAT SHARTNOMALARINI TUZISH ASOSLARI: YAPONIYA TAJRIBASI

ANNOTATSIYA

Maqolada Yaponiyadagi universitetlarda muddatli mehnat shartnomalarini tuzishning huquqiy asoslari professor-o'qituvchilar va tadqiqotchilarga nisbatan qo'llanish xususiyatlariga alohida e'tibor qaratgan holda ko'rib chiqilgan. Aniqlanishicha, Yaponiyada huquqiy tartibga solish modeli ma'lum umumiy muddat tugaganidan so'ng muddatsiz mehnat shartnomasiga o'tishning umumiy mexanizmi hamda oliy ta'lim va ilmiy sohaning ayrim toifadagi xodimlari uchun belgilangan maxsus istisnolar uyg'unligiga asoslanadi. Muddatli mehnat shartnomalarining eng yuqori muddati, muddatsiz mehnat shartnomasiga o'tish huquqining yuzaga kelish shartlari, shuningdek oliy ta'lim muassasalari professor-o'qituvchilari va tadqiqotchilariga tatbiq etiladigan maxsus huquqiy rejimning o'ziga xos jihatlari tartibga soluvchi normativ qoidalar tavsiflangan. ilmiy faoliyatning loyihaviy xususiyati va universitetlar kadrlar harakatchanligini hisobga olish uchun joriy etilgan maxsus istisnolar shu bilan birga akademik muhitda beqaror bandlikning kengayish xavfini ham yuzaga keltirishi aniqlangan. Yangilanadigan cheklovlar va boshqa kadrlar konstruksiyalaridan foydalanish amaliyotining muddatsiz shartnomaga o'tish mexanizmi samaradorligiga ta'siri baholangan. Yapon tajribasining O'zbekiston uchun ahamiyati alohida normalarni mexanik ravishda o'zlashtirishda emas, balki muddatli bandlikdan asosli foydalanish bilan undan suiiste'mol qilish holatlarini ajratishga oid ishlab chiqilgan yondashuvlarni inobatga olishda ekanligi haqida xulosa qilingan. Ilmiy xodimlarni muddatli asosda ishga qabul qilish mezonlarini yanada aniq belgilash, shuningdek tadqiqot markazlari va loyiha bandligi rivojlanayotgan sharoitda barqaror mehnat munosabatlarini chetlab o'tishga qarshi kafolatlarni kuchaytirish zarurati asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: muddatli mehnat shartnomalari, oliy ta'lim muassasalari professor-o'qituvchilari, ilmiy tadqiqotchilar, muddatsiz mehnat shartnomasi, akademik bandlik, loyihaviy bandlik shakli.

KHASANBOY Rakhimberganov

Senior Researcher of the Research Center of the
Faculty of Interdisciplinary Legal Studies of
Tashkent State University of Law, Doctor of Laws
E-mail: xasanboy.rahimberganov@gmail.com

LEGAL GROUNDS FOR FIXED-TERM EMPLOYMENT CONTRACTS OF FACULTY MEMBERS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: JAPAN'S EXPERIENCE

ANNOTATION

This article examines the legal grounds for concluding fixed-term employment contracts in Japanese universities, with particular attention to the specific features of their application to faculty members

and researchers. It is shown that the Japanese regulatory model is based on a combination of a general mechanism for conversion to an indefinite-term employment contract after a certain cumulative period and special exceptions established for particular categories of employees in higher education and research. The article characterizes the legal provisions governing the maximum duration of fixed-term employment contracts, the conditions under which the right to conversion to an indefinite-term contract arises, and the specific features of the legal regime applicable to faculty members and researchers in higher education institutions. It is established that the special exceptions introduced to consider the project-based nature of research activity and the personnel mobility of universities simultaneously create a risk of expanding precarious employment in the academic sphere. The impact of the practice of using renewable limits and other staffing arrangements on the effectiveness of the conversion mechanism is assessed. It is concluded that the significance of the Japanese experience for Uzbekistan lies not in the mechanical borrowing of individual legal norms, but in considering the developed approaches to distinguishing between legitimate use of fixed-term employment and its abusive application. The article argues for the need for a clearer definition of the legal grounds for the fixed-term employment of researchers, as well as for stronger safeguards against the misuse of fixed-term employment that undermines stable employment relations in the context of the development of research centers and project-based employment.

Key words: fixed-term employment contracts, faculty members in higher education institutions, researchers, indefinite-term employment contract, academic employment, project-based form of employment.

В Узбекистане в настоящее время осуществляются масштабные реформы. Одним из их важных направлений стало постепенное разграничение образовательной и исследовательской деятельности. Наглядным примером здесь могут служить преобразования, проводимые в Ташкентском государственном юридическом университете. Согласно Указу Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему реформированию юридического образования и науки в Республике Узбекистан» от 26 ноября 2025 года № УП-232, в целях обеспечения интеграции по модели «образование — исследование — практика» в университете была сформирована система отраслевых факультетов, в структуру которых вошли исследовательские центры. На указанные центры, в частности, возложены функции по проведению научной экспертизы проектов нормативно-правовых актов, относящихся к соответствующим направлениям, на основе фундаментальных, прикладных и инновационных исследований, а также по выработке научных решений актуальных проблем посредством реализации целевых научно-исследовательских проектов и выполнения соответствующих заказов [1]. Это позволяет сделать вывод о том, что деятельность научных работников таких центров во многих случаях будет осуществляться в рамках проектов, ограниченных определёнными сроками. Продолжительность подобных проектов может составлять один год, три года или даже пять лет.

Если обратиться к постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан от 3 декабря 2019 года № 967 «О поэтапном переводе высших образовательных учреждений на систему самофинансирования», то в нём предусмотрено внедрение практики заключения однолетних срочных трудовых договоров между высшим образовательным учреждением и профессорско-преподавательским составом [2]. Такая модель ориентирована на отбор работников, способных не только использовать современные педагогические технологии, но и осуществлять научную деятельность. В новой редакции Трудового кодекса предусматривалась возможность заключения с педагогами однолетних трудовых договоров, при условии, что законодательные акты допускают заключение срочных трудовых договоров. Однако, к сожалению, принятый в новой редакции Трудовой кодекс не закрепил за иными нормативно-правовыми актами право определять основания для заключения срочных трудовых

договоров. Несмотря на это, как Трудовой кодекс 1995 года, так и Трудовой кодекс 2022 года ясно показывают, что указанный выше нормативно-правовой акт противоречит закону [3]. Это объясняется тем, что оба кодекса предусматривают: основания для заключения срочного трудового договора, если они не закреплены в самом Кодексе, могут устанавливаться только законом, но не иными нормативными актами [3].

Таким образом, возникает практический и правовой вопрос: в какой мере проектный характер научной деятельности может служить достаточным основанием для широкого использования срочных трудовых договоров в сфере высшего образования и исследований? С одной стороны, ограниченность научных проектов по сроку объективно обуславливает потребность в гибких формах найма. С другой, чрезмерное распространение срочной занятости в академической среде способно привести к нестабильности трудовых отношений, снижению защищённости научных работников и ослаблению условий для устойчивого развития научной карьеры.

Именно в этой связи возникает необходимость обращения к опыту зарубежных стран. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть опыт Японии. Обращение к нему обусловлено не только наличием развитой университетской и исследовательской системы, но и тем, что японское трудовое право уже столкнулось с необходимостью выработки баланса между кадровой гибкостью университетов и защитой работников от злоупотреблений, связанных с длительным использованием срочных трудовых договоров. Иными словами, японский опыт важен для настоящего исследования постольку, поскольку он позволяет оценить, какие правовые механизмы могут быть использованы для разграничения оправданной срочной занятости и её чрезмерного расширения в сфере науки и высшего образования.

Реформы японского трудового законодательства в 2010-х годах были направлены на преодоление чрезмерной нестабильности срочной занятости и на защиту работников от злоупотреблений со стороны работодателей. Центральное место в этих изменениях занял механизм перехода на бессрочный трудовой договор, введённый в Закон о трудовых договорах. Его задача состояла в ограничении практики длительного использования срочных трудовых договоров.

Однако в сфере высшего образования и научных исследований этот механизм сопровождался значительным числом исключений. В результате университеты стали одной из тех сфер, где срочные трудовые договоры не просто сохранились, но и укрепили своё значение как основной инструмент найма профессорско-преподавательского состава и исследователей. Это, в свою очередь, вызвало активную научную дискуссию о допустимых границах гибкости занятости, а также о рисках, связанных с подрывом устойчивости академической карьеры и воспроизводства научных кадров.

Цель настоящей статьи состоит в анализе правового регулирования срочных трудовых договоров в университетах Японии, выявлении основных проблем их применения в отношении преподавателей и исследователей, а также в определении тех правовых подходов и гарантий, которые могут быть учтены при совершенствовании регулирования срочной занятости научных работников в Узбекистане. Методологическую основу исследования составляют нормативный и доктринальный анализ японского трудового законодательства с учётом критических оценок, содержащихся в научной литературе.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в японских университетах срочные трудовые договоры фактически стали массовым инструментом найма, прежде всего в отношении молодых исследователей и преподавателей. Государственная политика поддержки научных кадров, включая реализацию программ развития пост-докторских

исследований и расширение конкурентного финансирования, привела к увеличению числа высококвалифицированных молодых учёных. Вместе с тем для значительной части из них характерна длительная занятость в условиях нестабильных, краткосрочных и сравнительно низкооплачиваемых трудовых договоров [4, с.16].

В научной литературе Японии указывается, что подобная ситуация уже рассматривается как фактор риска для устойчивого развития академической системы Японии, поскольку снижает привлекательность научной карьеры и негативно влияет на производительность научных кадров [5, с.119]. На этом фоне в университетской среде фиксируется ухудшение условий труда и расширение практик, которые отклоняются от «нормального» трудового стандарта. К числу таких практик относятся рост доли срочных и нестабильных позиций, а также прекращение трудовых договоров до момента возникновения у работников ключевых трудовых гарантий [6, с.27]. По существу, речь идёт о необходимости поиска баланса между сохранением управляемой гибкости университетов и снижением рисков злоупотреблений, подрывающих устойчивость академической карьеры и качество научных исследований.

Правовая база срочных трудовых договоров в Японии

(а) Общие правила заключения срочных трудовых договоров

Базовые положения, регулирующие срочные трудовые договоры, содержатся в Законе о трудовых стандартах Японии. В соответствии со статьёй 14 данного закона общий срок срочного трудового договора, как правило, не может превышать трёх лет. Исключения допускаются в отношении работников, обладающих высокой профессиональной квалификацией, а также лиц в возрасте 60 лет и старше, для которых максимальный срок может быть увеличен до пяти лет [7]. Указанная норма устанавливает верхний предел продолжительности одного срочного договора и служит общей рамкой для регулирования срочной занятости в японском трудовом праве.

Вместе с тем японская модель принципиально отличается от подхода, закреплённого в трудовом законодательстве Узбекистана. В японском праве была сохранена традиционная модель, при которой само по себе заключение срочного трудового договора допускается свободно и не требует специального обоснования его целей или причин [8, с.800]. В Узбекистане, напротив, срочный трудовой договор признаётся обоснованным лишь тогда, когда он заключён с учётом случаев, предусмотренных законом.

Ключевое значение для регулирования срочных трудовых договоров имеет статья 18 Закона о трудовых договорах, закрепляющая так называемое «правило перехода на бессрочный трудовой договор». Согласно данной норме, если срочные трудовые договоры между одним работодателем и работником неоднократно продлевались, и их совокупная продолжительность превысила пять лет, работник получает право подать заявление о переводе на бессрочный трудовой договор. С момента подачи такого заявления переход считается состоявшимся [9]. В этом аспекте японское регулирование представляет интерес и для узбекского права, поскольку между ними прослеживается важное сходство: в Узбекистане также установлен пятилетний предел совокупной продолжительности срочного трудового договора до и после его продления, после превышения которого договор, по общему правилу, признаётся заключённым на неопределённый срок.

Согласно японскому законодательству для возникновения права на подачу заявления о переходе на бессрочный трудовой договор должны быть одновременно выполнены два условия: во-первых, наличие неоднократных срочных трудовых договоров с одним и тем же работодателем; во-вторых, превышение совокупного срока таких договоров пяти лет [8, с.804-805].

Указанный механизм был введён в рамках реформы трудового законодательства и применяется к срочным трудовым договорам, заключённым после 1 апреля 2013 года [10]. Как

подчёркивается в официальных разъяснениях, целью Закона о трудовых договорах является устранение неопределённости и тревожности, возникающих у работников в условиях многократного продления срочных договоров, а также исправление необоснованных различий в условиях труда, обусловленных наличием срока договора, с тем чтобы обеспечить возможность стабильной занятости работников, занятых по срочным трудовым договорам [11].

Дополнительную защиту работников обеспечивает статья 19 Закона о трудовых договорах, посвящённая проблеме непродления срочных договоров. Если у работника имелись разумные основания ожидать продления договора либо сложилась устойчивая практика его обновления, отказ в продлении без объективно разумных причин может быть признан неправомерным [9].

Кроме того, статьёй 20 Закона о трудовых договорах (в редакции, действовавшей до последующей интеграции норм о равном обращении) было установлено, что различия в условиях труда между срочными и бессрочными трудовыми договорами не должны носить необоснованный характер, что также направлено на защиту работников, занятых по срочным договорам [9]. Данный подход также демонстрирует отличие от узбекского законодательства. В японском праве акцент был сделан на недопустимости необоснованной дифференциации условий труда в зависимости от срока договора, тогда как в Узбекистане исходная гарантия выражена прежде всего в ином: срочный трудовой договор допускается лишь при наличии законных оснований, а его использование для обхода прав и гарантий работников, занятых по бессрочным договорам, прямо запрещено (часть 8 статья 111 ТК РУз). Иными словами, японская модель в большей степени регулирует последствия различия статусов срочных и бессрочных работников, тогда как узбекская — уже на стадии заключения договора устанавливает более жёсткие барьеры против необоснованного применения срочной формы занятости.

(б) Специальные исключения для преподавателей и исследователей высших учебных заведений

Введённое в результате реформы 2012 года правило бессрочного перехода, закреплённое в статье 18 Закона о трудовых договорах, предусматривало возможность перехода к бессрочной занятости при превышении совокупного срока срочных трудовых договоров пяти лет. При этом сам Закон о трудовых договорах изначально не содержал каких-либо исключений из данного правила. Однако практически сразу после его принятия в правовой плоскости началось обсуждение необходимости введения специальных исключений, прежде всего применительно к сфере высшего образования и научных исследований.

Одним из основных аргументов в пользу таких исключений стала озабоченность положением молодых исследователей. Указывалось, что при строгом применении пятилетнего порога университеты и исследовательские организации могут быть заинтересованы в прекращении срочных трудовых договоров до достижения данного срока, что способно негативно сказаться на возможностях карьерного развития и устойчивости занятости молодых научных кадров [12, с.439]. В ответ на данные опасения в 2013 году был принят Закон «О внесении изменений в Закон о сроках назначения преподавателей и иных работников высших учебных заведений и Закон о повышении исследовательского потенциала посредством реформы системы научных исследований» (так называемый *закон о специальных мерах для исследователей*) [5, с.122-123].

Указанным законом были внесены изменения в Закон о сроках назначения преподавателей и иных работников высших учебных заведений, а также в Закон о повышении исследовательского потенциала, который впоследствии был трансформирован в Закон о содействии созданию и активизации научно-технологических инноваций. В результате для определённых категорий преподавателей и исследователей был установлен специальный

десятилетний порог до возникновения права на бессрочный переход. В частности, образовательные и научные работники, занимающие должности, в отношении которых в университетских правилах заранее установлен срок назначения в соответствии с Законом о сроках назначения преподавателей, были отнесены к субъектам, для которых право на бессрочный переход возникает при превышении совокупного срока срочных договоров более десяти лет [13]. Аналогичное продление порога бессрочного перехода было предусмотрено и для научно-технических исследователей и специалистов, работающих по срочным договорам с национальными университетами и иными исследовательскими организациями [14].

Формально введение десятилетнего исключения обосновывалось, во-первых, опасениями самих представителей научного сообщества относительно последствий введения правила бессрочного перехода. После представления в марте 2012 года проекта реформы Закона о трудовых договорах в Трудовой политической совет данная проблема получила широкий общественный резонанс. В частности, указывалось, что значительная часть университетских исследований осуществляется в рамках ограниченных по времени проектов, финансируемых за счёт государственных грантов, и что преждевременное прекращение срочных договоров до завершения длительных (в том числе десятилетних) проектов может затруднить привлечение и удержание высококвалифицированных исследователей [15, с.191-193].

Во-вторых, высказывались опасения относительно негативного влияния механизма бессрочного перехода на кадровую и образовательную политику университетов. Национальная ассоциация университетов Японии в 2012–2013 годах неоднократно обращалась к органам государственной власти с предложениями о введении специальных мер для университетского сектора. В этих обращениях подчёркивалась необходимость сохранения мобильности молодых преподавателей и исследователей, а также указывалось на финансовые ограничения, связанные с сокращением базового финансирования и зависимостью университетской занятости от срочных проектных средств. Делался вывод о том, что механическое применение общего правила бессрочного перехода может, вопреки его целям, привести к росту нестабильности занятости и снижению качества образования и научных исследований [15, с.191-193].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что специальный десятилетний режим не применяется автоматически ко всем работникам университетов. Применение исключения зависит как от характера выполняемой работы, так и от правового статуса соответствующей должности. Так, в судебной практике было отмечено, что преподаватели, осуществляющие исключительно образовательную деятельность и не совмещающие её с научными исследованиями, не всегда могут быть отнесены к категории «исследователей», подпадающих под действие десятилетнего исключения. В частности, в одном из дел было отказано в применении специального режима к внештатному преподавателю иностранного языка, поскольку его деятельность была признана исключительно образовательной и не соответствующей критериям, установленным законодательством о научно-технологических инновациях [16].

Для законного установления срочного характера договора в рамках данного режима требуется, во-первых, чтобы соответствующая должность подпадала под предусмотренные законом основания (например, работа в передовых или междисциплинарных областях, выполнение конкретного проекта, должность младшего преподавателя), и, во-вторых, чтобы университет заранее утвердил и опубликовал правила о сроках назначения. В-третьих, необходимо получение согласия самого работника на применение такого режима [5, с.118-120].

Одной из ключевых проблем действующей системы регулирования срочных трудовых договоров в Японии является обход механизма бессрочного перехода посредством

договорных конструкций, в частности так называемых «обновляемых лимитов». Речь идёт о ситуациях, когда в трудовом договоре или внутренних правилах работодателя заранее фиксируется максимальный срок занятости либо предельное число продлений, по достижении которых договор прекращается независимо от фактического содержания и длительности трудовых отношений [8, с.805]. На практике известны случаи, когда университеты устанавливали правила, предусматривающие непродление срочных договоров с внештатными преподавателями по истечении пяти лет с целью предотвращения возникновения права на бессрочный переход [15, с.191].

Вместе с тем в японской доктрине и правоприменительной практике подчёркивается, что правомерность использования обновляемых лимитов не может оцениваться формально и требует комплексного анализа конкретных обстоятельств. В качестве допустимого варианта обычно рассматривается ситуация, при которой работодатель с самого начала ясно и последовательно определяет кадровую политику, предполагающую использование срочных договоров исключительно для выполнения ограниченных по времени либо сравнительно простых функций, а также в целях отбора работников с возможным последующим переводом на бессрочную занятость. Если предел продлений был чётко обозначен уже при заключении первого договора и осознанно принят работником, прекращение трудовых отношений по достижении такого предела, как правило, не расценивается как обход правила бессрочного перехода и не противоречит статьям 18 и 19 Закона о трудовых договорах [8, с.805-806].

Иная правовая оценка даётся тем случаям, когда обновляемый лимит вводится уже после многократного продления срочных договоров, которые ранее заключались без каких-либо ограничений. Если к моменту установления лимита у работника сформировались разумные ожидания продолжения занятости, отказ в продлении договора по мотиву достижения вновь установленного предельного срока может быть признан неправомерным. В подобных ситуациях от работодателя требуется не только убедительное обоснование хозяйственной необходимости введения такого лимита, но и принятие мер, способных устранить либо существенно ослабить возникшие у работника ожидания. К числу таких мер относятся предоставление полных и понятных разъяснений, а также получение свободного и осознанного письменного согласия. При отсутствии этих условий отказ в продлении договора может быть признан недействительным на основании статьи 19 Закона о трудовых договорах, а при превышении пятилетнего совокупного срока у работника возникает право на подачу заявления о переходе на бессрочный трудовой договор [8, с.805-806].

В научной литературе также отмечается, что в случаях, когда обновляемые лимиты устанавливаются в явно неестественной форме — с точки зрения времени, способа или цели их установления — и преследуют исключительно задачу воспрепятствовать реализации права на бессрочный переход, такие действия могут квалифицироваться как обход закона. В подобной ситуации речь идёт уже не о допустимом использовании института срочного трудового договора, а о злоупотреблении правом, которое подрывает саму логику механизма перехода к бессрочной занятости [15, с.196-199].

Административные критерии, разработанные Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии, также исходят из того, что наличие в трудовом договоре обновляемого лимита не может рассматриваться как самостоятельное и достаточное основание для автоматического прекращения трудовых отношений. Приоритетное значение при оценке правомерности непродления договора имеют характер выполняемой работы, степень её постоянства, фактическая практика обновлений, а также наличие у работника разумных ожиданий продолжения занятости [17]. В условиях университетов, где образовательная и исследовательская деятельность носит устойчивый и повторяющийся характер, формальное

использование обновляемых лимитов особенно часто вступает в противоречие с целями трудовой реформы.

Таким образом, японский опыт показывает, что даже при наличии формально закреплённого механизма перехода к бессрчному трудовому договору сохраняется риск его обхода через внутренние кадровые конструкции работодателя. Для целей настоящего исследования это имеет принципиальное значение, поскольку демонстрирует: одного лишь установления предельного срока срочной занятости недостаточно. Эффективность правового регулирования зависит также от того, насколько чётко законодательство и правоприменительная практика пресекают попытки формального обхода трудовых гарантий. Данный вывод представляет практический интерес и для Узбекистана, где в условиях расширения проектной занятости в научно-образовательной сфере также может возникнуть потребность в более ясном разграничении допустимого использования срочных договоров и их применения в обход гарантий стабильной занятости.

В этой связи совершенствование правового регулирования предполагает, во-первых, выстраивание сбалансированного соотношения между институциональными интересами университетов и необходимостью обеспечения надлежащей защиты трудовых прав профессорско-преподавательского состава (включая предотвращение формального обхода гарантий бессрчного перехода посредством обновляемых лимитов). Во-вторых, оно требует возвращения к исходным целям трудовой реформы, лежащей в основе правила перехода на бессрчный найм, и более строгого разграничения между общим правилом стабильной занятости и исключениями, допускающими срочный характер трудовых отношений, а также выработки более ясных критериев оценки правомерности непродления срочных трудовых договоров в академической и исследовательской сфере.

CHOSKI/IQTIBOSLAR/REFERENCES:

1. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему реформированию юридического образования и науки в Республике Узбекистан» от 26.11.2025 г. № УП-232 URL: <https://lex.uz/ru/docs/7864119> (дата обращения: 10.03.2026).
2. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining qarori «Oliy ta'lim muassasalarini bosqichma-bosqich o'zini o'zi moliyalashtirish tizimiga o'tkazish to'g'risida» 03.12.2019-yildagi 967-son URL: <https://lex.uz/ru/docs/4628440> (дата обращения: 10.03.2026)
3. Raximberganova B.D. Muddatli mehnat shartnomalarini huquqiy tartibga solishni takomillashtirish. Yuridik fanlari bo'yicha falsafa doktori ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. - T.: 2025. - B.40.
4. 浜村彰「若手の教育・研究者をめぐる労働法上の問題」日本労働研究雑誌660号（2015年）16-26頁以下（Хамамура Акира. Проблемы трудового права, связанные с положением молодых преподавателей и исследователей // Японский журнал исследований труда. 2015. № 660. 16–26 с.).
5. 和田肇「教員任期法再考—私立大学における教員任期制導入を中心に」季刊労働法290号（2025年）117-125頁（Вада Хадзимэ. Переосмысление Закона о сроках назначения преподавателей: на примере внедрения системы срочных назначений в частных университетах // Квартальный журнал трудового права. 2025. № 290. 117–125 с.).
6. 小林淑恵「若手研究者の任期制雇用の現状」日本労働研究雑誌660号（2015年）27-40頁（Кобаяси Ёсиэ. Современное состояние срочной занятости молодых исследователей // Японский журнал исследований труда. 2015. № 660. 27–40 с.).
7. Закон о трудовых стандартах Японии (労働基準法): Закон от 7 апреля 1947 г. № 49. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC0000000049> (дата обращения: 26.01.2026).
8. 菅野和夫『労働法第13版』（弘文堂、2024年）1408頁（Сугано Кадзуо. Трудовое право. 13-е изд. Токио: Kobundo, 2024. 1408 с.).
9. Закон о трудовых договорах (労働契約法): Закон от 5 декабря 2007 г. № 128. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/419AC0000000128> (дата обращения: 26.01.2026).

10. 労働契約法の改正（平成24年法律第56号関係）等「無期転換ルールについて」（厚生労働省）（О правиле перехода на бессрочный трудовой договор. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии). URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/newpage_21917.html (дата обращения: 26.01.2026).
11. 平成二十四年八月一日付け基発〇八一〇第二号「労働契約法の施行について」（厚生労働省労働基準局長発都道府県労働局長あて）（Об исполнении Закона о трудовых договорах: Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии от 10 августа 2012 г.). URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/11201250/001424377.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).
12. 水町勇一郎『詳解労働法第4版』（東京大学出版会、2025年）1624頁（Мидзумати Юитиро. Подробный комментарий к трудовому праву. 4-е изд. Токио: Изд-во Токийского университета, 2025. 1624 с.).
13. 大学の教員等の任期に関する法律第7条1項（平成九年法律第八十二号）（Закон о сроках назначения преподавателей и иных работников высших учебных заведений от 4 июня 1997 г. № 82. Часть 1 статьи 7). URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/409AC0000000082> (дата обращения: 26.01.2026).
14. 科学技術・イノベーション創出の活性化に関する法律第15条の2（平成二十年法律第六十三号）（Закон о содействии созданию и активизации научно-технологических инноваций от 6 июня 2008 г. № 63. Статья 15 прим.2). URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/420AC0100000063> (дата обращения: 26.01.2026).
15. 川田知子「近時の有期労働契約法制に対する批判的検討—労働契約法一八条の特例に焦点をあてて—」法学新報第122巻第1・2号（2017年）187-214頁（Кавада Томоко. Критический анализ современной системы правового регулирования срочных трудовых договоров: с акцентом на исключения из статьи 18 Закона о трудовых договорах // Юридический вестник. 2017. Т. 122. № 1-2. 187-214 с.). URL: <https://chuo-u.repo.nii.ac.jp/records/8124> (дата обращения: 26.01.2026).
16. 学校法人専修大学（無期転換）事件・東京高判令和4・7・6分判1273号19頁（Дело Университета Сенсю: решение Верховного суда Токио от 6 июля 2022 г. №1273).
17. О критериях заключения, обновления и прекращения срочных трудовых договоров (有期労働契約の締結、更新及び雇止めに関する基準について)/Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии. URL: <https://www.mhlw.go.jp/bunya/roudoukijun/roudoukeiyaku01/dl/14.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

ABDIHAKIMOV Samandar Salohiddin o'g'li
Toshkent davlat yuridik universiteti tayanch doktoranti
E-mail: samandarabdihakimov86@gmail.com

AYRIM FUQAROLIK SUD ISHLARINI YURITISH ISHTIROKCHILARINI ISHGA JALB QILISH YOXUD SUD MUHOKAMASIDA ISHTIROKINI TA'MINLASH BILAN BOG'LIQ PROTSESSUAL BUZILISHLARNING HUQUQIY OQIBATLARI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):
ABDIHAKIMOV S.S. Ayrim fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilarini ishga jalb qilish yoxud sud muhokamasida ishtirokini ta'minlash bilan bog'liq protsessual buzilishlarning huquqiy oqibatlari // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 97-106.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-010>

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilarining turlari sifatida ishda ishtirok etuvchi shaxslar hamda odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar tahlil qilinib, ulardan ishda ishtirok etuvchi shaxslarni ishga jalb qilish yoki ularni sud muhokamasida ishtirokini ta'minlash bilan bog'liq protsessual buzilishlar yuz berishi natijasida sud hal qiluv qarorlariga ta'sir etish doirasi hamda darajasi yoritib berilgan. Muallif tomonidan fuqarolik protsessual qonunchiligida yuqorida keltirilib o'tilgan protsessual xatoliklar hal qiluv qarorini bekor qilish yoki o'zgartirish uchun jiddiy asos sifatida qaralishi keltirilgan. Xususan, ish sud tomonidan sud muhokamasida ishtirok etish huquqiga ega bo'lgan, ammo sud majlisining vaqti va joyi to'g'risida xabardor qilinmagan shaxslarga aynan ishda ishtirok etuvchi shaxslar kirishi, shuningdek bundan boshqa shaxslar (odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar) ushbu asosni keltirib chiqarmasligi milliy va xorijiy huquqshunos olimlarning nazariy fikrlari hamda milliy, hamdo'stlik va xorijiy mamlakatlarning fuqarolik protsessual qonun hujjatlarini tahlil qilish asosida muallif tomonidan ilgari surilgan. Shuningdek, sud ishda ishtirok etishga jalb qilinmagan shaxslarning huquq va majburiyatlari to'g'risidagi masalani hal qilishi oqibatida hal qiluv qarorining bekor qilinishini tahlil qilish davomida ushbu shaxslarga o'zining subyektiv huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslarni (taraf, uchinchi shaxslar va boshqa manfaatdor shaxslar) kiritish lozim ekanligi bildirilgan. Yuqoridagi tahlillar natijasida O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksi 372⁴-moddasining tegishli bandlariga o'zgartirishlar kiritish, jumladan ushbu modda ikkinchi qismi ikkinchi bandida shaxslar doirasini aniqlashtirish va amaliyotdagi tushunmovchiliklarga barham berish maqsadida "shaxslar" tushunchasini "ishda ishtirok etuvchi shaxslar" tushunchasi bilan almashtirilishi maqsadga muvofiq ekanligi asoslantirilgan hamda umumiy nazariy xulosalar taqdim etilgan.

Kalit so'zlar: ishda ishtirok etuvchi shaxslar, odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar, birinchi instansiya, kassatsiya, taftish, hal qiluv qarori, moddiy huquq, protsessual huquq, subyektiv huquq, faktik xato.

АБДИХАКИМОВ СамандарДокторант Ташкентского государственного
юридического университетаE-mail: samandarabdihakimov86@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К РАБОТЕ ИЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ УЧАСТИЯ В СУДЕБНОМ ПРОТЕСТЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализированы лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия, как виды участников гражданского судопроизводства, освещены сфера и степень влияния на судебные решения в результате возникновения процессуальных нарушений, связанных с привлечением к участию в деле лиц, участвующих в деле, или обеспечением их участия в судебном разбирательстве. Автором приводится, что в гражданском процессуальном законодательстве вышеуказанные процессуальные ошибки рассматриваются как серьезное основание для отмены или изменения решения. В частности, на основе теоретических взглядов отечественных и зарубежных ученых-правоведов, а также анализа национального, содружества и зарубежного гражданского процессуального законодательства автором выдвинуто, что к лицам, имеющим право участвовать в судебном разбирательстве, но не извещенным судом о времени и месте судебного заседания, относятся именно лица, участвующие в деле, а также другие лица (лица, содействующие осуществлению правосудия), не влекут за собой данное основание. Также в ходе анализа отмены решения вследствие решения судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, указано, что к этим лицам следует отнести лиц, защищающих их субъективные права и интересы (стороны, третьи лица и другие заинтересованные лица). В результате вышеуказанного анализа обоснована целесообразность внесения изменений в соответствующие пункты статьи 372⁴ Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан, в частности, в целях уточнения круга лиц во втором пункте второй части данной статьи и устранения недоразумений на практике, замены понятия «лица» на понятие «лица, участвующие в деле», а также представлены общие теоретические выводы.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, лица, содействующие осуществлению правосудия, первая инстанция, кассация, ревизия, решение, материальное право, процессуальное право, субъективное право, фактическая ошибка.

SAMANDAR Abdikhakimov

PhD student at Tashkent State University of Law

E-mail: samandarabdihakimov86@gmail.com

LEGAL CONSEQUENCES OF PROCEDURAL VIOLATIONS RELATED TO THE INVOLVEMENT IN THE CASE OR ENSURING THE PARTICIPATION IN THE COURT PROCEEDINGS OF SOME PARTICIPANTS IN CIVIL PROCEEDINGS

ANNOTATION

This article analyzes the types of participants in civil proceedings as persons participating in the case and persons assisting in the administration of justice, and highlights the scope and degree of influence on

court decisions as a result of procedural violations related to the involvement of persons participating in the case or ensuring their participation in the trial. The author states that the above-mentioned procedural errors in civil procedural legislation are considered as a serious basis for the cancellation or amendment of a decision. In particular, based on the theoretical views of domestic and foreign legal scholars and the analysis of civil procedural legislation of domestic, Commonwealth and foreign countries, the author proposes that persons participating in the case, who have the right to participate in the trial by the court, but are not notified of the time and place of the court session, as well as other persons (persons assisting in the administration of justice) do not create this basis. Also, during the analysis of the cancellation of the decision as a result of the court's decision on the rights and obligations of persons not involved in the case, it was stated that it is necessary to include persons (parties, third parties, and other interested parties) who protect their subjective rights and interests in these persons. As a result of the above analysis, the expediency of amending the relevant clauses of Article 372⁴ of the Civil Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, including in the second clause of the second part of this article, in order to clarify the circle of persons and eliminate misunderstandings in practice, the replacement of the concept of "persons" with the concept of "persons participating in the case" is justified, and general theoretical conclusions are presented.

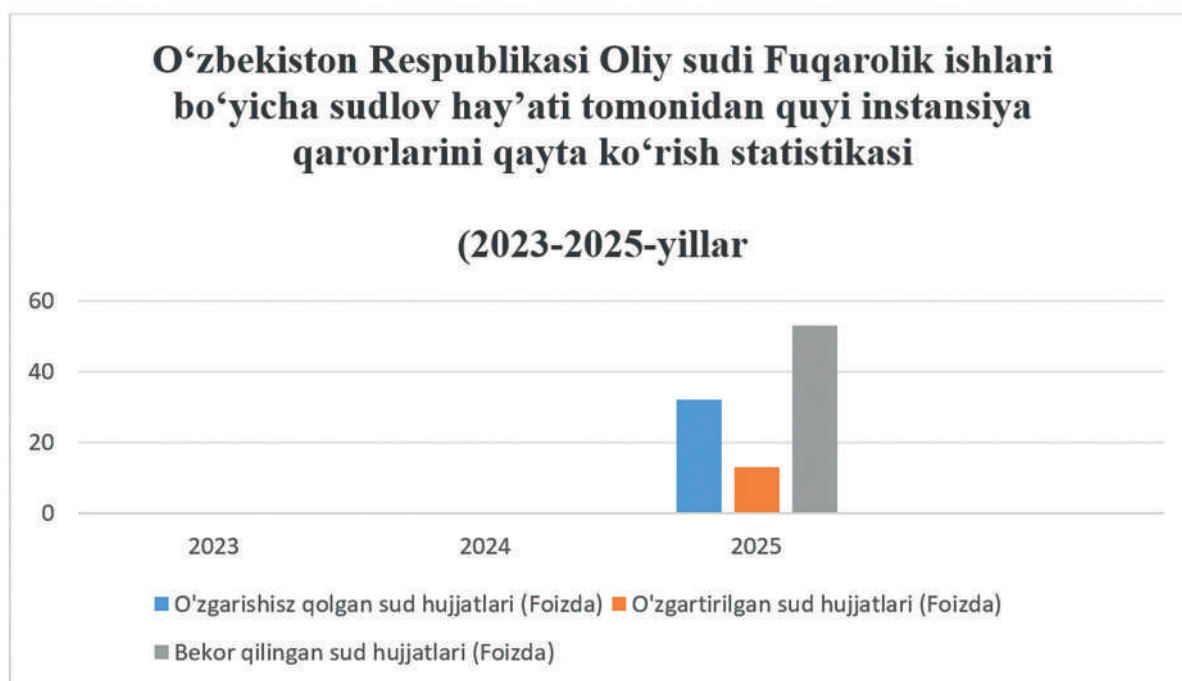
Keywords: persons participating in the case, persons assisting in the administration of justice, first instance, cassation, audit, decision, substantive law, procedural law, subjective law, factual error.

Respublikamizda sud-huquq tizimini takomillashtirishda odil sudlovni amalga oshirish Yangi O'zbekistonni qurishdagi muhim bosqichlardan biri hisoblanadi. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentabrdagi PF-158-sonli Farmoni bilan tasdiqlangan "O'zbekiston-2030" strategiyasida mamlaktimizni rivojlantirish bilan bog'liq asosiy maqsad hamda yo'nalishlar belgilangan bo'lib, ulardan biri aynan qonun ustuvorligini ta'minlash va sud-huquq tizimini isloh qilish bilan bog'liq hisoblanadi. Jumladan, sud tizimini boshqarishda sudyalarning o'zini o'zi boshqarish tamoyilini to'liq ravishda joriy qilish, sudyalar hamjamiyati organlari tizimini to'laqonli shakllantirish va jahon odil sudlov loyihasining Huquq ustuvorligi indeks bo'yicha 0,64 ballni to'plashga erishish vazifalari belgilangan [1]. Mazkur maqsad va vazifalarni amaliyotga joriy qilish va odil sudlov darajasini oshirishda esa, albatta, sud tizimi institutlarini tadqiq qilish va ularda yuzaga kelib chiqadigan kamchiliklar va muammolarni aniqlash muhim ahamiyatga ega. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning 2025-yil 26-dekabr sanasidagi Oliy Majlis va O'zbekiston xalqiga murojaatnomasida mamlakatimizni rivojlantirish bo'yicha ustuvor yo'nalishlarini ta'kidlab o'tib, ulardan oltinchi yo'nalish sifatida zamonaviy davlat boshqaruvi va adolatli sud-huquq tizimi borasidagi islohatlarni amalga oshirish lozim ekanligi belgilab berdi [2]. Ayniqsa, bugungi kunda fuqarolik sud ishlarini yuritishda odil sudlovga erishish fuqarolar hamda tadbirkorlik subyektlarining buzilgan yoki nizolashayotgan huquq va manfaatlarini tiklashda muhim o'rin tutadi.

Fuqarolik sud ishlarini yuritishda sud hujjatlarini qayta ko'rish bosqichlari alohida ahamiyatga ega protsessual institutlardan biri hisoblanadi. Chunki, har bir subyekt birinchi instansiya tomonidan chiqarilgan hal qiluv qarorlari ustidan shikoyat keltirish huquqiga ega. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'atining statistik ma'lumotlariga ko'ra, 2023-yilda O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'ati kassatsiya instansiyasi tomonidan jami 3665 ta ish ko'rib chiqilib, bundan 3015 tasi (82,3 foizi) bo'yicha sud qarorlari o'zgarishsiz qoldirilgan, 486 tasi (13,3 foizi) bo'yicha sud qarorlari bekor qilingan, 164 tasi (4,5 foizi) bo'yicha o'zgartirilgan [3]. 2024-yil hamda 2025-yil birinchi yarmida Oliy sudga shikoyatlar soni keskin kamayishiga qaramasdan, sud qarorlarini bekor qilish va o'zgartirish bilan bog'liq holatlar foiz darajasi oshganini ko'rish mumkin. Ya'ni, 2024-yilda O'zbekiston Respublikasi

Oliy sudi Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'ati taftish instansiyasi tomonidan jami 227 ta ish ko'rilgan bo'lib, ulardan 115 ta (50,7 foizi) sud hujjatlari o'zgarishsiz, 26 ta (11,4 foizi) o'zgartirilgan, 86 tasi esa (37,9 foizi) bekor qilingan [4]. 2025-yil birinchi yarmida jami 195 ta ish ko'rilgan bo'lib, ulardan 55 tasi (32 foizi) bo'yicha sud qarorlari o'zgarishsiz qoldirilgan, 90 tasi (53 foizi) bo'yicha sud qarorlari bekor qilingan, 23 tasi (13 foizi) bo'yicha sud qarorlari o'zgartirilgan [5]. Yuqoridagi ma'lumotlardan kelib chiqqan holda bekor qilingan va o'zgartirilgan sud qarorlarning jami foizlari 2023-yilda 17,8 foizni, 2024-yilda 49,3 foizni, 2025-yil birinchi yarmida esa 85 foizni tashkil etgan (1-jadval).

1-jadval

Ko'rishimiz mumkinki, yildan yilga sud qarorlarini bekor qilish va o'zgartirish bilan bog'liq holatlar darajasi ko'tarilib borgan. Bu esa, sud qarorlarining barqarorligi hamda samaradorligini pasayishiga olib keladi. Shu bois, ushbu holatlarni kamaytirish uchun sud qarorlarini qayta ko'rishga olib keluvchi asoslarni o'rganib, ulardagi mavjud kamchilik va muammolarni bartaraf etish dolzarb ahamiyatga ega hisoblanadi.

Fuqarolik protsessual huquqida sud qarorlarini bekor qilish asoslari bir nechta turlarga ajratilgan. Ya'ni ularni quyidagicha tasniflash mumkin:

- faktik asoslar bilan bog'liq xatoliklar;
- moddiy huquq normalarini qo'llash bilan bog'liq xatoliklar;
- protsessual huquq normalarini qo'llash bilan bog'liq xatoliklar [6, B.91].

Ushbu guruhlardan protsessual huquq normalarining buzilishi yoki noto'g'ri qo'llanilishi asoslariga alohida to'xtalish lozim. Chunki, ushbu sud xatolarini oldini olish va ularni bartaraf qilish nafaqat hal qiluv qarorlarini qabul qilishdagi kamchiliklarning kamayishiga, balki protsessual huquq normalarining obro'sizlanishini oldi olinishiga katta yordam beradi.

Protsessual huquq normalarining buzilishi yoki noto'g'ri qo'llanilishi turlicha asoslar va sabablarga ega hisoblanadi. Ushbu asoslardan ayrimlari yuzaga kelishida sud ishtirokchilarining sudga jalb qilinmasligi yoki jalb qilinishiga qaramasdan sud muhokamasi to'g'risida xabardor qilinmasligi oqibatida ko'rib chiqilgan ishlar bilan bog'liq. Shu bois, fuqarolik sud ishlarini yuritish

ishtirokchilarini tahlil qilish orqali aynan qaysi subyektlarning ishtirok etmaganligi yoki xabardor qilinmaganligi jiddiy protsessual xatoliklarning yuz berishida muhim ahamiyat kasb etishini aniqlash mumkin.

FPK 372⁴-moddasi ikkinchi qismi ikkinchi va to'rtinchi bandlariga ko'ra quyidagilar hal qiluv qarorlari bekor qilish uchun asos bo'lishi mumkin:

- ish sud tomonidan sud muhokamasida ishtirok etish huquqiga ega bo'lgan, ammo sud majlisining vaqti va joyi to'g'risida xabardor qilinmagan shaxslardan biror-biri yo'qligida ko'rilganligi;
- sud ishda ishtirok etishga jalb qilinmagan shaxslarning huquq va majburiyatlari to'g'risidagi masalani hal qilganligi [7].

Mazkur asoslarda keltirilgan subyektlarga aynan qaysi shaxslar kirishi mumkinligi haqida savol paydo bo'ladi. Ushbu savolga yechim topish uchun esa, birinchi navbatda fuqarolik sud yuritish ishtirokchilari doirasini tahlil qilish lozim bo'ladi.

FPK oltinchi bobi fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilariga bag'ishlangan bo'lib, ushbu bobda ularning turlari, huquqlari va majburiyatlari belgilangan. Mazkur bobni tahlil qilish natijasida fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilarini quyidagi ikkita guruhga ajratish mumkin:

- ishda ishtirok etuvchi shaxslar (FPK 39-moddasi);
- odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar (FPK 54-moddasi).

Ba'zi hollarda fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilari va ishda ishtirok etuvchi shaxslar tushunchalari bir xil deb baholanadigan holatlar uchraydi. Ammo, ushbu ikkita tushuncha turlicha ma'nolarga ega. Huquqshunos olim M.A.Vikut ta'kidlashicha ishda ishtirok etuvchi shaxslar sifatida sudda ko'rilayotgan ishning yakunidan manfaatdor bo'lgan shaxslar e'tirof etiladi. Shuningdek, uning fikricha ishda ishtirok etuvchi shaxslar tushunchasi fuqarolik protsessida ishtirok etuvchi shaxslar tushunchasi bilan bir xil emas, chunki fuqarolik protsessi ishtirokchisi sifatida ishda ishtirok etuvchi shaxslar bo'lmagan boshqa shaxslar ham ishtirok etishi mumkin (guvoh, ekspert, mutaxassis va boshqalar) [8, B.100, 101]. Mazkur huquqshunos olimning fikrlariga qo'shilish mumkin. Chunki, fuqarolik sud ishlarini yuritish ishtirokchilari ishda ishtirok etuvchi shaxslar doirasiga nisbatan keng talqin qilinadi.

Odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar ishda ishtirok etish huquqiga ega shaxslar hisoblanadi. Huquqshunos olim Sh.Sh.Shorahmetov odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslarni ishda ishtirok etuvchi shaxslardan farqlab, ularning sudda ishtirok etishi o'zlarining qonuniy huquq va manfaatlarini himoya qilish uchun emas, balki manfaatdor shaxslarning talablariga ko'ra yoki sud va protsessning boshqa ishtirokchilari tomonidan jalb qilinishi yuzasidan amalga oshirilishini ta'kidlab o'tadi [9, B.84]. Shuningdek, bir qator protsessualist olimlar E.E.Egamberdiyev [10, B.28, 29], Z.N.Esanova [11, B.91, 92], D.Y.Xabibullayev [12, B.101, 102] va M.M.Mamasiddiqovlar [13, B.92, 93] ham odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslarni ish natijasidan manfaatdor emasligini, ularning asosiy suddagi ishtiroki esa sud ishlarini to'g'ri va aniq yuritilishiga yordam berishini ta'kidlashadi. Ushbu olimlarning fikrlariga to'liq qo'shilish mumkin. Odil sudlovni amalga oshirishga ko'maklashuvchi shaxslar ishda ishtirok etish huquqiga ega bo'lgan shaxslar bo'lishiga qaramasdan, ularning ishtiroki bilan bog'liq protsessual buzilishlar yuqorida ta'kidlab o'tilgan FPK 372⁴-moddasi ikkinchi qismida mavjud asoslarni keltirib chiqarmaydi.

Ishda ishtirok etuvchi shaxslar to'g'risida turli huquqshunos olimlar tomonidan turlicha fikr-mulohazalar yuritiladi. Huquqshunos olim Sh.Sh.Shorahmetovning fikricha, ishda ishtirok etuvchi shaxslarning ishning natijasiga nisbatan manfaatdorlik yuzasidan quyidagi ikkita guruhga ajratish mumkin:

- o'zining subyektiv huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslar;
- protsessda boshqa shaxslarning subyektiv huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslar [14, B.49, 50].

Bunda shunga e'tibor qaratish lozimki, huquqshunos olim ishda ishtirok etuvchi shaxslarni tahlil qilishda sud ishlarini natijasiga e'tibor qaratgan. Ish natijasiga bo'lgan yuridik manfaat mazmunan turlicha bo'lishi mumkin. Protsessualist olim N.A.Gromoshinaning fikricha, ish natijasidan manfaatdorlik moddiy-huquqiy va protsessual huquqiy manfaatlarga bo'linadi. Shuningdek, ularni shaxsiy va xizmat (mansab) manfaatiga egalik bilan ham tasniflaydi. Bulardan kelib chiqqan holda esa, ishda ishtirok etuvchi shaxslarni ikki guruhga ajratib ko'rsatadi. Birinchi guruh sifatida shaxsiy, moddiy va protsessual manfaatiga ega subyektlar hisoblanadi. Bularga esa taraflar, uchinchi shaxslar alohida ish yurituvchi bo'yicha arizachilar va manfaatdor shaxslar, shuningdek ma'muriy sud ish yurituvchidagi shaxslar kiradi. Ikkinchi guruh sifatida esa ishga nisbatan xizmat (mansab) va protsessual-huquqiy manfaatga ega bo'lgan subyektlar sifatida prokuror va boshqa shaxslarning huquqlari, erkinliklari va manfaatlarini himoya qilish uchun sudga murojaat qiluvchi shaxslar kiritilgan [15, B.115, 116]. Mazkur huquqshunos olimning fikrlariga qisman qo'shilish mumkin. Ishda ishtirok etuvchi shaxslarning manfaatdorligi yuzasidan shaxsiy manfaatga egalik to'g'ri tasniflangan. Ammo, ikkinchi turi, ya'ni xizmat (mansab) manfaatiga egalikni ko'proq boshqa shaxslarning huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslar deya tasniflash maqsadga muvofiq bo'ladi. Chunki, ikkinchi turga kiruvchi, ya'ni bilvosita manfaatdor shaxslar doim ham xizmat yoki mansab jihatidan majburiyati orqali ishda qatnashmaydi. Misol uchun vakillikni oladigan bo'lsak, ularga kiruvchi barcha subyektlarni xizmat yoki mansab yuzasidan ishda ishtirok etadi deb aytib bo'lmaydi. Shu sababli, ishda ishtirok etuvchi shaxslarni ikkinchi turini boshqa shaxslarning subyektiv huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslar deya tasniflash to'g'riroq va to'liqroq bo'ladi.

Shaxsiy va moddiy-huquqiy manfaat deganda ushbu toifadagi ishda ishtirok etuvchi subyektlar ishning ko'rilishi natijasida ma'lum huquq va manfaatlarida o'zgarishlar yuz berishi bilan yakunlashini anglatadi. Misol uchun, fuqarolik sud ishlaridan mol-mulk huquqi bilan bog'liq nizolarda ishning ko'rilishi natijasida da'vogar yoki javobgarning mol-mulkida o'zgarishlar yuz beradi. Shuningdek, ushbu vaziyatda nizoli mol-mulkka nisbatan ma'lum huquq va manfaatlarga ega bo'lgan uchinchi shaxslarning ham huquqlariga ta'sir etadi. Ikkinchi guruhga kiruvchi subyektlar esa yuqoridagi vaziyatga nisbatan ularning nizoli mol-mulkka nisbatan manfaatdorlik holati mavjud emas. Ammo, ishning yakuni bo'yicha manfaatdor bo'lganligi bois ishda ishtirok etuvchi shaxslar sirasiga kiritilgan. Ya'ni, yanada aniqroq qilib aytadigan bo'lsak, ular tomonidan himoya qilinayotgan huquq bo'yicha ijobiy natijaga erishish protsessual jihatdan ular uchun muhim ahamiyatga ega hisoblanadi.

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqqan holda, ushbu subyektlarning ishga jalb qilish yoki sud muhokamasida ishtirok etishi bilan bog'liq protsessual huquq normalarining buzilishi natijasida birinchi instansiya sudlari tomonidan qabul qilingan hal qiluv qarorlari bekor qilinishi yoki o'zgartirilishi mumkin. Bu esa yuqorida keltirib o'tilgan FPK 372⁴-moddasi ikkinchi qismida sanab o'tilgan protsessual huquq normalarining jiddiy buzilishi asoslarini yuzaga keltiradi.

Sud majlisining vaqti va joyi to'g'risida xabardor qilinmagan shaxslardan biror-biri yo'qligida ko'rilganlik holatiga to'xtaladigan bo'lsak, ushbu asosni vujudga kelishidagi muhim subyektlar ishda ishtirok etuvchi shaxslarning bo'lishiga asosiy sabab, ularning ish yakunidan manfaatdorligi mavjudligi bilan bog'liq. Bundan tashqari, ishda ishtirok etuvchi shaxslar FPK 383- va 403-moddalariga asosan birinchi instansiya sudi hal qiluv qarorlari ustidan belgilangan muddatlarda apellyatsiya yoki kassatsiya instansiyalariga shikoyat bilan murojaat qilish huquqlariga ega. Chunki, ushbu subyektlarning huquq va manfaatlariga ta'sir qiluvchi hal qiluv qarori qabul qilinganligi ularni ustidan shikoyat taqdim etilishiga sabab bo'ladi.

FPK 372⁴-modda ikkinchi qismi ikkinchi bandida ko'rsatilgan asosni qo'llab har qanday holda hal qiluv qarori bekor qilinishi uchun, birinchi navbatda ishda ishtirok etuvchi shaxslardan taraflar, uchinchi shaxslar va alohida tartibda yuritiladigan ishlar doirasidagi manfaatdor shaxslarning sud

muhokamasi joyi va vaqti haqida xabardor qilinmasdan ko'rib chiqilganlik holatini tahlil qilish lozim. Bilamizki, sud ishlarini yuritishda eng muhim subyektlar bu taraflar hisoblanadi. FPK 43-moddasiga ko'ra taraflar da'vogar (arizachi) va javobgardan iborat. Ushbu ikki subyektning ishda ishtiroki ta'minlanmasdan ishni ko'rish faktik jihatdan mumkin emas (faqatgina sirtidan ko'riladigan ishlar bundan mustasno). Ammo, FPK 44-moddasida ishda bir nechta da'vogar yoki javobgar qatnashishi mumkin ekanligi belgilangan. Demak, ayrim vaziyatlarda da'vogarlar yoki javobgarlardan birining sud majlisi vaqti va joyi bilan bog'liq ma'lumotlar yetkazilmasdan ko'rib chiqish ehtimoli mavjud. Bunda shunga e'tibor qaratish joizki, FPK 44-moddasiga ko'ra, ishda ishtirok etuvchilar ishni olib borishni sherik ishtirokchilardan biriga topshirishi mumkin. Ushbu vaziyatda esa ishda ishtirok etgan sherik qolganlari uchun butun protsessdagi harakatlar uchun mas'uliyatni o'z zimmasiga oladi. Shu bois, ishonch bildirilgan subyektdan boshqa subyektlarning sud muhokamasiga jalb etilishi shart emas va ularning ishtirok etmaganligi hal qiluv qarorini bekor qilinishiga olib kelmaydi. Qolgan barcha hollarda taraflarning sud majlisi bilan bog'liq ma'lumotlardan xabarsizligi oqibatida ish ko'rilishi mumkin emas. Shuningdek, uchinchi shaxslarni sud muhokamasi to'g'risida xabardor qilish bilan bog'liq protsessual buzilishlar ham ushbu asosni keltirib chiqaradi. Demak, xabardor qilinmagan ishda ishtirok etuvchi shaxslarning yuqorida sanab o'tilgan turlarining ishtiroki ta'minlanmasdan ko'rib chiqilishi FPK 372⁴-moddasi ikkinchi qismi ikkinchi bandi orqali hal qiluv qarorini bekor qilinishida muhim rol o'ynaydi. Ya'ni, ushbu vaziyatda qabul qilingan hal qiluv qarorlari bekor qilish ehtimollik darajasi juda yuqori hisoblanadi.

Fuqarolik sud ishlarini yuritishda vakillik ham muhim ahamiyatga ega bo'lgan protsessual institutlardan biri sanaladi. Vakillar shunday ahamiyatga egaki, ayrim hollarda ular ishdan manfaatdor shaxslarni huquqlarini himoya qilsa, ayrim hollarda ushbu huquqlardan to'liq foydalanishiga to'g'ri keladi. Shu bois, vakillikni alohida sudda ishtiroki qanchalik majburiy xarakterga ega ekanligini tahlil qilish lozim. Fuqarolik protsessual qonunchiligiga ko'ra, vakillikning ham ikkita turi mavjud bo'lib, ular qonuniy vakillik va shartnomaviy (ixtiyoriy) vakillik hisoblanadi. Agar sud muhokamasiga qonuniy vakillarni jalb qilmasdan ko'rib chiqiladigan bo'lsa, ushbu hal qiluv qarori har qanday holda bekor qilinishi lozim bo'ladi. Chunki, qonuniy vakillik FPK 66-moddasi hamda O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2010-yil 14-maydagi "Vakillikka doir fuqarolik protsessual qonunchiligi normalarining sudlar tomonidan qo'llanilishi to'g'risida"gi qarori to'rtinchi bandiga muvofiq, muomalaga layoqatsiz, muomala layoqati cheklangan, bedarak yo'qolgan deb topilgan yoki vafot etgan deb e'lon qilingan shaxslar huquqlari va qonun bilan qo'riqlanadigan manfaatlariga daxldor fuqarolik ishlarini sudda ko'rishda qo'llanilishi majburiydir [16]. Shu bois, ularning ishtirok etmaganligi hal qiluv qaroriga jiddiy ta'sir o'tkazadi. Chunki, qonuniy vakillar o'zining qaramog'i ostidagi shaxsning roziligi bilan yoki ayrim hollarda rozilgisiz ham ularning huquqlaridan to'liq yoki cheklangan tarzda foydalanish imkoniyatiga ega.

Boshqa ishda ishtirok etuvchi shaxslar, jumladan ixtiyoriy (shartnomaviy) vakillar, prokuror, boshqa shaxslarning nomidan sudga murojaat qiluvchi davlat organlari, tashkilotlar yoki ayrim fuqarolarning sud muhokamasi joyi va vaqti haqida ogohlantirilmasdan, ularning ishtirokisiz ko'rib chiqilishi hal qiluv qaroriga qanday darajada ta'sir o'tkazishi mumkin degan savol tug'iladi. To'g'ri, ayrim hollarda ularning ishtirokisiz ko'rilganda taraflar yoki manfaatdor shaxslarning huquqlarini belgilashga ta'sir o'tkazmasligi mumkin. Ammo, jamiyat yoki davlat manfaatlarini belgilashda va ularni himoya qilishda muhim hisoblanadi. Misol uchun prokurorni oladigan bo'lsak, ishda ishtirok etishi shart bo'lgan hollarda uning ishga jalb qilinmasligi jiddiy protsessual xatolik hisoblanadi. Chunki, ayrim protsessualist olimlarning fikricha, prokuror nafaqat ishda ishtirok etuvchi shaxslarning huquq va manfaatlarini himoya qiladi, balki jamiyat (davlat) manfaatlarini himoya qilishni ham ko'zda tutadi [17, B.150].

Endi esa sud ishda ishtirok etishga jalb qilinmagan shaxslarning huquq va majburiyatlari to'g'risidagi ishni hal qilishi oqibatida hal qiluv qarorini bekor qilishga to'xtalish lozim. Birinchi navbatda mazkur shaxslar doirasini aniqlash zarur. Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqqan holda, ushbu asosni vujudga kelishida faqatgina subyektiv huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslarni kiritish mumkin. Chunki, boshqa shaxslarning huquq va manfaatlarini himoya qiluvchi shaxslarning huquq va majburiyatlari ish doirasida hal qilinmaydi. Ushbu protsessual huquq normasining buzilishida eng ko'p uchrashi mumkin bo'lgan holat sifatida uchinchi shaxslarning ishga jalb qilinmasligi oqibatlarini ko'rishimiz mumkin. Huquqshunos olim D.A.Guziy fuqarolik sud ishlarini yuritishda qabul qilingan sud hujjatlari uchinchi shaxslarga bevosita (sud hujjati qonuniy kuchga kirishi natijasida tomonlar o'rtasidagi nizoni hal qilish yakunlari bo'yicha) yoki bilvosita (kelgusida) ta'sir qilishini ta'kidlab, uchinchi shaxslarning subyektiv huquqlari va majburiyatlari sud qarori bilan huquqiy jihatdan bog'liqligi har doim ham aniq namoyon bo'lmasligini keltiradi [18, B.22] Ya'ni, uchinchi shaxslarning huquqlari yoki majburiyatlari sud ishini ko'rish davomida emas, balki keyinchalik aniqlanib qolinishi mumkin. Bu jarayonda sud tomonidan ularni ishga jalb qilish lozim bo'ladi. Ammo, ayrim hollarda ularni ishga jalb qilmasdan ishni ko'rib chiqishi oqibatida uchinchi shaxslarning huquq va manfaatlari buzilishiga olib keladigan sud qarori qabul qilinishi mumkin.

Mazkur asoslar mavjud bo'lganida yuqori instansiyalar tomonidan ishni ko'rish birinchi instansiya tartibida ko'rishga o'tiladi. Ishga jalb qilinmasdan kimningdir huquq va majburiyatlarini hal qilish ishning mazmuniga katta ta'sir o'tkazadi. Shuning uchun ishni boshidan birinchi instansiya qoidalari bilan ko'rish orqali sudga jalb qilinmagan manfaatdor shaxslarning huquq va manfaatlarini himoya qilish mumkin. Bu qoida FPK 399-,419-,419²⁸-moddalarida aniq belgilab qo'yilgan. Ish birinchi instansiya sudi qoidalari asosida ko'rilishi ishga jalb qilinmagan manfaatdor shaxslarning ish bo'yicha o'z vajlarini bayon qilishiga hamda sudlar tomonidan yangi dalillarga ega bo'lib, ularni tegishli tartibda baholash va ishni ushbu o'zgarishlar natijasida hal qilish imkoniyatini beradi.

Xorijiy mamlakatlarning fuqarolik protsessual qonunchiliklarida ham sud ishtirokchilari bilan bog'liq ayrim protsessual huquq normalarining buzilishi oqibatlari qonun normalarida belgilab o'tilgan. Xususan, Germaniya FPK 547-moddasida sud qarorlarini bekor qilish uchun sabab bo'luvchi mutloq asoslar sanab o'tilgan. Ushbu moddaning birinchi qismi to'rtinchi bandiga ko'ra, ishda ishtirok etuvchi shaxslardan biriga vakillik qilinmaganligi oqibatida sud qarori yuqori instansiya sudi tomonidan bekor qilinishi nazarda tutilgan [19]. Bunda aynan "ishda ishtirok etuvchi shaxslar" tushunchasi qo'llanilgan. Ya'ni, sud hujjatlarini bekor qilish yoki o'zgartirish uchun asos bo'luvchi normada protsess ishtirokchilaridan aynan ishda ishtirok etuvchi shaxslarning manfaati buzilishi ko'rsatilgan. Bu esa shuni anglatadiki, ko'p hollarda ishda ishtirok etuvchi shaxslarning manfaatlari buzilishi jiddiy protsessual xatolik sifatida qaraladi. Chunki, yuqorida keltirilgan modda jiddiy qonun buzilishi asoslarini tavsiflaydi.

MDH mamlakatlarning fuqarolik protsessual qonunchilik normalari tahlil qilish ham muhim ahamiyaga ega. Jumladan, Rossiya Federatsiyasi FPK 330-moddasi to'rtinchi qism ikkinchi bandi [20] hamda Qozog'iston Respublikasi FPK 427-moddasi to'rtinchi qismi ikkinchi bandida sud muhokamasi joyi va vaqti haqida tegishli tartibda xabardor qilinmagan shaxslarga nisbatan "ishda ishtirok etuvchi shaxslar" tushunchasi [21], Belarusiya Respublikasi FPK 424-moddasi to'rtinchi qism ikkinchi bandida esa "ish natijasidan yuridik manfaatdor shaxslar" tushunchasi qo'llanilgan [22].

Milliy protsessual qonunchiliklarni tahlil qiladigan bo'lsak, O'zbekiston Respublikasi Iqtisodiy protsessual kodeksi (keyingi o'rinlarda - IPK) 279-moddasi beshinchi qism ikkinchi bandida aynan "ishda ishtirok etuvchi shaxslar" atamasi qo'llanilgan [23]. O'zbekiston Respublikasi Ma'muriy

sud ishlarini yuritish to'g'risidagi kodeks (keyingi o'rinlarda - MSiyTK) 220-moddasi beshinchi qism ikkinchi bandida ham "ishda ishtirok etuvchi shaxslar" deya belgilangan [24]. Demak, ushbu ma'lumotlardan kelib chiqib aytish mumkinki, boshqa protsessual qonunchiliklarda sud ishtirokchilarining sud majlisi to'g'risidagi xabardorligi va ularning ishtiroki bilan bog'liq protsessual qoidalarning buzilishi asosi amaliyotda qo'llash va talqin qilish uchun tushunarli qilib belgilangan. Ya'ni, ushbu qonunchiliklarda terminlar aniq va tizimli etib keltirilgan.

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqqan holda O'zbekiston Respublikasi FPK 372⁴-moddasi ikkinchi qismi ikkinchi bandini quyidagicha yangi tahrirda o'zgartirish lozim:

"Ish sud tomonidan sud muhokamasida ishtirok etish huquqiga ega bo'lgan, ammo sud majlisining vaqti va joyi to'g'risida xabardor qilinmagan ishda ishtirok etuvchi shaxslardan biror-biri yo'qligida ko'rilgan bo'lsa"

"Ishda ishtirok etuvchi shaxslar" tushunchasining aniq qilib belgilanilishi orqali ushbu normani amaliyotda qo'llash jarayonidagi tushunmovchiliklarning oldi olinishiga erishish mumkin bo'ladi.

Umumiy qilib aytganda, fuqarolik sud ishlarini yuritishda ishda ishtirok etuvchi shaxslarni ishga jalb qilish yoki ularni sud muhokamasi joyi va vaqti bilan bog'liq ma'lumotlardan xabardor qilish bilan bog'liq protsessual qoidalarga amal qilmaslik natijasida qabul qilingan sud hujjatlari yuqori instansiya sudlari tomonidan bekor qilinishi yoki o'zgartirilishiga olib keladi. Chunki, fuqarolik protsessual huquqi subyektlaridan biri bo'lgan ishda ishtirok etuvchi shaxslarning sud muhokamasida ishtiroki muhim ahamiyat kasb etadi. Ularning ishtiroki ta'minlanmasligi oqibatida chiqarilgan sud hujjatlarida, ayniqsa hal qiluv qarorlarida tushunmovchiliklar va noaniqliklar yuzaga keladi hamda odil sudlovni to'liq amalga oshirib bo'lmaydi. Shu bois, sudlar tomonidan ishda ishtirok etuvchi shaxslarni ishga jalb qilish bilan bog'liq protsessual qonunchiliklarga qat'iy rioya qilish muhim. Shuningdek, bu kabi protsessual xatoliklarni aniqlashda va bartaraf etishda protsessual huquq normalarini buzilishi yoki noto'g'ri qo'llanilishi asoslarini tahlil qilish, ularni aniqlashtirish orqali fuqarolik protsessual qonunchiligiga tegishli o'zgartirish va qo'shimchalar kiritish maqsadga muvofiq hisoblanadi.

IQTIBOSLAR/ЧОККИ/REFERENCES:

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni bilan tasdiqlangan "O'zbekiston-2030" strategiyasi. 11.09.2023-yildagi PF-158-son // URL: <https://lex.uz/ru/docs/-6600413>
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning 2025-yil 26-dekabr sanasidagi Oliy Majlisi va O'zbekiston xalqiga murojaatnomasi // URL: <https://president.uz/oz/lists/view/8834>
3. O'zbekiston Respublikasi Oliy sud Rayosatining "O'zbekiston Respublikasi Oliy sudining Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'ati tomonidan 2023-yilning to'rtinchi choragida kassatsiya tartibida ko'rilgan ishlar bo'yicha sud amaliyoti obzori" to'g'risidagi qarori. 23.01.2024-yildagi RS-03-24-son // URL: <https://sud.uz/court-experiments/civil-court-experiments/>
4. O'zbekiston Respublikasi Oliy sud Rayosatining "O'zbekiston Respublikasi Oliy sudining Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'ati tomonidan 2024-yilning to'rtinchi choragida taftish instansiyasida ko'rilgan ishlar bo'yicha sud amaliyoti obzori" to'g'risidagi qarori. 24.01.2025-yildagi RS-02-25-son // URL: <https://sud.uz/court-experiments/civil-court-experiments/>
5. O'zbekiston Respublikasi Oliy sud Rayosatining "O'zbekiston Respublikasi Oliy sudining Fuqarolik ishlari bo'yicha sudlov hay'ati tomonidan 2025-yilning ikkinchi choragida taftish instansiyasida ko'rilgan ishlar bo'yicha sud amaliyoti obzori" to'g'risidagi qarori. 28.07.2025-yildagi RS-32-son // URL: <https://sud.uz/court-experiments/civil-court-experiments/>
6. Abdihakimov S.S. Fuqarolik sud ishlarini yuritishda sud xatosi tushunchasi va uning nazariy tahlili // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 6 (2025) B. 85–94. 91-bet // URL: <https://yuristjournal.uz/index.php/lawyer-herald/issue/view/44>
7. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksi // 01.04.2018 // URL: <https://lex.uz/docs/-3517337#-6716209>

8. Вукот М.А. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Под ред. -М., 2003. -С. 100-101.
9. Shoraxmetov Sh.Sh. O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksiga sharhlar. - Toshkent: TDYI nashriyoti. 2010. - 960 bet.
10. Egamberdiyev E. Fuqarolik protsessual huquqiy munosabatlar. - Toshkent, Adolat. 2000. <https://library-tsul.uz/fu%D2%9Barolik-proccessual-%D2%B3u%D2%9Bu%D2%9Bij-munosabatlar-egamberdiyev-e-2000/>
11. Esanova Z.N. Fuqarolik protsessual huquqi. - Toshkent.: Yuridik adabiyotlar Publish, 2022-y. - 328 bet. <https://library-tsul.uz/fuqarolik-protsesual-huquqi-esanova-z-2022/>
12. Mamasiddiqov M.M., Xabibullayev D.Y., Fuqarolik protsessual huquqi. Darslik. Mualliflar jamoasi. - Toshkent. "Lesson press" nashriyoti. 2020-y. 607 bet //URL:<https://drive.google.com/file/d/1GJyv6KODBFziHGELOV8xbsD0ZxpTWzp/view>
13. Mamasiddiqov M.M. Fuqarolik protsessual huquqi. Umumiy qism/Oliy o'quv yurti talabalari uchun darslik. Mas'ul muharrir. y.f.d., prof. Oqyulov O. - Toshkent. TDYU nashriyoti. 2012. - 516 b. <https://library-tsul.uz/fu-arolik-protsessual-u-u-i-umumij-ism-mamasiddi-ov-m-2012/>
14. Shoraxmetov Sh.Sh. O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik protsessual huquqi. Darslik. -Toshkent, Adolat. 2007. <https://library-tsul.uz/ozbekiston-respublikasining-fuqarolik-protsesual-huquqi-shoraxmetov-sh-2007/>
15. Крашенинникова П. В. Гражданское процессуальное право : учебник : [в 2 т.] / под ред. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2022. 550 с. // URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/grazhdanskoe_processualnoe_pраво_uchebnik_v_2_t_tom_1_obshchaya_chast_pod_red_pv_krashenninnikova/
16. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining "Vakillikka doir fuqarolik protsessual qonunchiligi normalarining sudlar tomonidan qo'llanilishi to'g'risida"gi qarori. 14.05.2010-yildagi 05-son // URL: <https://lex.uz/docs/-2414102>
17. Mamasiddiqov M.M., Yodgorov X.B., Davletov O'M. Fuqarolik protsessual huquqi. Maxsus qism. Darslik.– Toshkent, O'zbekiston Respublikasi Milliy gvardiyasi Harbiy-texnik instituti, 2018. –261 b
18. Гүзий Д. А. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс. – М., 2021. // URL: https://www.dissercat.com/content/treti-litsa-ne-zayavlyayushchie_samostoyatelnykh-trebovanii-otnositelno-predmeta-spora-v-gra
19. Germaniya Fuqarolik protsessual kodeksi // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14316>
20. Rossiya Federatsiyasi Fuqarolik protsessual kodeksi // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
21. Qozog'iston Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksi // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377>
22. Belarusiya Respublikasi Fuqarolik protsessual kodeksi // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238>
23. O'zbekiston Respublikasi Iqtisodiy protsessual kodeksi // 01.04.2018 // URL: <https://lex.uz/ru/docs/-3523891#-3534013>
24. O'zbekiston Respublikasi Ma'muriy sud ishlarini yuritish to'g'risidagi kodeks // 01.04.2018 // URL: <https://lex.uz/docs/-3527353>

ASHUROV Ulug'bek Erkinovich

O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi
boshqarma boshlig'i, adliya katta maslahatchisi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)
ORCID-0009-0003-1425-583X
E-mail: ashulugbek@gmail.com

JINOYATCHILIKNING OLDINI OLISH SOHASIDAGI O'ZBEKISTON VA XORIJIY MAMLAKATLAR TAJRIBASI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): ASHUROV U.E. Jinoyatchilikning oldini olish sohasidagi O'zbekiston va xorijiy mamlakatlar tajribasi // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 107-114.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-011>

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada jinoyatchilikning oldini olish sohasidagi O'zbekiston Respublikasi va xorijiy mamlakatlar tajribasi qiyosiy-huquqiy tahlil qilingan. Mazkur maqolaning maqsadi jinoyatchilikning oldini olishning zamonaviy modellarini o'rganish, O'zbekistonning mavjud qonunchilik bazasi va amaliyotini baholash, shuningdek, xalqaro va xorijiy davlatlar tajribasidan foydalanish imkoniyatlarini aniqlashdan iborat. Maqolani yozish jarayonida rasmiy-yuridik, qiyosiy-huquqiy, tizimli-tarkibiy va statistik metodlardan foydalanilgan. Tahlillar natijasida Yaponiyada jamoatchilikka asoslangan "koban" tizimi, Germaniyadagi "ishonchli dalillarga asoslangan preventiv profilaktika tizimining yondashuvi", Janubiy Koreyadagi "sun'iy intellekt va videokuzatuv texnologiyalari", shuningdek, BMTning jinoyatchilikni oldini olish bo'yicha xalqaro standartlari va tavsiyalari o'rganilgan va O'zbekiston amaliyoti bilan o'zaro taqqoslangan. Maqolada O'zbekistonning jinoyatchilikning oldini olish sohasidagi qonunchiligini xalqaro standartlar va andozalar asosida takomillashtirishga doir bir qancha aniq tavsiyalar bildirilgan. Xususan, O'zbekistonda jinoyatchilikning oldini olishda raqamli texnologiyalardan samarali foydalanish istiqbollari, sohaga doir ilmiy tadqiqot institutlari faoliyatini takomillashtirishga qaratilgan takliflar ishlab chiqilgan. Shuningdek, O'zbekistonga xos ijtimoiy-madaniy xususiyatlar, ya'ni "mahalla an'analari", "oilaviy va qo'shnichilik munosabatlari"ni hisobga olingan holda moslashtirilgan o'ziga xos modelni ishlab chiqish lozimligi huquqiy jihatdan asoslantirilgan.

Kalit so'zlar: jinoyatchilikning oldini olish, qiyosiy huquq, "koban" tizimi, kiberjinoyat, jamoatchilik xavfsizligi, profilaktika, O'zbekiston qonunchiligi, xalqaro standartlar, jamoat xavfsizligi, huquqbuzarliklar profilaktikasi.

АШУРОВ Улугбек Эркинович

Начальник управления Генерального прокуратура
Республики Узбекистан, старший советник юстиции,
доктор философии по юридическим наукам (PhD)
ORCID-0009-0003-1425-583X
E-mail: ashulugbek@gmail.com

ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен сравнительно-правовой анализ опыта Республики Узбекистан и зарубежных стран в сфере профилактики преступности. Целью данной статьи является изучение

современных моделей предупреждения преступности, оценка существующей законодательной базы и практики Узбекистана, а также выявление возможностей использования международного и зарубежного опыта. В процессе написания статьи использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и статистический методы. В результате анализа были изучены и сопоставлены с практикой Узбекистана общественно-ориентированная система «koban» в Японии, «подход к системе превентивной профилактики, основанный на достоверных доказательствах» в Германии, «технологии искусственного интеллекта и видеонаблюдения» в Южной Корее, а также международные стандарты и рекомендации ООН по предупреждению преступности. В статье представлен ряд конкретных рекомендаций по совершенствованию законодательства Узбекистана в сфере предупреждения преступности на основе международных стандартов и стандартов. В частности, разработаны предложения, направленные на перспективы эффективного использования цифровых технологий в профилактике преступности в Узбекистане, совершенствование деятельности научно-исследовательских институтов в данной сфере. Также с правовой точки зрения обоснована необходимость разработки уникальной модели, адаптированной с учетом социально-культурных особенностей Узбекистана, то есть «традиций махалли», «семейных и соседских отношений».

Ключевые слова: предупреждение преступности, сравнительное право, система koban, киберпреступность, общественная безопасность, профилактика, законодательство Узбекистана, международные стандарты, общественная безопасность, предотвращение преступлений.

ULUGBEK Ashurov

Head of the Department of the Prosecutor General's
Office of the Republic of Uzbekistan, Senior Justice Advisor,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law
ORCID-0009-0003-1425-583X
E-mail: ashulugbek@gmail.com

EXPERIENCE OF UZBEKISTAN AND FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION

ANNOTATION

This article presents a comparative legal analysis of the experiences of the Republic of Uzbekistan and foreign countries in the field of crime prevention. The purpose of this article is to study modern crime prevention models, evaluate the existing legislative framework and practices in Uzbekistan, and identify opportunities for utilizing international and foreign experience. The formal-legal, comparative-legal, systemic-structural, and statistical methods were used in the process of writing this article. As a result of the analysis, Japan's community-oriented "koban" system, Germany's "evidence-based approach to the preventive system," South Korea's "artificial intelligence and video surveillance technologies," and the UN's international standards and recommendations on crime prevention were studied and compared with the practices in Uzbekistan. The article provides a number of specific recommendations for improving Uzbekistan's legislation on crime prevention based on international standards and models. In particular, proposals have been developed for the effective use of digital technologies in crime prevention in Uzbekistan and for improving the activities of research institutes in this field. Furthermore, the necessity of developing a unique model adapted to Uzbekistan's socio-cultural characteristics, namely the "traditions of the mahalla" and "family and neighborly relations," is legally substantiated.

Keywords: crime prevention, comparative law, koban system, cybercrime, public safety, prophylaxis, Uzbekistan legislation, international standards, public safety, crime prevention.

Jinoyatchilik insoniyatning eng qadimgi va murakkab ijtimoiy muammolaridan biri bo'lib, har bir davlatning ichki xavfsizligiga, fuqarolarning huquq va erkinliklariga, shuningdek, jamiyatning barqaror rivojlanishiga jiddiy tahdid solib kelmoqda. Birlashgan Millatlar Tashkilotining Jinoyatchilikni oldini olish va jinoiy adolat komissiyasining ma'lumotlariga ko'ra, jinoyatchilikning oldini olish strategiyalari faqatgina jinoyat va jabrlanishni kamaytirib qolmay, balki barqaror rivojlanishga ham sezilarli hissa qo'shadi [1]. Bugungi kunda jahon hamjamiyati jinoyatchilikka qarshi kurashishning an'anaviy repressiv usullaridan tobora ko'proq profilaktik yondashuvlarga o'tmoqda.

O'zbekiston Respublikasi mustaqillik yillarida jinoyatchilikka qarshi kurashish va uning oldini olish tizimini shakllantirish va takomillashtirish borasida keng ko'lami islohotlar amalga oshirdi. Biroq, globallashtirish va raqamlashtirish jarayonlarining jadallashuvi, kiberjinoyatlar ko'lamining keskin oshishi va transmilliy jinoyatchilikning kuchayishi sharoitida mavjud profilaktika tizimini yanada takomillashtirish zarurati sezilmoqda.

O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligining ma'lumotlariga ko'ra, 2024-yilda O'zbekistonda jami 132 298 ta jinoyat qayd etilgan bo'lib, shundan 59,4 foizi yoshlar tomonidan, 36,1 foizi esa takroriy jinoyatchilar tomonidan sodir etilgan. Ayniqsa, kiberjinoyatlar ko'lami keskin ko'tarilib, 2024-yilda 58 800 ta kiberjinoyat ro'yxatga olingan bo'lib, ularning 97,7 foizi fuqarolarning bank kartasi mablag'lariga firibgarlik yo'li bilan ega bo'lishga qaratilgan [2]. Shu ma'noda, jinoyatchilikning oldini olish sohasida xorijiy mamlakatlarning ilg'or tajribasini o'rganish va milliy qonunchilikni takomillashtirish bugungi kunning eng dolzarb vazifalaridan biridir.

Ta'kidlash kerakki, O'zbekistonda jinoyatchilikning oldini olish tizimi mustaqillik yillarida bir qator bosqichlarni bosib o'tgan. Bugungi kunda ushbu tizimning huquqiy asosini birinchi navbatda O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 13 va 15-moddalari, Jinoyat kodeksining 2-moddasi, "Huquqbuzarliklar profilaktikasi to'g'risida"gi Qonun, "Ma'muriy javobgarlik to'g'risida"gi kodeks, shuningdek bir qator O'zbekiston Respublikasi Prezidenti farmon va qarorlari, Hukumat qarorlari tashkil etadi.

Ta'kidlash lozimki, jinoyatchilikni oldini olish, uning sabablarini o'rganishda mazkur yo'nalishdagi ilmiy-tadqiqot ishlarining o'rni alohida ahamiyatga ega. Zero, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yil 5-yanvardagi "Respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish yo'nalishida yaxlit manzilli ishlash tizimini joriy etishga qaratilgan qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-1-son qarorining eng muhim maqsadlaridan biri sifatida oila-turmush munosabatlari doirasida hamda ayollar va yoshlar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarni "ilmiy xulosa – tavsiya – natija" tamoyili asosida joylarga chiqqan holda maqsadli ilmiy-amaliy o'rganish orqali samarali tashkiliy-huquqiy choralarni belgilash maqsad qilib olingan.

Mamlakatimiz olimlari S.Niyozova va N.Salayev tomonidan xotin-qizlarga nisbatan ishlatilayotgan jinoyatchilik sabablari va unga imkon bergan sharoitlar quyidagi uchta guruhga ajratilgan:

1. Umumijtimoiy darajadagi sabab va shart-sharoitlar;
2. Guruhiy darajadagi sabab va shart-sharoitlar;
3. Shaxsiy darajadagi sabab va shart-sharoitlar.

Ularning fikricha, xotin-qizlarga nisbatan jinoyatchilikni ilmiy nuqtai nazardan o'rganishda ayni ushbu doctrinal yondashuvlar muhim ahamiyat kasb etadi [3].

L.V.Frank fikricha, jinoyatdan jabrlanuvchining xulq-atvori va shaxsiyatini o'rganish uchta asosiy jihatga asoslanadi: jabrlanuvchining maqomi (statusi), uning dunyoqarashi, jamiyatda tutgan o'rni [4].

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 15-yanvardagi "Jamoat xavfsizligini ta'minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan

yangi bosqichga ko'tarish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PF-10-son Farmoni bilan O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti tashkil etildi [5]. Ushbu institutning asosiy vazifalari jumlasiga hududlar kesimida kriminogen vaziyatni ilmiy jihatdan baholash, jinoyatchilik omillarini aniqlash va ularni bartaraf etish bo'yicha ilmiy asoslangan chora-tadbirlarni ishlab chiqish kiradi. Bu o'zgarish jinoyatchilikning oldini olishga ilmiy yondashuvning mustahkamlanganligidan dalolat beradi. Shuningdek, quyidagilar mazkur institutning asosiy yo'nalishlari etib belgilandi:

- respublikadagi kriminogen vaziyatga oid chuqur tadqiqotlarni amalga oshirish, jinoyatchilik tendensiyalarini tizimli ravishda tahlil va prognoz qilish, uning ijtimoiy, iqtisodiy, psixologik, ma'naviy-ma'rifiy, huquqiy, tibbiy va tashkiliy omillarini kompleks ilmiy diagnoz asosida aniqlash;

- hududlar kesimida kriminogen vaziyatni barqarorlashtirish choralarining samaradorligini ilmiy jihatdan baholash, shuningdek, ilmiy tahlil, prognoz va diagnoz xulosalariga asoslangan holda, qonunchilik va huquqni qo'llash amaliyotini takomillashtirish orqali jinoyatchilik omillarini bartaraf etish choralarini ishlab chiqish;

- ilmiy-amaliy tadqiqot loyihalarini bajarish orqali kriminologik faoliyat amaliyotida mavjud muammolarni hal etish bo'yicha ilmiy asoslangan kompleks yechimlarni ishlab chiqish, ilmiy ishlanmalarni amaliyotga joriy etish bo'yicha zarur chora-tadbirlarni tashkil etish;

- jamoatchilik o'rtasida shov-shuvga sabab bo'lgan jinoyatlarning omillarini aniqlash va ularni bartaraf etish choralarini ishlab chiqishda belgilangan tartibda mutaxassis sifatida surishtiruv va dastlabki tergov organlariga uslubiy ko'maklashish;

- jahon kriminologiyasi va xorijiy davlatlar kriminologik faoliyat to'g'risidagi qonunchiligining ilg'or tajribalarini doimiy o'rganish hamda uning natijalarini O'zbekiston Respublikasi sharoitlarida joriy etish bo'yicha taklif va tavsiyalarni ishlab chiqish;

- kriminologiya sohasi bo'yicha mustaqil izlanuvchilik shaklida oliy malakali ilmiy kadrlarni tayyorlash, talabgorlarni belgilangan tartibda ilmiy darajalar va ilmiy unvonlarga taqdim etish.

Yaponiya jahonda eng past jinoyatchilik darajasiga ega mamlakatlardan biri hisoblanadi. Yaponiyaning qotillik darajasi AQShning 20 foizidan, o'g'irlik darajasi esa 30 foizidan kamni tashkil etadi [6]. Bu natijalarga erishishda "koban" (交番) tizimi – mahalladagi politsiya shaxobchalari muhim rol o'ynagan. "Koban" tizimi 1874-yilda tashkil etilgan bo'lib, bugungi kunda jamoatchilikka asoslangan politsiya modelining dunyodagi eng samarali namunalaridan biri sifatida tan olingan [7]. "Koban" tizimining asosiy o'ziga xosligi shundaki, politsiya xodimlari mahalla aholisi bilan bevosita va muntazam muloqotda bo'lishadi. Har bir "koban" xodimi tegishli hududdagi uy-joylarga muntazam tashriflar uyushtirib, o'zlarini tanishtiradi, jinoyatchilikdan saqlanish bo'yicha maslahatlar beradi va aholining xavfsizlik ehtiyojlari to'g'risida ma'lumot to'playdi. Bu yondashuv politsiya va jamoatchilik o'rtasida ishonch munosabatlarini mustahkamlaydi va axborot almashinuvini yaxshilaydi.

Yaponiyada qayd etilgan jinoyatlar soni 2002-yildagi 2,85 milliondan 2020-yilga kelib 914 920 taga kamaygan. Bu muvaffaqiyatga erishishda quyidagi omillar muhim rol o'ynagan: birinchidan, hukumatning jamoatchilikni jinoyatchilikning oldini olishga faol jalb qilish irodasi; ikkinchidan, jamoatchilik politsiya xodimlari sonini ko'paytirish va nafaqaga chiqqan politsiya xodimlaridan foydalanish; uchinchidan, mahalliy jamoat tashkilotlari, maktablar va biznes sektori o'rtasida keng ko'lamlilik hamkorlik tarmog'ini yaratish [6].

Yaponiyada ko'ngilli jinoyatchilikni oldini olish harakati alohida ahamiyatga ega. 2014-yil oxiriga kelib, 48 000 dan ortiq ko'ngilli jinoyatchilikni oldini olish tashkiloti faoliyat yuritgan bo'lib, ularning a'zolari soni taxminan 2,8 million kishini tashkil etgan. 2004-yil dekabridan boshlab "ao-pato" (ko'k patrul) tizimi joriy etilib, ko'ngillilar politsiya bergan ko'k chiroqlar bilan jihozlangan mashinalarda mahallalarni patrul qilmoqda. 2014-yil oxiriga kelib Yaponiyada taxminan 44 000 ta "ao-pato" faoliyat yuritgan. "Koban" tizimining muvaffaqiyatiga sabab bo'lgan ijtimoiy-madaniy omillar ham alohida ta'kidlashga arziydi. Yapon jamiyatiga xos jamoaviylik va normalarga rioya

qilish madaniyati jamoatchilik politsiyasining samaradorligiga ijobiy ta'sir ko'rsatgan. Shu bilan birga, "koban" modeli bir qator mamlakatlarda Braziliya, Hindiston, Malayziya, Filippin, Singapur va ba'zi Germaniya shaharlarida o'zlashtirilgan [7].

Germaniya Yevropada jinoyatchilikning oldini olishning institutsional tizimini eng keng miqyosda rivojlantirgan mamlakatlardan biri hisoblanadi. Germaniyaning jinoyatchilikni oldini olish tizimining o'ziga xos xususiyati uning ko'p bosqichli huquqiy tabiatidadir: federal, davlat (land) va mahalliy hokimiyatlar birgalikda harakat qilishadi.

Federal darajada Germaniya Jinoyatchilikni oldini olish forumi (Deutsches Forum für Kriminalprävention – DFK) va Federal jinoiy politsiya boshqarmasi jinoyatchilikni oldini olish strategiyasini ishlab chiqish va muvofiqlashtirishda markaziy rol o'ynaydi. Federal jinoiy politsiya boshqarmasi jinoyat statistikasini yillik asosda to'plab, tahlil qiladi va potensial jinoyat tendensiyalarini erta bosqichda aniqlashga harakat qiladi. Bundan tashqari, Federal jinoiy politsiya boshqarmasi konkret holatlarni tahlil qilish va jinoyatchi profillarini tuzish orqali davlat politsiya organlariga amaliy ko'mak ko'rsatadi [10].

Germaniyadagi jinoyatchilikni oldini olish tizimining muhim xususiyatlaridan biri – ijtimoiy integratsiya orqali profilaktika tamoyilidir. T.Feltes ta'kidlaganidek, Germaniyada jamoat birdamligini mustahkamlash jinoyatchilikning oldini olishning yaxlit yondashuvi sifatida qaraladi [11]. Bu yondashuvning markaziy maqsadi jamoatni tashqi yordamsiz xavf-xatarlarga qarshi tura olish va o'z a'zolarini qo'llab-quvvatlash qobiliyatini rivojlantirishdan iborat.

Maktablarda jinoyatchilikning oldini olish dasturlari Germaniyaning profilaktika tizimining muhim tarkibiy qismini tashkil etadi. "PIT" (Prevention in Team – Jamoada profilaktika) dasturi 6 va 8-sinf o'quvchilari uchun mo'ljallangan bo'lib, o'qituvchilar va politsiya xodimlari birgalikda ijtimoiy kompetensiyalarni rivojlantirishga qaratilgan darslar o'tishadi [12]. Shu bilan birga, "muammoga yo'naltirilgan politsiya" (problem-oriented policing) va "ishonchli dalillarga asoslangan politsiya" (evidence-based policing) tamoyillari samarali natijalar ko'rsatayotganligi ta'kidlanmoqda [13].

Janubiy Koreya jinoyatchilikning oldini olishda raqamli texnologiyalar va sun'iy intellektni qo'llash bo'yicha jahonda yetakchi mamlakatlardan biri hisoblanadi. Seul shahar hokimligi ma'lumotlariga ko'ra, 2023-yilda beshta asosiy jinoyat turi qotillik, o'g'rilik, to'g'irlik, zo'rlik va jinsiy zo'ravonlik bo'yicha ko'rsatkich 2015-yildagi 126 000 dan 86 000 ga tushgan. Seulda 2024-yil oxiriga kelib 113 273 ta kuzatuv kamerasi ishlab turgan bo'lib, ular jinoyatchilikning oldini olishda muhim rol o'ynamoqda. Xususan, so'nggi ikki yil ichida kameralar yordamida 358 ta shubhali narkotik jinoyati aniqlangan va 36 ta shubhalanuvchi qo'lga olingan. 2025-yilda raqamli xavfsiz shahar loyihasi uchun 51,3 milliard von (taxminan 37 million AQSh dollari) ajratilgan [14].

Janubiy Koreyaning innovatsion yondashuvlari orasida sun'iy intellekt asosidagi aqlli videokuzatuv kameralari alohida o'rin tutadi. Bu kameralar yiqilish, hujum va boshqa shubhali harakatlarni avtomatik ravishda aniqlab, monitoring markaziga videotasvir yuborish imkonini beradi. Bundan tashqari, 9 ta ko'rsatkichga jinoyatchilik darajasi, yakka yashovchi uy xo'jaliklari ulushi va boshqalarasoslangan katta ma'lumotlar (big data) tahlili orqali yuqori xavfli hududlar aniqlanmoqda [15].

Koreya elektron va telekommunikatsiya tadqiqot instituti (ETRI) o'tgan jinoyat statistikasi va videokuzatuv tasvirlariga asoslangan holda jinoyatlar ehtimolligini real vaqtda baholovchi prognozli videokuzatuv texnologiyasi ustida ishlamoqda [16]. Bu texnologiya jinoyat sodir etilishi ehtimoli yuqori bo'lgan hudud va vaqtni oldindan aniqlash imkonini yaratadi, bu esa politsiya resurslaridan samaraliroq foydalanishga yordam beradi.

BMT jinoyatchilikning oldini olish sohasida bir qator standart va normalar ishlab chiqqan. BMT Iqtisodiy va ijtimoiy kengashining 2002-yil 13-sonli rezolyutsiyasi bilan qabul qilingan "Jinoyatchilikni oldini olish bo'yicha ko'rsatmalar" (Guidelines for the Prevention of Crime)

jinoyatchilikni oldini olishni quyidagicha ta'riflaydi: "Jinoyatchilikni oldini olish jinoyatlar sodir etilishi xavfini va ularning shaxslar hamda jamiyatga salbiy oqibatlarini, shu jumladan jinoyatchilik qo'rquvini kamaytirishga qaratilgan strategiya va chora-tadbirlarni o'z ichiga oladi" [1].

BMTning jinoyatchilikni oldini olish strategiyalari to'rt asosiy yo'nalishni o'z ichiga oladi: birinchidan, ijtimoiy rivojlanish orqali oldini olish jinoyatchilikning ildiz sabablariga kambag'allik, ta'limsizlik, oilaviy muammolar, ishsizlikka ta'sir ko'rsatish; ikkinchidan, vaziyatga asoslangan oldini olish jinoyat sodir etish imkoniyat va sharoitlarini kamaytirish; uchinchidan, jamoat faoliyati orqali oldini olish mahalliy jamoatlarning jinoyatchilikka qarshi hamkorligini kuchaytirish; to'rtinchidan, rivojlanish bosqichidagi oldini olish bolalar va yoshlarda jinoiy xulqning rivojlanishini oldini olish [17].

Qayd etish kerakki, O'zbekistonning mahalla tizimi jamoatchilik ishtiroki uchun tabiiy platforma bo'lib, u Yaponiyada koban tizimida ko'ngillilarning o'ynagan rolga o'xshash funksiyani bajarish imkoniyatiga ega. Biroq, O'zbekistonda mahalla faollarining jinoyatchilikni oldini olish funksiyalari hali to'liq institutsionallashtirilmagan. Yaponiyadagidek muntazam uy tashriflari, axborot to'plash va mahalliy xavfsizlik auditi tizimini joriy etish O'zbekiston uchun samarali bo'lishi mumkin. Shu bilan birga, Yapon tajribasidan ma'lumki, jamoatchilik ishtirokining samaradorligi ko'p jihatdan ijtimoiy-madaniy kontekstga bog'liq. Yaponiyaga xos jamoaviylik va normalarga bo'ysunish madaniyati bu tizimning muvaffaqiyatiga katta hissa qo'shgan. Shuning uchun, O'zbekistonga xos ijtimoiy-madaniy xususiyatlar mahalla an'analari, oilaviy va qo'shniçilik munosabatlari hisobga olingan holda moslashtirilgan model ishlab chiqish lozim.

O'zbekistonda videokuzatuv tizimi oxirgi yillarda kengaytirilmoqda, ammo Janubiy Koreyadagidek sun'iy intellekt asosidagi aqlli kameralar va prognozli tahlil tizimlari hali keng miqyosda joriy etilmagan. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025-yil 30-apreldagi "Axborot texnologiyalari yordamida sodir etiladigan jinoyatlarga qarshi kurashish faoliyatini yanada kuchaytirishga qaratilgan chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-153-son qarori axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlarga qarshi yangi chora-tadbirlarni belgilagan [18], ammo bu boradagi islohotlar hali boshlang'ich bosqichda. Shu munosabat bilan, Janubiy Koreyaning big data tahlili va SI asosidagi videokuzatuv tajribasidan o'rganish maqsadga muvofiqdir.

Shu bilan birga, texnologik innovatsiyalarni joriy etishda shaxsiy ma'lumotlar himoyasi masalasini ham hisobga olish zarur. Germaniya tajribasidan ma'lumki, raqamli kuzatuv vositalaridan keng foydalanish fuqarolar shaxsiy hayotining daxlsizligi bo'yicha jiddiy munozaralarni keltirib chiqarmoqda. O'zbekistonda ham videokuzatuv tizimlarini kengaytirish jarayonida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish bo'yicha tegishli qonunchilik kafolatlari o'rnatilishi lozim.

O'zbekistonda takroriy jinoyatchilar barcha jinoyatlarning 36,1 foizini sodir etmoqda [2], bu esa rehabilitatsiya va ijtimoiy reintegratsiya tizimining samaradorligi masalasini ko'ndalang qo'ymoqda. 2021-yilgi Kioto Deklaratsiyasi va 2025-yilda ko'rib chiqilishi belgilangan "Kioto model strategiyalari" takroriy jinoyatchilikni kamaytirishni jinoiy adolat aralashuvlarining asosiy maqsadlaridan biri sifatida belgilaydi [19].

O'zbekistonda jinoyat sodir etgan shaxslarni ijtimoiy rehabilitatsiya qilish va jamiyatga qayta integratsiya qilish tizimini mustahkamlash zarur. Buning uchun, birinchidan, ozodlikdan mahrum etish muassasalarida kasb-hunar o'rgatish dasturlarini kengaytirish; ikkinchidan, jazoni o'tab chiqqan shaxslarni ish bilan ta'minlash uchun ishlab chiqaruvchilarga imtiyozlar joriy etish; uchinchidan, probatsiya xizmatining shaxsiy rehabilitatsiya dasturlarini ishlab chiqish tizimini takomillashtirish lozim.

Yuqoridagi tahlil va xulosalar asosida O'zbekiston qonunchiligini takomillashtirish bo'yicha quyidagi aniq tavsiyalar ishlab chiqilgan:

Birinchidan, "Huquqbuzarliklar profilaktikasi to'g'risida"gi Qonunga "Jamoatchilik ishtirokida jinoyatchilikning oldini olish" degan alohida bob kiritish taklif etiladi. Bu bobda mahalla

ko'ngillilarining huquqiy maqomi, ularni tayyorlash tartibi, moliyalashtirish mexanizmlari va politsiya bilan hamkorlik shakllari belgilanishi kerak. Yaponiya tajribasidan kelib chiqib, "mahalla xavfsizlik ko'ngillilari" institutini tashkil etish va ularning muntazam reydlar o'tkazish tartibini normativ tartibda mustahkamlash lozim.

Ikkinchidan, "Jinoyatchilikning oldini olishda raqamli texnologiyalarni qo'llash konsepsiyasi"ni ishlab chiqish lozim. Ushbu konsepsiya sun'iy intellekt asosidagi aqlli videokuzatuv kameralarini joriy etish, big data tahlili orqali jinoyatga moyil hududlarni aniqlash va prognozli politsiya tizimini bosqichma-bosqich joriy etish masalalarini qamrab olishi lozim. Janubiy Koreyaning Seul shahri tajribasi ushbu konsepsiyaning modelidir.

Uchinchidan, Kriminologik tadqiqot instituti faoliyatini "dalillarga asoslangan" (evidence-based) tamoyil asosida tashkil etish tavsiya etiladi. Buning uchun: a) barcha jinoyatchilikni oldini olish dasturlari va loyihalarining samaradorligini ilmiy baholash (evaluation) majburiy tartibga aylantirilishi; b) Germaniyaning tajribasidan foydalanib, har yili "O'zbekistonda jinoyatchilikni oldini olish: holat va istiqbollar" degan milliy hisobot chop etilishi; v) xorijiy ilmiy tadqiqot markazlari bilan doimiy hamkorlik o'rnatilishi lozim.

Xulosa qilib aytganda, jinoyatchilikning oldini olish bugungi kunda faqatgina huquqni muhofaza qiluvchi organlarning vazifasi emas, balki butun jamiyatning birgalikdagi sa'y-harakatini talab qiladigan kompleks ijtimoiy-huquqiy jarayondir. Xorijiy mamlakatlarning ilg'or tajribasidan o'rganish va uni milliy sharoitga moslashtirish O'zbekistonning jamoat xavfsizligini yanada mustahkamlashga xizmat qiladi.

IQTIBOSLAR/СНОСКИ/REFERENCES:

1. UNODC. Guidelines for the Prevention of Crime. ECOSOC Resolution 2002/13. United Nations Office on Drugs and Crime. <https://www.unodc.org/unodc/justice-and-prison-reform/cpcj-crimeprevention-home.html>
2. Crime rate in Uzbekistan: MIA reports nearly 200 offenses per 100,000 people for 2024. <https://kun.uz/en/news/2025/02/27/crime-rate-in-uzbekistan-mia-reports-nearly-200-offenses-per-100000-people-for-2024>
3. S.Niyozova, N.Salayev. Kriminologiya (maxsus qism). Darslik. T.: 2024. TDYU nahsriyoti. 153-b. <https://library-tsul.uz/kriminologiya-maxsus-qism-niyozova-s-salayev-n-2024/>
4. Франк Л.В. Виктимология и виктимность: Душанбе. 1972. – В.8-12. [Frank L.V. Victimology and victimization. Dushanbe. 1972. P.8-12].
5. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 15.01.2024-yildagi "Jamoat xavfsizligini ta'minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga ko'tarish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PF-10-son Farmoni. Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 16.01.2024-y., 06/24/10/0031-son. <https://lex.uz/uz/docs/-6755597>
6. Hino K. Plus Bouhan: A new community-based approach to crime prevention in Japan. International Journal of Law, Crime and Justice. 2018;53:78-90. doi:10.1016/j.ijlcrj.2018.03.002
7. Héra G. The Japanese kōban community policing system. Belügyi Szemle. 2024;1:1-25. <https://www.researchgate.net/publication/377804573>
8. Hino K, Chronopoulos T. A review of crime prevention activities in a Japanese local government area since 2008: Beautiful Windows Movement in Adachi Ward. Crime Prevention and Community Safety. 2021;23:256-275. doi:10.1057/s41300-021-00114-w
9. Hino K. Plus Bouhan: A new community-based approach to crime prevention in Japan. International Journal of Law, Crime and Justice. 2018;53:78-90. doi:10.1016/j.ijlcrj.2018.03.002
10. Bundeskriminalamt (BKA). Crime Control Strategy. https://www.bka.de/EN/OurTasks/Remit/CentralAgency/CrimeControlStrategy/crimeControlStrategy_node.html
11. Feltes T. Community Policing in Germany. In: IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2013. Baden-Baden; 2014. pp. 219-230.
12. Kriminalistisch-kriminologische Forschungsgruppe. Crime Prevention in Germany: Selected Projects. 2004. <https://www.kriminalpraevention.de/files/DFK/sprachen/en/09selected-projects-2004.pdf>
13. Bundeskriminalamt (BKA). Crime Control Strategy. https://www.bka.de/EN/OurTasks/Remit/CentralAgency/CrimeControlStrategy/crimeControlStrategy_node.html

14. Enhanced CCTV surveillance bolsters crime prevention across Seoul. The Korea Times, August 18, 2025. <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/law-crime/20250819/enhanced-cctv-surveillance-bolsters-crime-prevention-across-seoul>

15. Seoul Metropolitan Government. Smart Public Safety. <https://english.seoul.go.kr/seoul-policy-archive/smart-public-safety/>

16. IFSEC Global. The use of AI in predicting future crime in South Korea. 2020. <https://www.ifsecglobal.com/video-surveillance/the-use-of-ai-in-predicting-future-crime-in-south-korea/>

17. UNODC. Handbook on the Crime Prevention Guidelines: Making them work. United Nations, New York; 2010. https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_Crime_Prevention_Guidelines_-_Making_them_work.pdf

18. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 30.04.2025-yildagi "Axborot texnologiyalari yordamida sodir etiladigan jinoyatlarga qarshi kurashish faoliyatini yanada kuchaytirishga qaratilgan chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-153-son qarori. Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi, 06.05.2025-y., 07/25/153/0411-son. <https://www.lex.uz/ru/docs/-7511145>

19. UNODC. Crime Prevention and Criminal Justice Reform — Model Strategies on Reducing Reoffending. 2025. <https://www.unodc.org/unodc/justice-and-prison-reform/cpcj-model-strategies-on-reducing-reoffending.html>

СОЛИЕВА СабрияЭксперт-юрист в области кибербезопасности
Компания ООО «Rubicon Wireless Communication»
E-mail: sabriyasolieva@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УТЕЧКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): СОЛИЕВА С. Уголовно-правовые аспекты ответственности за утечку персональных данных в Республике Узбекистан // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) С. 115-123.

 2 (2026) DOI <http://https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-012>

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы уголовно-правовые аспекты ответственности за утечку персональных данных в условиях цифровой среды. Установлено, что стремительное развитие информационных технологий и увеличение объёма обрабатываемых персональных данных обуславливают рост рисков их неправомерного использования и распространения. Выявлено, что действующее уголовное законодательство Республики Узбекистан не в полной мере учитывает специфику цифровых процессов обработки данных, что приводит к трудностям квалификации соответствующих деяний. Рассмотрены основные проблемы уголовно-правового регулирования, включая отсутствие самостоятельного состава преступления, размытость субъекта ответственности, а также сложности установления общественно опасных последствий, обусловленных нематериальным и отсроченным характером вреда. Оценено влияние трансграничного характера утечек персональных данных на эффективность правоприменения. Проведён критический и сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта, позволивший выявить более детализированные и эффективные модели уголовно-правовой защиты персональных данных. Охарактеризованы ключевые направления совершенствования национального законодательства, включая необходимость введения самостоятельного состава преступления, дифференциации ответственности, а также усиления механизмов защиты прав субъектов персональных данных. Сделан вывод о необходимости модернизации уголовного законодательства с учётом современных цифровых вызовов и международной практики.

Ключевые слова: персональные данные, утечка персональных данных, уголовная ответственность, цифровая среда, защита данных, киберпреступления, правовое регулирование, информационная безопасность, квалификация преступлений, трансграничная передача данных.

SOLIYEVA Sabriya Ravshan qiziKiberxavfsizlik bo'yicha yurist-ekspert
"Rubicon Wireless Communication" MChJ
E-mail: sabriyasolieva@gmail.com

О'ЗБЕКISTON RESPUBLIKASIDA SHAXSGA DOIR MA'LUMOTLAR SIZIB CHIQUISHI UCHUN JINOIY-HUQUQIY JAVOBGARLIK MASALALARI

ANNOTATSIYA

Ushbu ilmiy maqolada zamonaviy raqamli muhit sharoitida shaxsga doir ma'lumotlar qonunga xilof ravishda sizib chiqishi uchun javobgarlikning dolzarb jinoiy-huquqiy jihatlari atroflicha tadqiq

etilgan. Axborot texnologiyalarining jadal rivojlanishi va raqamli makonda ishlov beriladigan shaxsiy ma'lumotlar hajmining keskin ortishi ulardan maqsadsiz foydalanish xavfini oshirishi o'rnatildi. O'zbekiston Respublikasining amaldagi jinoiy qonunchiligi raqamli jarayonlarning o'ziga xos xususiyatlarini hali to'liq qamrab olmaganligi, bu esa ijtimoiy xavfli qilmishlarni huquqiy malakalashda jiddiy qiyinchiliklar tug'dirishi aniqlandi. Maqolada mustaqil jinoiy tarkibining mavjud emasligi, javobgarlik subyektining noaniqligi hamda zararli oqibatlarni aniqlashdagi murakkabliklar kabi tizimli muammolar ko'rib chiqilgan. Shuningdek, global axborot makonidagi transchegaraviy sizib chiqishlarning milliy huquqni qo'llash amaliyoti samaradorligiga ko'rsatadigan salbiy ta'sir baholandi. Rivojlangan xorijiy davlatlar tajribasini qiyosiy-huquqiy tahlil qilish natijasida shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilishning yanada takomillashgan modellari ma'lum bo'ldi. Milliy qonunchilikni modernizatsiya qilishning ustuvor yo'nalishlari va asosiy muntazamliklar tavsiflandi. Yakunda jinoiy qonunchilikni zamonaviy raqamli tahdidlar, kiberxavfsizlik talablari va ilg'or xalqaro standartlarni hisobga olgan holda tubdan isloh qilish zarurligi to'g'risida asoslantirilgan xulosalar bayon etilgan.

Kalit so'zlar: shaxsga doir ma'lumotlar, shaxsga doir ma'lumotlarning sizib chiqishi, jinoiy javobgarlik, raqamli muhit, ma'lumotlarni himoya qilish, kiberjinoiyatlar, huquqiy tartibga solish, axborot xavfsizligi, jinoiyatlarni kvalifikatsiya qilish, ma'lumotlarni transchegaraviy uzatish.

SABRIYA Soliyeva

Legal Expert in Cybersecurity
«Rubicon Wireless Communication» LLC
E-mail: sabriyasoliyeva@gmail.com

CRIMINAL LAW ASPECTS OF LIABILITY FOR PERSONAL DATA BREACHES IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

ANNOTATION

This article examines the criminal law aspects of liability for personal data breaches in the digital environment. It is found that the rapid development of information technologies and the increasing volume of processed personal data lead to growing risks of unlawful use and dissemination. It is established that the current criminal legislation of the Republic of Uzbekistan does not fully reflect the specifics of digital data processing, resulting in difficulties in legal qualification. The main problems are considered, including the absence of an independent corpus delicti, the ambiguity of the subject of liability, and challenges in determining socially dangerous consequences. The impact of the cross-border nature of data breaches is evaluated. Regularities are characterized through a comparative legal analysis of foreign experience, revealing more detailed and effective models of criminal law protection. Directions for improving national legislation are proposed. It is concluded that modernization of criminal law is necessary.

Keywords: personal data, personal data breach, criminal liability, digital environment, data protection, cybercrime, legal regulation, information security, crime qualification, cross-border data transfer

Утечка персональных данных представляет собой одну из наиболее острых и системных проблем как в Республике Узбекистан, так и в мировом масштабе. Стремительное развитие информационных технологий, цифровых платформ и электронных сервисов обусловило значительное увеличение объема обрабатываемых персональных данных, что, в свою очередь, привело к росту рисков их неправомерного использования, распространения и утраты [1, В.3]

Особую сложность в сфере защиты и регулировании персональных данных представляет не только технический аспект обеспечения их безопасности, но и правовая неопределённость, связанная с механизмами контроля, надзора и выявления правонарушений. Процессы обработки данных в цифровой среде носят распределённый, многоуровневый и зачастую трансграничный характер, что существенно затрудняет установление факта противоправного

воздействия, определение круга ответственных лиц, а также последующую правовую квалификацию соответствующих деяний.

Под утечкой персональных данных следует понимать неправомерное раскрытие, распространение либо предоставление персональной информации третьим лицам без законных оснований или согласия субъекта данных, в том числе в результате нарушения требований к их обработке и защите [2]. Утечка может происходить как вследствие умышленных действий (например, незаконная передача или продажа баз данных), так и в результате неосторожности, связанной с недостаточным уровнем технической или организационной защиты информации. Между тем утечка персональных данных способна повлечь существенные негативные последствия для прав и законных интересов личности, включая вмешательство в частную жизнь, причинение материального и репутационного вреда, а также использование персональных данных для совершения мошеннических и иных преступлений [3], [4]. Несмотря на это, существующие механизмы правовой защиты, в том числе уголовно-правовые, не всегда оказываются достаточными для эффективного противодействия данным угрозам.

Действующее уголовное законодательство Республики Узбекистан не в полной мере обеспечивает эффективную правовую реакцию на утечки персональных данных в условиях цифровой среды. Несмотря на формальное наличие статьи 141-2 Уголовного Кодекса Республики Узбекистан (далее по тексту – УК РУз), её конструкция не позволяет в достаточной степени учитывать особенности современных цифровых процессов обработки информации и связанных с ними рисков.

Особую проблему представляет размытость субъекта ответственности в условиях распределённой обработки данных, а также сложность установления причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и наступившими последствиями. Дополнительные трудности возникают при квалификации и оценке вреда, который зачастую носит нематериальный, отсроченный или потенциальный характер. С учётом проведённого сравнительно-правового анализа зарубежного опыта обоснована необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования в данной сфере. В частности, представляется целесообразным уточнение элементов состава, включая формы вины, а также внедрение более дифференцированного подхода к ответственности с учётом характера данных и степени общественной опасности деяния.

Уголовно-правовое регулирование защиты персональных данных в Республике Узбекистан на сегодняшний день в значительной степени сосредоточено в рамках статьи 141-2 УК РУз, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства о персональных данных [5]. Указанная норма представляет собой ключевой инструмент уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений, направленных на защиту персональной информации. Вместе с тем её содержание и правоприменительная практика свидетельствуют о наличии ряда концептуальных и практических проблем, обусловленных как особенностями самой конструкции состава преступления, так и стремительным развитием цифровой среды, в которой обработка и утечка персональных данных приобретают качественно новые формы [6]. В этой связи представляется необходимым проведение критического анализа статьи 141-2 УК РУз с точки зрения её способности обеспечивать эффективную уголовно-правовую защиту персональных данных, выявление существующих пробелов и противоречий, а также сопоставление национального подхода с зарубежным опытом регулирования. Такой анализ позволит сформулировать обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства с учётом современных цифровых вызовов и рисков.

Статья 141-2 УКРУз закрепляет уголовную ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, охватывая широкий перечень противоправных действий, включая незаконный сбор, хранение, использование, распространение и иные формы обработки персональных данных [5]. Формально данная норма представляет собой комплексный механизм уголовно-правовой защиты персональных данных, ориентированный на регулирование их оборота, в том числе с использованием информационных технологий. При более детальном анализе содержания данной статьи выявляется её чрезмерно широкий и в определённой степени декларативный характер. Перечень действий, указанных в диспозиции нормы, охватывает практически все возможные операции с персональными данными, что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить максимальную защиту соответствующих общественных отношений, однако, с другой стороны, создаёт значительные сложности для правоприменительной практики. В частности, отсутствие чёткой дифференциации между отдельными формами противоправного поведения затрудняет квалификацию деяний и разграничение уголовной и административной ответственности. Особое внимание заслуживает положение о наступлении уголовной ответственности лишь при условии предварительного применения административного взыскания. Данная конструкция фактически свидетельствует о вторичном, субсидиарном характере уголовно-правовой защиты персональных данных, при котором утечка или иное неправомерное использование персональных данных первоначально рассматривается как административное правонарушение. В условиях цифровой среды, где утечка персональных данных может повлечь существенные и зачастую необратимые последствия для прав и законных интересов личности, подобный подход вызывает обоснованные сомнения в его эффективности. Кроме того, проблемным аспектом является неопределённость в установлении общественно опасных последствий, особенно в случаях, не подпадающих под квалифицирующие признаки части второй данной статьи. Законодатель не раскрывает критерии «тяжких последствий», что создаёт риск субъективного толкования и неоднородности судебной практики. При этом значительная часть вреда от утечек персональных данных носит нематериальный, отсроченный или потенциальный характер, что затрудняет его оценку в рамках традиционных подходов уголовного права.

В том числе особую актуальность представляет квалификация утечек персональных данных в рамках действующего Уголовного Кодекса. Несмотря на формальное закрепление ответственности за нарушение законодательства о персональных данных, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, обусловленных особенностями цифровой среды. Прежде всего, значительные трудности возникают при установлении причинно-следственной связи между действиями виновного лица и наступившими последствиями. В условиях распределённой обработки данных, использования облачных технологий и привлечения множества субъектов (операторов, администраторов, подрядчиков) процесс обработки персональных данных приобретает сложный многоуровневый характер [6]. Это затрудняет выявление конкретного лица, действия которого привели к утечке, а также установление степени его вины. Кроме того, проблема разграничения форм вины. Утечки персональных данных могут происходить как в результате умышленных действий (например, незаконная передача или продажа баз данных), так и вследствие неосторожности, выражающейся в недостаточном обеспечении мер защиты информации. Однако на практике разграничение указанных форм вины вызывает затруднения, поскольку последствия могут быть идентичными, а доказательная база — ограниченной. Дополнительной проблемой является оценка общественно опасных последствий утечки персональных данных. В отличие от традиционных преступлений, вред в

рассматриваемых случаях зачастую носит нематериальный, отсроченный или потенциальный характер. Персональные данные могут быть использованы спустя значительное время после их утечки, что усложняет установление факта причинения вреда и его объёма.

Кроме того, необходимо обратить внимание на разграничение уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных. В действующей редакции статьи 141-2 УК РУз уголовная ответственность носит субсидиарный характер и наступает лишь после применения административного взыскания, что фактически размывает границы между указанными видами ответственности. На мой взгляд подобная конструкция не соответствует современным условиям цифровой среды, в которой утечки персональных данных способны повлечь масштабные и трудноустраняемые последствия уже при первом совершении деяния. В этой связи разграничение уголовной и административной ответственности должно осуществляться не формально, а на основе критериев общественной опасности. В качестве таких критериев целесообразно рассматривать: масштаб утечки персональных данных; категорию затронутой информации (включая биометрические и чувствительные данные); форму вины (умысел либо неосторожность); характер и степень последствий, включая нематериальный и потенциальный вред. При этом административная ответственность должна применяться в случаях единичных и малозначительных нарушений, не повлёкших существенного вреда, тогда как уголовная ответственность — при наличии умысла, массового распространения данных, использовании служебного положения либо создании реальной угрозы причинения вреда правам субъектов персональных данных.

Следовательно специфика цифровой среды обуславливает необходимость пересмотра традиционных подходов к квалификации преступлений, связанных с персональными данными, а также разработки более гибких и адаптированных уголовно-правовых механизмов реагирования.

В научной литературе, посвящённой вопросам уголовно-правовой защиты персональных данных, отсутствует единый подход к оценке достаточности действующего регулирования, что свидетельствует о формировании доктринальной дискуссии по данному вопросу. С одной стороны, в ряде исследований обращается внимание на недостаточную эффективность существующего механизма ответственности в Республике Узбекистан. Отмечается, что действующая система санкций не в полной мере учитывает масштаб правонарушения, характер обработки персональных данных и степень причинённого вреда, а также не обеспечивает должной дифференциации ответственности в зависимости от формы вины и последствий. Кроме того, указывается на отсутствие пропорциональности наказания, в связи с чем санкции могут не обладать достаточным сдерживающим эффектом, особенно в отношении крупных операторов персональных данных. В таких условиях ответственность может восприниматься не как превентивная мера, а как допустимый риск осуществления деятельности [7]. С другой стороны, высказывается позиция, согласно которой действующее уголовно-правовое регулирование обладает достаточным потенциалом за счёт своего комплексного характера. Подчёркивается, что персональные данные охраняются не изолированно, а в системе взаимосвязанных объектов уголовно-правовой защиты, включающих информационную безопасность, права личности и общественную безопасность [8]. Однако, на мой взгляд признание достаточности существующего регулирования не учитывает масштабность и трансграничный характер утечек персональных данных, их высокую латентность, а также возможность многократного использования информации после её незаконного распространения. В свою очередь, сосредоточение исключительно на усилении санкций без изменения конструкции уголовно-правовой нормы не позволяет устранить проблемы квалификации и доказательства.

Анализ зарубежного законодательства позволяет выявить иные, более системные подходы к уголовно-правовой охране персональных данных [4] [9]. В Японии уголовно-правовая защита персональных данных осуществляется, в том числе, на основе Закона «О защите личной информации» 2003 года. Особенностью данного подхода является институциональное разделение: в рамках одного нормативного акта детально определяется правовой статус персональных данных (статья 2), а также устанавливаются основания и меры уголовной ответственности (раздел VIII, статьи 176-185) [3] [10]. Подобная конструкция позволяет обеспечить более чёткую взаимосвязь между определением объекта правовой охраны и санкциями за его нарушение. В отличие от более абстрактных формулировок, характерных для уголовного законодательства ряда стран, японская модель демонстрирует высокий уровень нормативной определённости, что способствует единообразию правоприменительной практики и снижает риск произвольного толкования.

В свою очередь, в Южной Корее уголовно-правовая охрана персональных данных реализуется в рамках Закона «О защите персональной информации» 2011 года (Personal Information Protection Act – PIPA) [11], который считается одним из наиболее строгих в мире. В отличие от японского подхода, корейская модель характеризуется не только детальной регламентацией обязанностей операторов персональных данных, но и широким перечнем конкретизированных составов правонарушений. В частности, уголовно наказуемыми признаются такие деяния, как незаконное получение персональных данных, их разглашение в процессе исполнения служебных обязанностей, а также непринятие мер по их удалению по истечении установленного срока хранения [3].

Существенным отличием корейской модели является также наличие дополнительных механизмов воздействия, направленных на усиление превентивной функции уголовного права. Так, наряду с традиционными видами наказаний (лишение свободы и штраф), законодатель предусматривает возможность конфискации или взыскания прибыли, полученной в результате незаконного использования персональных данных. Данный подход отражает признание экономической ценности персональных и направлен на устранение финансовой заинтересованности в совершении соответствующих правонарушений.

Интерес представляет также подход Российской Федерации к уголовно-правовой защите персональных данных, который, в отличие от Республики Узбекистан, характеризуется более детализированным и дифференцированным регулированием. В частности, уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными закреплена в специальной норме – статье 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [12]. Анализ содержания данной статьи позволяет отметить, что российский законодатель выделяет самостоятельный состав преступления, непосредственно связанный с незаконным оборотом персональных данных. В отличие от более обобщённой конструкции статьи 141-2 УК РУз, норма Уголовного Кодекса Российской Федерации детально разграничивает формы противоправного поведения, включая незаконный сбор, хранение, использование и распространение персональных данных, полученных незаконным путём. Существенным преимуществом российской модели является градация ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Так, законодатель выделяет квалифицирующие признаки, связанные с обработкой данных особых категорий (например, биометрических или данных несовершеннолетних), наличием корыстной заинтересованности, причинением крупного ущерба, использованием служебного положения, а также совершением деяния группой лиц [13]. Более того, отдельно предусматривается ответственность за трансграничную передачу персональных данных, что отражает современный характер цифровых угроз.

Особого внимания заслуживает также криминализация создания и функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконного оборота персональных данных. Данная норма демонстрирует переход от реактивного к превентивному подходу уголовно-правовой защиты, направленного на пресечение инфраструктуры, обеспечивающей распространение незаконных баз данных. Вместе с тем, несмотря на более высокий уровень нормативной детализации, российская модель не лишена дискуссионных аспектов. В частности, остаётся актуальной проблема установления причинно-следственной связи между действиями виновного лица и наступившими последствиями, а также вопросы разграничения уголовной и административной ответственности.

Кроме того, широкая диспозиция статьи может породить риск избыточной криминализации при отсутствии чётких критериев оценки общественной опасности деяния [14]. Тем не менее, в сравнении с законодательством Республики Узбекистан, российский подход представляется более адаптированным к условиям цифровой среды, поскольку предусматривает самостоятельную уголовно-правовую оценку незаконного оборота персональных данных, учитывает разнообразие форм противоправного поведения и вводит дополнительные механизмы ответственности, включая квалифицирующие признаки и специальные составы.

Проведённый анализ статьи 141-2 УК РУз, а также сравнительное исследование зарубежного опыта позволяют сформулировать ряд конкретных предложений, направленных на повышение эффективности уголовно-правовой защиты персональных данных в условиях цифровой среды. Во-первых, необходимо выделить утечку персональных данных в качестве самостоятельного состава преступления, с закреплением в диспозиции нормы чёткого определения утечки как неправомерного раскрытия, распространения либо предоставления персональной информации третьим лицам без законных оснований. Это позволит устранить существующую неопределённость и повысить качество квалификации соответствующих деяний: **«незаконное раскрытие, распространение либо предоставление персональных данных третьим лицам без согласия субъекта данных или иных законных оснований, совершённое с использованием информационных технологий, — наказывается...»**. Во-вторых, необходимо закрепить дифференцированный подход к ответственности в зависимости от категории персональных данных. В частности, следует предусмотреть повышенную ответственность за незаконные действия с биометрическими данными, данными несовершеннолетних, а также иными чувствительными категориями информации. В-третьих, необходимо введение квалифицирующих признаков, в том числе связанных с трансграничной передачей персональных данных, совершением деяния с использованием служебного положения, извлечением имущественной выгоды, а также характером и объёмом распространённых данных. Указанные признаки позволят устранить существующие сложности квалификации, дифференцировать ответственность и обеспечить единообразие правоприменительной практики. Возможная формулировка квалифицированного состава: **«то же деяние, совершённое:**

- а) в отношении биометрических данных;**
- б) с использованием служебного положения;**
- в) с целью извлечения имущественной выгоды;**
- г) путём трансграничной передачи персональных данных;**
- д) повлёкшее тяжкие последствия, — наказывается...».**

В-четвертых, необходимо нормативное закрепление критериев оценки общественно опасных последствий утечки персональных данных, включая признание нематериального, отсроченного и потенциального вреда в качестве значимых последствий. Это позволит

устранить существующие сложности в доказывании и обеспечит единообразие правоприменительной практики. В частности, к числу таких последствий целесообразно отнести: **«причинение вреда неприкосновенности частной жизни; создание угрозы использования персональных данных для совершения мошеннических и иных преступлений; распространение персональных данных неограниченному кругу лиц; причинение репутационного или имущественного вреда, в том числе в потенциальной форме»**. В-пятых, следует рассмотреть возможность введения уголовной ответственности за создание, администрирование и использование информационных ресурсов, предназначенных для незаконного оборота персональных данных, включая базы данных и цифровые платформы. Данная мера позволит перейти от реактивного к превентивному подходу в противодействии утечкам персональных данных. В частности, под такими ресурсами могут пониматься интернет-сайты, телеграм-каналы, базы данных, маркетплейсы или иные цифровые платформы, используемые для систематического хранения, распространения или продажи персональных данных без законных оснований. Представляется возможным закрепить следующей диспозиции: **«создание, администрирование либо использование информационных ресурсов, заведомо предназначенных для незаконного сбора, хранения, распространения или иного оборота персональных данных, — наказывается...»**. При этом квалифицирующими признаками могут выступать: **совершение деяния группой лиц; извлечение имущественной выгоды; массовый характер распространения персональных данных**. Закрепление подобной нормы позволит пресекать не только последствия утечек, но и функционирование инфраструктуры, обеспечивающей незаконный оборот персональных данных, что соответствует современным тенденциям развития киберпреступности. В-шестых, целесообразно определить признаки субъекта преступления, включая закрепление ответственности не только физических лиц, но и должностных лиц организаций, осуществляющих обработку персональных данных, с учётом их роли в обеспечении безопасности информации. В частности, к числу таких лиц могут относиться руководители организаций, компаний, администраторы информационных систем, сотрудники, ответственные за обработку и защиту персональных данных, а также иные лица, на которых возложены соответствующие обязанности. В этой связи целесообразно закрепить положения о том, что уголовная ответственность наступает в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения обязанностей по обеспечению безопасности персональных данных, если это повлекло их утечку либо создало реальную угрозу наступления таких последствий. Предлагается следующая формулировка диспозиции: **«нарушение установленных требований по обеспечению безопасности персональных данных лицом, обязанным соблюдать такие требования в силу занимаемой должности или выполняемых функций, повлёкшее их незаконное раскрытие, распространение либо предоставление третьим лицам, — наказывается...»**. Закрепление подобной нормы позволит устранить неопределённость в распределении ответственности между участниками обработки персональных данных и повысить уровень защищённости информации в организациях.

Таким образом, предложенные изменения направлены на формирование более чёткой, дифференцированной и адаптированной к цифровой среде системы уголовно-правовой защиты персональных данных, обеспечивающей эффективное противодействие современным угрозам.

Представленные предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Республики Узбекистан направлены на устранение выявленных пробелов и повышение эффективности уголовно-правовой защиты персональных данных. Следует отметить, что предлагаемые изменения основаны не только на теоретическом анализе, но и на выявленных в

правоприменительной практике проблемах, включая сложности квалификации, неоднородность судебной практики и недостаточную эффективность действующих механизмов ответственности. В этой связи их реализация позволит обеспечить не формальное, а содержательное усиление уголовно-правовой защиты персональных данных.

В этой связи, дальнейшее развитие уголовного законодательства в сфере защиты персональных данных должно осуществляться с учётом международного опыта, технологических изменений и необходимости обеспечения баланса между интересами государства, общества и личности, что является ключевым условием формирования эффективной и устойчивой системы правового регулирования в цифровую эпоху.

CHOCKI/IQTIBOSLAR/REFERENCES:

1. Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук — 2017г. — Текст: непосредственный.
2. Утечка персональных данных. — Текст: электронный // URL: <https://academy-of-capital.ru/blog/utechka-personalnykh-dannykh/> (дата обращения: 31.03.2026)
3. Волкова А. Ю. Современное состояние уголовно-правовой охраны персональных данных: зарубежный опыт. — Текст: электронный // URL: <https://legascom.ru/notes/10615-sovremennoe-sostoyanie-ugolovno-pravovoi-okhrany-personalnykh-dannykh-zarubezhnyi-opyt-volkova-a-yu> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Утечка персональных данных. — Текст: электронный // сайт «Лаборатория Касперского» // URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/data-breach> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан. — Текст: официальный // URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 20.03.2026).
6. К задаче выявления утечек персональных данных: классификация через атрибутивный анализ. — Текст: электронный // URL: https://www.researchgate.net/publication/400489110_K_zadace_vyavleniya_utecek_personalnyh_dannyh_klassifikaciya_cerez_atributivnyi_analiz On the problem of detecting personal data breaches classification through attribute-based analysis (дата обращения: 1.04.2026)
7. Азимжонов Д. Д. Правовые механизмы защиты персональных данных в условиях цифровых угроз Республики Узбекистан // CENTRAL ASIAN JOURNAL OF ACADEMIC RESEARCH. — 2025. — Текст: непосредственный.
8. Бахадирова И. И. Особенности защиты персональных данных в уголовном праве Республики Узбекистан // Сборник материалов международной научной конференции «Zamonaviy dunyoda ijtimoiy fanlar: nazariy va amaliy izlanishlar». — Текст: непосредственный. — DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18547931>.
9. Прокопенко А. Н. Борьба с утечками персональных данных – поможет ли ужесточение ответственности? — Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-utechkami-personalnyh-dannyh-pomozhet-li-uzhestochenie-otvetstvennosti/viewer> (дата обращения: 26.03.2026).
10. Уголовный Кодекс Японии. — Текст: перевод// URL: [Уголовный кодекс Японии | Россия: Библиотека Пашкова](#) (дата обращения: 20.03.2026).
11. Уголовный Кодекс Южной Кореи. — Текст: перевод // URL: [Уголовный кодекс Республики Корея 형법](#) (дата обращения: 21.03.2026).
12. Уголовный Кодекс Российской Федерации. — Текст: официальный // URL: [«Уголовный кодекс Российской Федерации» \(УК РФ\) от 13.06.1996 N 63-ФЗ \(последняя редакция\) \ КонсультантПлюс](#) (дата обращения: 21.03.2026).
13. Ужесточение ответственности за утечку персональных данных в 2025 году. — Текст: электронный // URL: <https://ideco.ru/uzhestvochenie-otvetstvennosti-za-utechku-personalnykh-dannykh-v-2025-godu> (дата обращения: 22.03.2026).
14. Вагидов А. Н., Болдырева А. А. Кибербезопасность: юридическая ответственность за утечку данных. — Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-utechku-dannyh/viewer> (дата обращения: 27.03.2026).

FAYZULLAYEV Aslbek Ulug'bek o'g'liToshkent davlat yuridik universiteti
Jinoyat huquqi, kriminologiya va
korrupsiyaga qarshi kurashish sho'basi
mustaqil izlanuvchisi
E-mail: Aslbekf@mail.ru

MULKNI QASDDAN NOBUD QILISH YOKI UNGA ZARAR YETKAZISH JINOYATINING SUBYEKTIGA OID AYRIM MULOHAZALAR

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): FAYZULLAYEV A.U. Mulkn qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish jinoyatining subyektiga oid ayrim mulohazalar // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 124-132.

2 (2026) DOI [http: https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-013](http://https://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-013)

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada mulkn qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish jinoyatining subyektiga oid zaruriy belgilari nazariy hamda amaliy jihatdan tahlil qilingan. Xususan, jinoyat subyekt tushunchasi, uning asosiy belgilaridan biri sifatida jinoiy javobgarlik yoshi va aqli rasolik mezonlari ilmiy asosda yoritiladi. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 173-moddasi doirasida ushbu jinoyatni sodir etuvchi shaxslarning yosh xususiyatlari va ularning javobgarlikka tortilish mezonlari o'rganiladi. Statistik ma'lumotlar asosida voyaga yetmaganlar tomonidan sodir etilgan mazkur turdagi jinoyatlarning ulushi nisbatan past ekanligi aniqlanadi. Muallif jinoiy javobgarlik yoshini aniqlashda tibbiy-biologik, ijtimoiy-psixologik hamda huquqiy mezonlar o'zaro chambarchas bog'liq ekanligini asoslab bergan, shuningdek, ushbu omillarning jinoyat subyekt tushunchasini shakllantirishdagi o'rni va ahamiyatini izchil tahlil qilgan. Maqolada O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi normalari asosida jinoiy javobgarlik yoshining umumiy va ayrim jinoyatlar uchun belgilangan maxsus chegaralari, shuningdek, voyaga yetmagan shaxslarning yoshini aniqlash tartibi va protsessual xususiyatlari tahlil qilingan. Mazkur jinoyatni sodir etishda voyaga yetmaganlarning ulushi nisbatan past bo'lib, ayniqsa 14–16 yosh toifasida bu ko'rsatkich juda kam darajada namoyon bo'ladi. Shu asosda jinoiy javobgarlik yoshini pasaytirish zarurati mavjud emasligi, balki amaldagi yondashuv ilmiy va amaliy jihatdan asoslanganligi xulosasi ilgari suriladi. Maqolada, jinoyat subyekt bilan bog'liq ayrim nazariy muammolar yuzasidan mualliflik yondashuvlari ham ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: jinoyat subyekt, jismoniy shaxs, yuridik shaxs, voyaga yetmagan shaxs, jinoiy javobgarlik yoshi, mulkn qasddan nobud qilish, yosh belgisi, aqli rasolik, aqli norasolik, jinoyat huquqi, jinoyat qonunchiligi, yoshni aniqlash, yosh chegarasi.

ФАЙЗУЛЛАЕВ АслбекСамостоятельный соискатель кафедры
«Уголовное право, криминология и противодействие
коррупции» Ташкентского государственного
юридического университета
E-mail: Aslbekf@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ

В данной статье теоретически и практически анализируются необходимые признаки субъекта преступления умышленного уничтожения или повреждения имущества. В частности, концепция

субъекта преступления рассматривается с научной точки зрения с учётом его основных характеристик — возраста уголовной ответственности и критерия вменяемости. В рамках статьи исследуются возрастные особенности лиц, совершающих данное преступление, а также критерии их привлечения к ответственности в соответствии со статьёй 173 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. На основании статистических данных выявлено, что доля несовершеннолетних, совершающих указанные преступления, сравнительно низка, особенно среди лиц в возрасте 14–16 лет. Автор обосновывает, что при определении возраста уголовной ответственности необходимо учитывать взаимосвязь медицинско-биологических, социально-психологических и правовых критериев, а также подробно анализирует роль этих факторов в формировании понятия субъекта преступления. В статье рассматриваются общие и специальные возрастные границы уголовной ответственности, установленные нормами УК Республики Узбекистан для отдельных видов преступлений, а также порядок определения возраста несовершеннолетних и процессуальные особенности. Доля несовершеннолетних в совершении данного преступления сравнительно невелика, особенно в возрастной группе 14–16 лет, что позволяет сделать вывод об отсутствии необходимости снижения возраста уголовной ответственности и подтверждает научную и практическую обоснованность действующего подхода. Также в работе предложены авторские подходы к некоторым теоретическим проблемам, связанным с субъектом преступления.

Ключевые слова: субъект преступления, физическое лицо, юридическое лицо, несовершеннолетний, возраст уголовной ответственности, умышленное уничтожение имущества, возрастная характеристика, вменяемость, невменяемость, уголовное право, уголовное законодательство, определение возраста, возрастная граница.

ASLBEK Fayzullayev

Independent Researcher Department of Criminal Law,
Criminology and Anti-corruption
Tashkent State University of Law
E-mail: Aslbekf@mail.ru

SOME REFLECTIONS ON THE SUBJECT OF THE CRIME OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY

ANNOTATION

This article provides a theoretical and practical analysis of the essential characteristics of the subject of the crime of intentional destruction or damage of property. In particular, the concept of the criminal subject is examined with a scientific approach, highlighting key attributes such as the age of criminal responsibility and the criterion of sanity. Within the framework of Article 173 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, the age characteristics of persons committing this crime and the criteria for their criminal liability are studied. Statistical data show that the share of such crimes committed by minors is relatively low. The author demonstrates the interrelated nature of medical-biological, socio-psychological, and legal criteria in determining the age of criminal responsibility, and thoroughly analyzes the role and significance of these factors in shaping the concept of the criminal subject. The article also examines the general and special age limits of criminal responsibility established by the norms of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan for certain types of crimes, as well as the procedures for determining the age of minors and related procedural features. Research results indicate that minors account for a relatively small proportion of these offenses, particularly in the 14–16 age group. Accordingly, there is no need to lower the age of criminal responsibility, and the current approach is justified both scientifically and practically. The article also offers the author's perspectives on certain theoretical issues related to the criminal subject.

Keywords: criminal subject, natural person, legal entity, minor, age of criminal responsibility, intentional destruction of property, age criterion, sanity, insanity, criminal law, criminal legislation, age determination, age limit.

Jinoyat tarkibi elementlarini tavsiflashda jinoyat subyekti alohida muhim ahamiyat kasb etadi. Jinoyat subyekti muammolari ko'plab olimlarning ilmiy ishlarida ko'rib chiqilgan. Subyekt jinoyat tarkibining elementi sifatida ilmiy jihatdan chuqur o'rganish va anglab yetishni talab qiluvchi ancha murakkab kategoriya hisoblanadi [1, B.72]. Biroq hozirgi vaqtga qadar jinoyat tarkibining ushbu elementi va uning belgilariga doir ayrim masalalar bahsliligicha qolmoqda.

Qonun chiqaruvchi nuqtai nazaridan qaraganda, jinoyat subyektining belgilari jinoyat qonunida aniq belgilangan va ko'rsatib o'tilgan. Jinoyat kodeksining 17-moddasiga muvofiq, jinoyat qonunida belgilangan yoshga yetgan va aqli raso bo'lgan jismoniy shaxs jinoiy javobgarlikka tortiladi [2, B.34].

Jinoiy javobgarlikka tortilishi mumkin bo'lgan shaxslar quyidagi zaruriy belgilarga ega bo'lishi kerak:

- a) Jismoniy shaxs bo'lishi
- b) Aqli raso bo'lishi
- c) Jinoyat qonunida belgilangan yoshga yetgan bo'lishi

O'zbekiston jinoyat qonuniga jinoyat subyektining zaruriy belgisining biri sifatida faqat jismoniy shaxslarning javobgarligi nazarda tutiladi.

Jinoyat qonuni an'anaviy ravishda jinoyat subyektini "shaxs" deb ataydi. Umumiy huquqiy ma'noda subyektlarsifatida alohida individlar – jismoniy shaxslar hamda muayyan tashkilotlar – zamonaviy terminologiya bo'yicha yuridik shaxslar tushuniladi. Biroq, O'zbekiston qonunchiligiga ko'ra, jinoyat subyekti faqatgina jismoniy shaxs, ya'ni inson bo'lishi mumkin. "Jismoniy shaxs" tushunchasi o'z ichiga uchta tarkibiy qismni qamrab oladi: individ, shaxs va fuqaro [3, B.205].

Jinoyat kodeksi qoidalariga ko'ra, faqat jismoniy shaxs, ya'ni inson jinoiy javobgar bo'lishi mumkin. Aytish kerakki, jinoyat qonunchiligida jismoniy shaxs tushunchasi to'g'ridan-to'g'ri berilmagan. Biroq, Jinoyat kodeksi va boshqa huquqiy aktlarning mohiyatidan ko'rinadiki, jinoyat huquqidagi jismoniy shaxs tushunchasi Fuqarolik kodeksining 16-moddasidagi tushunchaga o'xshash bo'lib, unga ko'ra "fuqaro zamirida O'zbekiston Respublikasi fuqarolari, boshqa davlatlar fuqarolari va shuningdek, fuqaroligi bo'lmagan shaxslar tushuniladi" [4, B.234].

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 11-moddasining mazmuniga ko'ra, O'zbekiston Respublikasi hududida jinoyat sodir qilgan O'zbekiston fuqarolari, xorijiy davlatlarning fuqarolari va fuqaroligi bo'lmagan shaxslar jinoyatning subyekti bo'ladilar. Jinoyat kodeksi 12-moddasining mazmuniga ko'ra, O'zbekiston fuqarosi yoki O'zbekistonda doimiy yashovchi fuqaroligi bo'lmagan shaxslar xorij davlatlar hududida jinoyat sodir etib, o'sha davlat qonunlari bilan javobgarlikka tortilmagan bo'lsa, O'zbekiston jinoyat qonuni bo'yicha jinoyatning subyekti bo'lishlari mumkin.

R. Altiyevning yozishicha "Har qanday jinoyat jismoniy shaxs tomonidan sodir etiladi, shu sababli jinoyat subyekti jinoyat huquqida jinoyat tarkibining asosiy elementlaridan biri sifatida tavsiflanadi. Jinoyat subyektining mavjudligi jinoiy javobgarlikning muhim sharti hisoblanadi, ya'ni jinoiy javobgarlik faqat birinchi navbatda jinoyatni sodir etgan shaxs mavjud bo'lgan holda kelib chiqishi mumkin. Jinoyat huquqi nazariyasi va jinoyat qonuni talablari (O'zbekiston Respublikasi JK 17-moddasi)ga muvofiq, har qanday jinoyatning subyekti muayyan yoshga to'lgan, qonun bilan taqiqlangan ijtimoiy xavfli qilmishni aybli tarzda sodir etgan aqli raso jismoniy shaxs e'tirof etiladi. Ayni shu sababli jinoyat-huquqiy nuqtai nazardan jismoniy shaxsning yoshi va aqli rasolik belgilari birinchi darajali ahamiyat kasb etadi" [5, B.66].

Biroq jinoyat huquqi ilmida yuridik shaxslarni jinoyat subyekti sifatida tan olish masalasi bo'yicha bahs-munozaralar davom etmoqda. Nafaqat olimlar, balki ko'plab amaliyotchi mutaxassislar ham bunday subyektlar uchun jinoiy javobgarlikni joriy etish zarurligini taklif qilmoqdalar.

A.V. Fedorovning hisob-kitoblariga ko'ra, hozirgi vaqtda dunyoning saksondan ortiq davlatida yuridik shaxslarning jinoiy javobgarligi nazarda tutilgan [6. B].

Yuridik adabiyotlar tahlili shunday xulosa qilish imkonini beradiki, jahon amaliyotida yuridik shaxslarning jinoiy javobgarligi institutini huquqiy tartibga solishning uchta asosiy modeli paydo bo'ldi. Birinchi model yuridik shaxslar jinoiy javobgarligining an'anaviy tuzilishiga asoslanadi, bunda yuridik shaxs jismoniy shaxs bilan bir qatorda jinoyatning mustaqil subyekti sifatida qaraladi. Ikkinchi model yuridik shaxslar jinoiy javobgarligining jinoyat sodir etishda shaxsning aybli javobgarligi tamoyilini ko'proq hisobga oladi va shaxsni jinoyatning yagona mumkin bo'lgan subyekti sifatida tan olishga asoslanadi. Uchinchi model yuridik shaxslarning jinoyatga aloqadorligi uchun ma'muriy javobgarligini nazarda tutadi.

O. Mahmudov "Jinoyat huquqiga yuridik shaxslarni jinoyat subyekti sifatida kiritish zarur" hisoblaydi "Umumiy ma'noda, jinoyat sodir etgan va jinoiy javobgarlikka tortilishi lozim bo'lgan barcha shaxslarni (jismoniy va yuridik) jinoyat subyektlari deb atash maqsadga muvofiqdir" [3, B.211].

S.Sh.Utemuratova yuridik shaxslar jinoyat subyekti sifatida javobgarlikka tortilishi kerak degan fikri ilgari suradi, yuridik shaxs ijtimoiy xavfli harakati (harakatsizligi) uchun, eng avvalo ekologiyaga keltirgan zarari uchun jinoiy javobgarlikka tortilishi kerak" [7, B.76] deb hisoblaydi.

D.M. Kushbakov "Yuridik shaxsga nisbatan jinoyat-huquqiy ta'sir choralari qo'llash asoslarini shakllantirishda jinoyatning yuridik shaxs manfaatlarini yo'lida sodir etilganligini aks ettirishi lozim" [8, B.1031].

Shu bilan birga, hozirgi vaqtda qonun chiqaruvchi shunday pozitsiyaga amal qiladiki, unga ko'ra jinoiy javobgarlik faqat jinoyat sodir etganlikda aybdor bo'lgan shaxslarga nisbatan nazarda tutilishi lozim.

Tadqiq etilayotgan mulkni qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish jinoyati o'zining subyektiv tomoni bilan bevosita qasd shaklida sodir etilishi bilan tavsiflanadi. Mazkur holat esa yuridik shaxslarning jinoyat subyekti sifatida e'tirof etilishi haqidagi ayrim nazariy konsepsiyalarni amaliy jihatdan istisno etadi. Chunki ushbu jinoyatning sodir etilishi bevosita ongli ravishda shakllangan qasd va shaxsning irodaviy xatti-harakatlarini talab qiladi. Shu boisdan ham mazkur turdagi jinoyatlar o'z tabiati va huquqiy mohiyatiga ko'ra faqat jismoniy shaxslar tomonidan sodir etilishi mumkin bo'lgan jinoyatlar sirasiga kiradi.

Mazkur holat jinoyat huquqida ayblilik prinsipi bilan ham bevosita bog'liqdir. Ma'lumki, jinoiy javobgarlikning asosiy shartlaridan biri shaxsning aybi, ya'ni uning qilmishga bo'lgan ruhiy munosabatining mavjudligidir. Yuridik shaxs esa mustaqil psixik jarayonlarga ega bo'lmaganligi sababli, unda qasd yoki ehtiyotsizlik kabi ayb shakllarining mavjudligini aniqlash murakkab hisoblanadi. Shu sababli jinoyat huquqining doktrinasida aybning subyekti sifatida faqat jismoniy shaxs e'tirof etiladi.

Bundan tashqari, mulkni qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish jinoyati, odatda, aniq shaxsning ijtimoiy xavfli harakati natijasida sodir etiladi. Ushbu harakatlar muayyan maqsad, motiv va qasd bilan amalga oshiriladi. Mazkur belgilar esa jinoyatning subyektiv tomonini tashkil etib, aynan jismoniy shaxsning ongli faoliyati bilan bog'liqdir. Shu boisdan ham mazkur jinoyat tarkibini tahlil qilish jarayonida jinoyat subyekti sifatida yuridik shaxslarni emas, balki jinoiy javobgarlik yoshiga yetgan va aqli raso jismoniy shaxslarni e'tirof etish zarur.

Jinoyat subyektining yana bir zaruriy belgisining aqli rasoligi hisobladi. Jinoyat kodeksining 18-moddasi mamuniga ko'ra jinoyat sodir etish vaqtida o'z harakatlarining (harakatsizligining) ijtimoiy xavfli xususiyatini anglagan va ularni boshqara olgan shaxs aqli raso shaxsdir.

Jinoyat subyektining aqli rasoligi jinoiy javobgarlikning zaruriy sharti hisoblanadi. Jinoyat huquqi fanida boshqacha nuqtai nazar ham ilgari surilgan bo'lib, u aqli rasolikka, eng avvalo, subyektning belgisi sifatida qarashni taklif qiladi.

Aqli rasolik – jismoniy shaxs tomonidan sodir etilgan qilmishning jazoga loyqligini belgilovchi alomat. Qilmish jinoyat qonuniga muvofiq jazoga loyiq deb topilishi aynan aqli rasolik belgisiga bogʻliq.

Shu tufayli ham, aqli rasolik haqidagi taʼlimot jinoyat huquqi nazariyasining asosiy masalalaridan biri hisoblanadi. Umuman olganda, aqli rasolik har doim jinoiy javobgarlikka tortilishi lozim boʻlgan shaxsning ajralmas belgisi, xususiyati sifatida eʼtirof etiladi.

Aqli noraso shaxs – shaxsning jinoyat sodir etish vaqtida oʻz harakatlari (yoki harakatsizligi)ning ijtimoiy xavfliligini va uning ijtimoiy xavfli oqibatini anglay olmaydigan va oʻz harakatlarini boshqara olmagan shaxs boʻlib, aqli noraso shaxs jinoyatning subyektini boʻla olmaydi. Biroq, JK 18-1-moddasi 1-qismiga koʻra jinoyat sodir etish vaqtida ruhiy holati buzilganligi tufayli oʻz harakatlarining (harakatsizligining) ahamiyatini toʻliq darajada anglay olmagan yoki ularni boshqara olmagan aqli raso shaxs javobgarlikka tortiladi [9, B.82].

A. Mamajonov aqli rasolikni istisno etmaydigan tarzda ruhiy holat buzilishi deb “aqli raso shaxsning jinoyat sodir etish vaqtida ruhiy holati buzilganligi tufayli jinoiy javogarlikka sazovor boʻlgan oʻz harakatlarining (harakatsizligining) ahamiyatini toʻliq darajada anglay olmaslik yoki ularni boshqara olmaslik bilan kechadigan ruhiy holat” [10, B.19] deb taʼriflaydi.

M.X. Rustamboyev qayd etganidek, jinoyat subyektini belgisi sifatida aqli rasolik shaxsning muayyan rivojlanish bosqichidagi qobiliyati, ijtimoiylashuvidan kelib chiquvchi yoshdagi va jinoyat sodir etish vaqtidagi ruhiy jihatdan sogʻligʻi hamda harakatlari uchun oʻz-oʻziga hisob berishi va ularni boshqarishi, keyinchalik jinoiy javobgarlik va jazoni oʻtashdagi ruhiy holati sifatida belgilanadi [4, B.235].

Amaliyotda ijtimoiy xavfli qilmish sodir etgan shaxsning aqli rasoligiga nisbatan har qanday shubhalar, qachonki, uning oʻzini tutishi oʻz-oʻzini boshqarishiga toʻgʻri kelmasa, tashqi omillarga notoʻgʻri reaksiya va boshqalar, aybsizlik prezumpsiyasi mazmunidan kelib chiqib, shu shaxsning foydasiga hal qilinishi kerak. Bu holatlarda ijtimoiy xavfli qilmish sodir etgan shaxsга nisbatan dastlabki tergovda uning ruhiy holatini aniqlash uchun JPK 173-moddasi 1-qismiga koʻra, majburiy tartibda sud-psixiatriya ekspertizasi oʻtkaziladi. Keyinchalik jinoyat sodir etgan shaxsning aqli rasoligi toʻgʻrisidagi masalani hal qilish sud-psixiatriya xulosasi asosida sud tomonidan Oʻzbekiston Respublikasi JPK 446-moddasiga koʻra amalga oshiriladi.

Qonun chiqaruvchi, shuningdek, aqli norasolik mezonlarini ham aniq belgilab qoʻygan (Jinoyat kodeksining 18-moddasi). Sud ushbu mezonlarni inobatga olishi mumkin boʻlib, bunday hollarda shaxs jinoiy javobgarlikka tortilmaydi. Tadqiq etilayotgan jinoyatlar toifasi boʻyicha ham ayrim hollarda shaxslar aqli noraso deb topilgan.

Oliy sud tomonidan berilgan statistik maʼlumotlarga koʻra aqli noraso shaxslar tomonidan sodir etilgan jinoyatlar uchun

2020-yilda 1 nafar shaxsга,

2021-yilda 1 nafar shaxsга,

2022-yilda 2 nafar shaxsга

2023-yilda 3 nafar shaxsга

2024-yilda 1 nafar shaxsга nisbatan tibbiy yoʻsindagi majburlov choralari qoʻllanilgan [11. B.1]. Ushbu koʻrsatkichlar shuni koʻrsatadiki, mulkni qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish jinoyatlari, odatda, aqli raso shaxslar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlar sirasiga kiradi. Chunki mazkur jinoyat tarkibi subyektiv tomondan bevosita qasd mavjudligini talab qiladi, yaʼni shaxs oʻz harakatining ijtimoiy xavfliligini anglagan holda va uning oqibatlarini oldindan bilib, shunday oqibatlarining yuz berishini istab harakat qiladi. Aqli noraso shaxslar esa oʻz harakatlarining ijtimoiy xavfli xususiyatini anglash yoki ularni boshqarish qobiliyatiga ega boʻlmaganligi sababli, jinoyat huquqi nuqtai nazaridan ularning qilmishlari jinoiy javobgarlikni yuzaga keltirmaydi.

Shu bilan birga, sud amaliyotida bunday holatlar aniqlangan taqdirda, shaxsga nisbatan jinoiy javobgarlik choralarini qo'llash o'rniga tibbiy yo'sindagi majburlov choralarini qo'llash masalasi ko'rib chiqiladi.

Ushbu holatga oid quyidagi misolni keltirish mumkin. *“S.U.X. murojaatlari o'z yechimini topmayotganligi va mahalla fuqarolari u bilan yaxshi munosabatda bo'lmayotganligidan g'azablanib, o'ch olish maqsadida “Mahalla fuqarolar yig'ini” binosiga qasddan o't qo'yib shikastlagan. Jinoyat sodir etilgan vaqtda S.U.X. “Surinkali vasvasili buzilish” ruhiy kasalligi bilan xastalanganligi. Shu sababli u o'z harakatlarining haqiqiy xususiyatini va ijtimoiy xavfliligini anglay olmagan hamda ularni boshqara olmagan. sud-ruhiy ekspertiza xulosasiga ko'ra, S.I.N. aqli noraso deb topilgan va Jinoyat kodeksining 173-moddasi 1-qismida nazarda tutilgan ijtimoiy xavfli qilmishni aqli norasolik holatida sodir etgani uchun jinoiy javobgarlikdan ozod qilingan. Unga nisbatan kuzatuv kuchaytirilgan Respublika psixiatriya shifoxonasida majburiy davolanish chorasi tayinlangan [12, B.1].*

Aqliy rivojlanish darajasi yoshiga nisbatan orqada qolib ketgan shaxslar (infantilizm) aqli norasolar hisoblanmaydi. Garchi ularning aqliy rivojlanishi orqada qolib ketgan bo'lsa-da, ular aqli raso hisoblanadi va shunga ko'ra, ular muayyan jinoyatning subyektini hisoblanadi. Biroq sudlar bunday shaxslarga jazo tayinlashda mazkur holatni jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida topishi mumkin [9, B.82].

Jinoyat subyektining yana bir zarariy beligisi shaxs jinoyat qonunda belgilangan yoshga yetganligi hisoblandi.

Jinoyat kodeksining 17-moddasiga muvofiq, 173-modda 1-qismida nazarda tutilgan jinoyatlarning subyektini – 16 yoshga to'lgan, aqli raso jismoniy shaxs hisoblanadi. Shu bilan birga, 173-moddaning 2-3-qismida nazarda tutilgan jinoyat uchun javobgarlik 14 yoshga to'lgan shaxsga nisbatan qo'llaniladi.

Qonun chiqaruvchi mulkni qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish uchun jinoiy javobgarlikka tortish yoshini nisbatan yuqoriroq belgilagan. 1959 yilgi O'zbekiston SSR JKda ham mazkur jinoyat uchun javobgarlik yoshi 16 yosh qilib belgilangan (O'zbekiston SSR JK 10-moddasi) [13, B.11].

Yosh mezonlari shaxsni jinoyat subyektini sifatida tan olishda kam ahamiyatga ega emas. Jinoyat javobgarlikning umumiy va maxsus yoshi qonun chiqaruvchi tomonidan Jinoyat kodeksining 17-moddasida belgilangan. Ko'pchilik jinoyatlarni sodir etgan shaxslar uchun jinoiy javobgarlik 16 yoshdan boshlab yuzaga keladi, Jinoyat kodeksining 17-moddasi 2-qismida ko'rsatilgan jinoyatlarni sodir etgan shaxslar uchun esa javobgarlik 14 yoshdan boshlab belgilanadi.

Q.R. Abdurasulovning ta'biri bilan aytganda, jinoiy javobgarlik yoshining quyi chegarasi qonun chiqaruvchi organ tomonidan tibbiy-biologik (jismoniy va ruhiy rivojlanish darajasi va h.k.), ijtimoiy-psixologik (shaxsning aqliy, irodaviy va emotsional xususiyatlarining rivojlanishi darajasi va h.k.), sotsiologik (shaxsning ijtimoiylashishi darajasi) mezonlarning jami, shuningdek kriminologik ko'rsatkichlar (masalan, mazkur yoshdagi odamlar orasida ushbu jinoyat turining tarqalganligi, uning og'irligi, ijtimoiy xavfliligi va h.k.), jinoyat huquqi prinsiplari (masalan, jinoyat-huquqiy taqiqni belgilashning maqsadga muvofiqligi)dan kelib chiqib belgilanadi [14, B.16].

Amaldagi jinoyat qonunchiligida ayrim jinoyat tarkiblari bo'yicha jinoyat subyektini yoshi differensial tarzda belgilangan. Xususan, faqat og'irlashtiruvchi holatlarda sodir etilgan jinoyatlar uchun subyekt yoshi alohida tartibda nazarda tutilgan bo'lib, bu holat Jinoyat kodeksining 126¹-moddasi 4–8-qismlari, 173-moddasi 2–3-qismlari hamda 277-moddasi 2–3-qismlarida o'z ifodasini topgan.

Mazkur normalarga ko'ra, mulkni qasddan nobud qilish yoki unga zarar yetkazish (173-modda) hamda bezorilik (277-modda) jinoyatlarining asosiy tarkibi, ya'ni birinchi qismi uchun jinoyat subyektini yoshi umumiy qoida asosida 16 yosh etib belgilangan. Biroq ushbu jinoyatlarning

og'irlashtiruvchi holatlarda sodir etilgan turlari uchun jinoyat subyekti yoshi pasaytirilgan holda belgilanishi nazarda tutilgan.

Ta'kidlash lozimki, jinoyat qonunchiligida mustaqil tarkibli boshqa ko'plab jinoyatlar bo'yicha bunday yondashuv qo'llanilmagan. Ya'ni ayrim jinoyatlarda asosiy tarkib uchun yuqoriroq yosh chegarasi, og'irlashtiruvchi holatlar uchun esa undan pastroq yosh chegarasi belgilanishi amaliyoti kuzatilmaydi. Shu jihatdan, mazkur normalar jinoyat subyekti yoshini differensial belgilashga doir o'ziga xos huquqiy mexanizm sifatida e'tiborni tortadi.

Jinoiy javobgarlik yoshining quyi chegarasi qonunda ikki usul orqali tartibga solinishi mumkin: barcha jinoyatlarga nisbatan amal qiladigan umumiy norma ko'rinishida yoki umumiy norma bilan bir qatorda jinoyatlarning ma'lum doirasiga nisbatan amal qiladigan jinoiy javobgarlikning yosh chegaralarini nazarda tutadigan maxsus norma qo'llaniladi. O'zbekiston Respublikasining amaldagi jinoyat qonunchiligida ikkala usuldan ham foydalaniladi [15, B.101].

Voyaga yetmaganlarning 14 yoshdan boshlab jinoiy javobgarlikka tortilishi shu bilan izohlanadiki, bu yoshda ular shaxsga, o'zganing mulkiga va jamoat tartibiga daxl etish bilan bog'liq jinoyat huquqiy taqiqlarni yaxshi anglaydilar [15, B.104].

O'z tadqiqotlarini o'tkazgan olimlarning aksariyati 16 yosh har qanday odamning voyaga yetish jarayonida muayyan fiziologik bosqich hisoblanadi va bu yoshda u mushohada yuritish va o'z xulq-atvorini boshqarishga qodir bo'ladi deb hisoblaydi. O.N.Petrova fikriga ko'ra, qonun chiqaruvchi qasddan sodir etiladigan jinoyatlar uchun jinoiy javobgarlik yoshini 16 yosh darajasida ular ayniqsa ijtimoiy xavfli qilmishlar hisoblanishi uchun emas, balki ularning ijtimoiy xavfiligi va "zararliligi"ni har kim o'z hayotining ilk davridayoq anglab yetishi tufayli belgilagan [16, B.21]. O.D. Sitkovskaya qayd etishicha, mavjud farqlarga qaramay, aksariyat mualliflar 11 yoshdan 15 yoshgacha bo'lgan davrni bolalikdan o'smirlikka o'tish bosqichi sifatida tavsiflaydilar. Ularning fikricha, mazkur bosqich aql va ruhiyatning, shuningdek, o'smir shaxsiyatining ancha tez rivojlanishi, bular unga o'z maqsad va mo'ljallarini xulq-atvor ijtimoiy me'yorlari bilan moslashtirish imkonini berishi bilan tavsiflanadi [17, B.109].

Jinoyat subyekti bo'la olish yoshi asosan voyaga yetmagan ongining rivojlanganlik darajasi, sodir etilayotgan hodisa va jarayonlarni anglash, shunga muvofiq ravishda harakat qila olish qobiliyati shakllangan davrdagi yoshidan hisoblandi. Kichik yoshdagilarda bunday qobiliyat hali shakllanmaganligi tufayli ular jinoyat subyekti bo'la olmaydilar [18, B.105].

O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2000-yil 15-sentabrdagi 21-sonli "Voyaga yetmaganlarning jinoyatlari haqidagi ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarorida ta'kidlanganidek, Jinoyat kodeksining 17-moddasi, Jinoyat-protsessual kodeksining 548-moddasiga muvofiq, voyaga yetmagan shaxsning yoshini aniqlash majburiy hisoblanadi. Chunki uning yoshi isbotlanishi lozim bo'lgan holatlar qatoriga kiradi va jinoiy javobgarlikka tortishning shartlaridan biri hisoblanadi.

Plenum qarorida yana shu ham adolatli ravishda tushuntirilganki, shaxs jinoiy javobgarlik yuzaga keladigan yoshga tug'ilgan kunida emas, balki shu kun tugagandan keyin, ya'ni keyingi sutkaning soat 00:00 dan boshlab yetgan deb hisoblanadi.

Voyaga yetmagan shaxsni yoshi sud-tibbiyot ekspertizasi tomonidan aniqlanayotganda, uning tug'ilgan kuni deb, ekspertlar aniqlagan yilning oxirgi kuni hisoblanadi. Yosh eng kam va eng ko'p yillar miqdori bilan aniqlanganda, sud ekspertlar tomonidan belgilangan eng kam yoshdan kelib chiqishi lozim [19].

D.M. Kushbakov o'z tadqiqotlarida shaxs rivojlanishning aqliy, irodaviy va shaxsiy darajasi hamda jazoning maqsadiga erishish nuqtai nazaridan jinoiy javobgarlikning past chegarasini belgilash uchun o'n to'rt yoshga to'lganlikni eng maqbul deb hisoblaydi va amaldagi Jinoyat kodeksida jinoiy

javobgarlikka tortish mumkin bo'lgan yoshning minimal chegarasini qat'iy ravishda o'n to'rt yosh etib belgilash maqsadga muvofiqligini asoslantirgan [20, B.13].

Aksariyat olimlar 16 yosh har qanday odamning voyaga yetish jarayonida muayyan fiziologik bosqich hisoblanadi va bu yoshda u mushohada yuritish va o'z xulq-atvorini boshqarishga qodir bo'ladi, deb hisoblaydi. O.N.Petrova fikriga ko'ra, qonun chiqaruvchi qasddan sodir etiladigan jinoyatlar uchun jinoiy javobgarlik yoshini 16 yosh darajasida ular ayniqsa ijtimoiy xavfli qilmishlar hisoblanishi uchun emas, balki ularning ijtimoiy xavfliligi va "zararliligi"ni har kim o'z hayotining ilk davridayoq anglab yetishi tufayli belgilagan [21, B.89].

D.M. Kushbakov keksalarning hayot darajasi va sifatini yanada yaxshilash, yoshi ulug' insonlar manfaatlarini jinoyat-huquqiy muhofaza qilinishi va insonparvarlik tamoyillaridan kelib chiqib, jinoyat qonunida keksa yoshdagi shaxslar tomonidan sodir etilgan jinoyatlarni jazoni yengillashtiruvchi holati sifatida nazarda tutish (og'ir va o'ta og'ir jinoyatlar bundan mustasno) lozim deb hisoblaydi [20, B.13].

Qonun chiqaruvchi JK 173-moddasida nazarda tutilgan jinoyat uchun javobgarlik yoshini mustahkamlar ekan bunda shaxs o'zining aqliy va ruhiy rivojlanish darajasiga ko'ra ayni shu yoshdan boshlab ushbu jinoyatning ijtimoiy xavfliligini anglashi mumkinligidan kelib chiqqan.

Qonun chiqaruvchining fikriga ko'ra 14 yoshga yetgan shaxs sodir etilayotgan jinoyatning ijtimoiy xavflilik darajasi yuqori ekanligini anglash qobiliyatiga ega bo'ladi. Qasddan o'zgarlar mulkini nobud qilish yoki zarar yetkazishning jinoyatlarini og'irlashtiruvchi holatlarda sodir etganlik (Jkning 173-moddasi 2-3-qismlari) uchun jinoiy javobgarlik 14 yoshdan boshlanadi. Bu, bolaning o'z harakatlari haqidagi voqea xarakterini anglay olish qobiliyatiga ega bo'lishi bilan izohlanadi. Shu yoshga yetgan shaxs, mulkni qasd nobud qilish yoki unga zarar yetkazishning jamoatchilikka xavfliligini to'liq baholay oladi, agar bu harakatlar xuliganlik maqsadida, yoqish, portlash yoki boshqa jamoatchilikqa xavfli usullar bilan sodir etilsa.

Bizningcha, 14 yoshga yetgan shaxs o'zining boshqalarga tegishli mol-mulkni qasddan nobud qilayotgani yoki unga zarar yetkazayotganini anglash qobiliyatiga ega. Biroq shuni ham hisobga olish kerakki, voyaga yetmaganlarning harakatlarida har doim ham g'arazli yoki bezorilik motivlari mavjud bo'lavermaydi. Ular hazil, qiziqish yoki boshqa turli motivlar ta'sirida ham harakat qilishlari mumkin. Masalan, bunday shaxslar futbol muxlislari bo'lishi ham mumkin.

Yuridik adabiyotlarda JK 173-moddasi 1-qismida nazarda tutilgan qilmish uchun jinoiy javobgarlik yoshining asossiz ravishda oshirilganligi haqidagi fikrlar ham uchraydi [22, B.99].

Mazkur nuqtai nazar yetarli darajada asosli emas, deb hisoblanadi. Chunki jinoiy javobgarlik yoshining 16 yosh etib belgilanishi qonun chiqaruvchi tomonidan ijtimoiy xavfli qilmishning o'ziga xos xususiyatlari hamda uni sodir etuvchi shaxsning individual-psixologik belgilarini inobatga olgan holda amalga oshirilgan.

Shu nuqtai nazardan, A.S. Mironchikning fikriga qo'shilish maqsadga muvofiqdir: jinoiy javobgarlik yoshini pasaytirish faqat istisno holatlarda, ya'ni mazkur turdagi qilmishlarning ijtimoiy xavflilik darajasi hamda ularning 14-16 yoshdagi shaxslar orasida tarqalganlik ko'lami chuqur tahlil qilingan holdagina asosli deb topilishi mumkin [23, B.93].

O'zbekiston Respublikasi bo'yicha 2024-yilda voyaga yetmagan shaxslar tomonidan 3364 ta jinoyat sodir etilgan, umumiy jinoyatlar soniga nisbatan 5.6 foizni tashkil etadi. Sud hukmlari tahlili shuni ko'rsatadiki 173-modda bo'yicha sudlangan voyaga yetmagan shaxslar soni kamligini ko'rsatadi. Ular umumiy ushbu modda bo'yicha sudlanganlar orasida 4% dan oshmaydi, 14-16 yoshdagilar esa taxminan 0,7% ni tashkil etadi. Bu ko'rsatkich yildan yilga pasayab boradi.

Jinoiy javobgarlik yoshini pasaytirish masalasiga ehtiyotkorlik bilan yondashish lozim. Amaldagi normativ yondashuv, ya'ni jinoiy javobgarlik yoshining 16 yosh etib belgilanishi, faqat alohida kvalifikatsiyalangan holatlarda esa 14 yoshdan boshlanishi, ilmiy-nazariy hamda amaliy jihatdan asoslangan hisoblanadi. Shu bois, mavjud statistik va huquqiy tahlillar fonida jinoiy

javobgarlik yoshini umumiy tartibda pasaytirish maqsadga muvofiq emas, balki faqat istisno holatlarda, aniq kriminologik asoslar mavjud bo'lgandagina ko'rib chiqilishi lozim.

IQTIBOSLAR/СНОСКИ/REFERENCES:

1. Волкова И.А. Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу: Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 72.
 2. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi. (2026-yil 20-yanvargacha bo'lgan o'zgartish va qo'shimchalar bilan). Yuridik adabiyotlar publish. –Toshkent. 2026-yil. 304-bet. // URL: <https://lex.uz/docs/-111453#-179930>
 3. Махмудов О. (2026). Субъект в уголовном праве: вопросы уголовной ответственности физических и юридических лиц. Общество и инновации, 7(1), 205–211. URL: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol7-iss1-pp205-211>
 4. Rustambayev M.X. O'zbekiston Respublikasi jinoyat huquqi kursi. Tom 1. Jinoyat haqida ta'limot. Darslik. 2-nashr, to'ldirilgan va qayta ishlangan – T.: O'zbekiston Respublikasi Milliy gvardiyasi Harbiy-texnik instituti, 2018. -234
 5. Altiyev R.S. Firibgarlikning jinot-huquqiy va kriminologik jihatlari. Monografiya // Mas'ul muharrir: yu.f.d., professor G.Z.Tulaganova. – 66 b.
 6. Фёдоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. М., 2022
 7. Utemuratova S. Ekologiya sohasidagi jinoyatlar subyekti sifatida – yuridik shaxslar // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. No 3 (2024) B. 71-77. URL: <https://yuristjournal.uz/index.php/lawyer-herald/article/view/985>
 8. Кушбаков Д.М. Юридик шахслар жиноий жавобгарлигининг хусусиятлари //Academic research in educational sciences volume 2 | issue 5 | 2021. – С.1029-1037. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridik-shahslar-zhinoiy-zhavobgarligining-hususiyatlari>
 9. Jinoyat huquqi. (Umumiy qism) Darslik. Mas'ul muharrir: yu.f.d (PhD) X.Ochilov – T.: Adolat nashriyoti, 2020. 82 b.
 10. Mamajanov A.M. Aqli rasolikni istisno etmaydigan tarzda ruhiy holati buzilgan shaxslarning jinoyat javobgarligi. Yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati. Toshkent-2024. 19-b.
 11. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudining 2025-yil 13-martdagi 07-14/25-7833-sonli javob xati.
 12. Jinoyat ishlari bo'yicha Urgut tuman sudining 2024-yil 18-martdagi ajrimi // URL: <https://public.sud.uz/report/>
- CRIMINAL
13. O'zbekiston SSRning Jinoyat kodeksi. Nashr uchun mas'ullar: M.Vosiqova, T.Nigmonov. – Toshkent: O'zbekiston, 1977. – B. 11.
 14. Abdurasulova Q.R. Jinoyatning maxsus subyekti: O'quv-qo'llanma. – Toshkent: TDYUI, 2005. – B. 16.
 15. Adurasulova K.R. Voyaga yetmagan shaxsni jinoyatning subyekti deb topishning zaruriy belgisi // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 1 (2026) B.99-110. URL: <https://www.yuristjournal.uz/index.php/lawyer-herald/article/view/1188>
 16. Петрова О.Н. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним (уголовно-правовые и криминологические аспекты): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – С. 21.
 17. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998. – С. 109.
 18. Usmonaliyev M. Jinoyat huquqi. Umumiy qism. Oliy o'quv yurtlari uchun darslik. T., «Yangi asr avlodi», 2010, bet.
 19. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2000-yil 15-sentabrdagi 21-sonli "Voyaga yetmaganlarning jinoyatlari haqidagi ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarori // URL: <https://lex.uz/ru/docs/-1449720>
 20. Kushbakov D.M. Jinoyat subyekting jinoyat-huquqiy tavsifi va xususiyatlari. Yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi avtoreferati. Toshkent – 2021. 13 b. URL: <https://api.ziyounet.uz/uploads/books/7007/61850045ae5a2.pdf>
 21. Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб., 2001. – С. 89.
 22. Плютину Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук / Е.М. Плютину. – Краснодар, 2006. – С. 99.
 23. Мирончик, А.С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: Обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: дис.канд. юрид. наук / А.С. Мирончик. – Красноярск, 2009. – С. 93–94.

ЮЛДОШЕВ Сардор

Исполняющий обязанности Исполняющий обязанности
декана факультета профессионального обучения юридических
кадров по международным стандартам Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров при
Министерстве Юстиции Республики Узбекистан
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): Юлдошев С. Правовой статус беженцев в международном праве: теоретико-правовой анализ и современные практики // *Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald*. № 2 (2026) С. 133-144.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-014>

АННОТАЦИЯ

В данной статье подробно освещается правовой и теоретический анализ статуса беженцев в современной системе международного публичного права, уделяя особое внимание устранению концептуальных и терминологических пробелов, препятствующих эффективному нормотворчеству и правоприменительной практике. Центральной проблемой статьи является вопрос о строгом разграничении близких, но принципиально различающихся правовых категорий - понятий «беженец» и «внутренне перемещенное лицо». На основании Женевской конвенции 1951 года и Руководящих принципов ООН по внутренне перемещенным лицам (1998 г.) доказано, что использование этих терминов в качестве синонимов является серьезной юридической ошибкой. В статье обосновывается необходимость четкого разграничения в национальном законодательстве: статус беженца возникает только при пересечении международной границы, а перемещенное лицо остается под юрисдикцией своего государства.

В статье особое внимание уделяется анализу национального опыта Республики Узбекистан, в частности, беспрецедентных гуманитарных операций «Мехр» по возвращению женщин и детей из зон вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Афганистане. В статье дается четкий правовой ответ на вопрос о взаимосвязи данных операций с институтом защиты беженцев: доказывается, что репатриация своих граждан является реализацией конституционных обязательств государства и норм международного права о праве на возвращение, а также что она не имеет правовой связи с институтом предоставления убежища иностранцам. Тем не менее, успешный опыт психосоциальной реабилитации репатриантов свидетельствует о высоком уровне институциональной готовности Узбекистана к внедрению международных стандартов защиты уязвимых слоев населения.

В статье представлен ярко выраженный авторский подход, рассматривающий имплементацию международных норм не только как обязательство, но и как стратегический инструмент укрепления верховенства закона и международного авторитета государства. Проанализированы современные вызовы международного права беженцев, включая риск «эпистемической несправедливости» при использовании алгоритмов искусственного интеллекта в климатической миграции и процедурах предоставления убежища. В статье выдвигается комплекс научно обоснованных предложений по совершенствованию национального законодательства. В качестве наиболее важных из них дается настоятельная рекомендация по ратификации Республикой Узбекистан Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года о статусе беженцев, а также по разработке и принятию специализированного Закона «О беженцах и убежище».

Ключевые слова: международное право, беженец, внутренне перемещенное лицо, Конвенция 1951 года, репатриация, операция «Мехр», УВКБ ООН, невысылка (non-refoulement), нормотворчество, ратификация, Республика Узбекистан.

YULDOSHEV Sardor Abdumajid o'g'li

O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish
institutining Yuridik kadrlarni xalqaro standartlar bo'yicha
professional o'qitish fakulteti dekani vazifasini bajaruvchi
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

XALQARO HUQUQDA QOCHQINLARNING HUQUQIY MAQOMI: NAZARIY-HUQUQIY TAHLIL VA ZAMONAVIY AMALIYOTLAR

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada zamonaviy xalqaro ommaviy huquq tizimida qochqinlar maqomining huquqiy va nazariy tahlili, xususan, samarali norma ijodkorligi va huquqni qo'llash amaliyotiga to'sqinlik qiluvchi konseptual hamda terminologik kamchiliklarni bartaraf etishga alohida e'tibor qaratilgan holda batafsil yoritilgan. Maqolaning markaziy muammosi sifatida bir-biriga yaqin, ammo tubdan farq qiluvchi huquqiy toifalar – "qochqin" va "ichki ko'chirilgan shaxs" tushunchalarini qat'iy farqlash masalasi o'rta tashlanadi. 1951-yildagi Jeneva Konvensiyasi hamda BMTning Ichki ko'chirilgan shaxslar bo'yicha rahbariy tamoyillar (1998-y.) asosida ushbu atamalardan sinonim sifatida foydalanish jiddiy yuridik xato ekanligi isbotlanadi. Maqolada milliy qonunchilikda aniq chegara belgilash zarurati asoslab beriladi: qochqin maqomi faqat xalqaro chegarani kesib o'tgandagina yuzaga keladi, ko'chirilgan shaxs esa o'z davlati yurisdiksiyasida qoladi.

Maqolada O'zbekiston Respublikasining milliy tajribasini, xususan, Yaqin Sharq va Afg'onistondagi qurolli to'qnashuvlar hududlaridan ayollar va bolalarni qaytarish bo'yicha mislsiz "Mehr" insonparvarlik operatsiyalarini tahlil qilishga alohida e'tibor qaratilgan. Maqolada ushbu operatsiyalarning qochqinlarni himoya qilish instituti bilan o'zaro munosabati to'g'risidagi savolga aniq huquqiy javob beriladi: o'z fuqarolarini repatriatsiya qilish davlatning konstitutsiyaviy majburiyatlarini va xalqaro huquqning qaytish huquqi to'g'risidagi normalarini amalga oshirish ekanligi, shuningdek, uning chet elliklarga boshpana berish instituti bilan huquqiy aloqasi yo'qligi isbotlanadi. Shunga qaramay, repatriantlarni psixosozimoiy rehabilitatsiya qilishning muvaffaqiyatli tajribasi O'zbekistonning zaif qatlamlarni himoya qilish bo'yicha xalqaro standartlarni joriy etishga institutsional jihatdan yuqori darajada tayyorligidan dalolat beradi.

Maqolada xalqaro normalarni implementatsiya qilishni faqatgina majburiyat sifatida emas, balki qonun ustuvorligini va davlatning xalqaro nufuzini mustahkamlashning strategik vositasi sifatida ko'rib chiquvchi yaqqol namoyon bo'lgan mualliflik yondashuvi taqdim etilgan. Xalqaro qochqinlar huquqi oldidagi zamonaviy chaqiriqlar, jumladan, iqlim migratsiyasi va boshpana berish tartib-taomillarida sun'iy intellekt algoritmlaridan foydalanishda "epistemik adolatsizlik" xavfi tahlil qilingan. Maqolada Milliy qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan takliflar majmuasi ilgari suriladi. Ularning eng asosiysi sifatida O'zbekiston Respublikasi tomonidan 1951-yilgi Qochqinlar maqomi to'g'risidagi Konvensiya va 1967-yilgi Bayonnomani ratifikatsiya qilish hamda ixtisoslashtirilgan "Qochqinlar va boshpana to'g'risida"gi Qonunni ishlab chiqish va qabul qilish bo'yicha qat'iy tavsiya beriladi.

Kalit so'zlar: xalqaro huquq, qochqin, ichki ko'chirilgan shaxs, 1951-yilgi Konvensiya, repatriatsiya, "Mehr" operatsiyasi, BMT Qochqinlar bo'yicha oliy komissari boshqarmasi, qaytarib yubormaslik (non-refoulement), norma ijodkorligi, ratifikatsiya, O'zbekiston Respublikasi.

SARDOR Yuldoshev

Acting Dean of the Faculty of Professional Training
of Legal Personnel according to International Standards
of the Institute for Retraining and Legal Training of Legal Personnel
under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan.
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

LEGAL STATUS OF REFUGEES IN INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS AND MODERN PRACTICES

ANNOTATION

This article provides a detailed legal and theoretical analysis of refugee status within the modern system of international public law, focusing specifically on addressing conceptual and terminological gaps that hinder effective rule-making and law enforcement practice. The central problem of the article is the issue of strictly distinguishing between closely related but fundamentally different legal categories - the concepts of "refugee" and "internally displaced person." Based on the 1951 Geneva Convention and the UN Guidelines on Internally Displaced Persons (1998), it has been proven that using these terms as synonyms is a serious legal error. The article substantiates the need for a clear demarcation in national legislation: refugee status arises only upon crossing an international border, while a displaced person remains under the jurisdiction of their state.

The article pays special attention to analyzing the national experience of the Republic of Uzbekistan, specifically the unprecedented "Mehr" humanitarian operations for the return of women and children from armed conflict zones in the Middle East and Afghanistan. The article provides a clear legal answer to the question of the relationship between these operations and the institution of refugee protection: it proves that the repatriation of its citizens is a realization of the state's constitutional obligations and international legal norms on the right to return, and that it has no legal connection with the institution of providing asylum to foreigners. Nevertheless, the successful experience of psychosocial rehabilitation of repatriates testifies to Uzbekistan's high level of institutional readiness to implement international standards for protecting vulnerable populations.

The article presents a distinct author's approach, viewing the implementation of international norms not only as an obligation but also as a strategic tool for strengthening the rule of law and the state's international prestige. Modern challenges in international refugee law are analyzed, including the risk of "epistemic injustice" when using artificial intelligence algorithms in climate migration and asylum procedures. The article puts forward a set of scientifically grounded proposals for improving national legislation. As the most important of these, it is strongly recommended that the Republic of Uzbekistan ratify the 1951 Convention and the 1967 Protocol on the Status of Refugees, as well as develop and adopt a specialized Law "On Refugees and Asylum".

Keywords: international law, refugee, internally displaced person, 1951 Convention, repatriation, Operation Mehr, UNHCR, non-refoulement, rulemaking, ratification, Republic of Uzbekistan.

На современном этапе исторического развития международное сообщество столкнулось с глобальным миграционным кризисом беспрецедентных масштабов. Архитектура международного права, выстроенная в середине двадцатого столетия для обеспечения защиты лиц, лишившихся покровительства собственного государства, подвергается колоссальному давлению ввиду эскалации вооруженных конфликтов, системных нарушений прав человека и беспрецедентной климатической деградации. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), к концу 2024 года общее число принудительно перемещенных лиц в мире превысило исторический рубеж в 120 миллионов человек [1]. Этот

масштабный гуманитарный и демографический сдвиг требует от академического сообщества и практиков глубокого переосмысления устоявшихся правовых парадигм и формирования новых, более эффективных механизмов правового регулирования.

Правовой статус беженцев и иных категорий перемещенных лиц представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных сфер современного международного публичного права. Сложность данной проблематики обусловлена тем, что она находится на стыке фундаментальных принципов международного права: с одной стороны, принципа государственного суверенитета, предполагающего исключительное право государства контролировать свои границы и определять правовое положение лиц на своей территории, а с другой – принципа всеобщего уважения прав и свобод человека, который требует от международного сообщества императивного вмешательства в случаях, когда индивид подвергается угрозе уничтожения или пыток [2]. В ситуации, когда государство происхождения выступает в роли преследователя или оказывается неспособным защитить своих граждан от негосударственных акторов насилия, международное право беженцев формирует систему субсидиарной (дополнительной) защиты [4].

Тем не менее, анализ современной юридической литературы, нормотворческой практики отдельных государств и даже правоприменительных актов выявляет критическую проблему: концептуальное и терминологическое смешение различных правовых статусов. В частности, понятия «беженец» и «перемещенное лицо» зачастую используются как взаимозаменяемые синонимы. Подобная небрежность в использовании юридического инструментария недопустима, поскольку за каждым из этих терминов стоит совершенно иной объем прав, обязанностей, механизмов международной защиты и пределов юрисдикции принимающего государства. Неспособность правоохранительных и миграционных органов провести четкую демаркацию между этими категориями приводит к фатальным нарушениям прав человека, включая нарушение императивного принципа non-refoulement (невысылки) [3].

Кроме того, теоретическое осмысление проблемы требует строгого отграничения института убежища от иных смежных гуманитарных механизмов. В контексте Республики Узбекистан это особенно актуально в связи с проведением масштабных операций по репатриации своих граждан из зон конфликтов (операции «Мехр») [6]. Понимание правовой природы этих операций – как акта защиты собственных граждан, а не предоставления убежища – имеет принципиальное значение для формирования корректного национального законодательства [7],[8].

Одним из наиболее существенных недостатков, выявляемых в современных научных публикациях и проектах нормативных актов, является синонимичное использование терминов «беженец» и «перемещенное лицо». С точки зрения международного публичного права, эти категории имеют принципиально различную юридическую природу, разные источники правового регулирования и кардинально отличающиеся механизмы имплементации гарантий [3], [9]. Смешение этих понятий в нормотворчестве и правоприменении не только порождает правовую неопределенность, но и способно девальвировать саму суть международной защиты. Международно-правовой статус беженца строго кодифицирован. Основопологающим документом в данной сфере выступает Конвенция о статусе беженцев, принятая в Женеве в 1951 году (с учетом расширительного толкования, закрепленного в Протоколе 1967 года). Согласно статье 1А(2) данной Конвенции, термин «беженец» применяется к лицу, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей

гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений [10].

Юридический состав данного определения включает в себя несколько обязательных элементов, отсутствие хотя бы одного из которых исключает признание лица беженцем:

Фактор отчуждения: лицо должно в обязательном порядке пересечь международно признанную государственную границу и находиться вне территории своей гражданской принадлежности (или страны обычного местожительства для лиц без гражданства) [3]. Это конституирующий признак статуса беженца. Обоснованные опасения преследований: Данный критерий содержит как субъективный элемент (реальный психологический страх индивида), так и объективный (наличие доказуемой угрозы в стране происхождения). Причинно-следственная связь: Преследование должно быть неразрывно связано с одним из пяти исчерпывающих оснований, прямо перечисленных в Конвенции (раса, религия, гражданство, социальная группа, политические убеждения) [10]. Отсутствие государственной защиты: Государство происхождения либо само является инициатором преследований (например, тоталитарные режимы), либо не способно/не желает защитить индивида от преследований со стороны негосударственных акторов (террористических группировок, картелей и т.д.).

Важно подчеркнуть, что статус беженца носит декларативный характер. Лицо становится беженцем не в момент получения официального документа от принимающего государства, а в тот момент, когда оно соответствует критериям Конвенции. Признание статуса государством является лишь формальной констатацией уже существующего факта. С момента пересечения границы беженец подпадает под действие международного права, и принимающее государство связано императивным обязательством не возвращать его в условия опасности. В отличие от беженцев, внутренне перемещенные лица – это лица, которые были вынуждены бежать или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, ситуаций повсеместного насилия, нарушений прав человека или стихийных бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ [4], [12].

Фундаментальное юридическое отличие заключается в факторе суверенитета. Внутренне перемещенные лица, несмотря на свои страдания, остаются на территории своей страны и *de jure* продолжают находиться под юрисдикцией и правовой защитой собственного правительства [5], [9]. В международном праве не существует универсальной юридически обязательной конвенции, посвященной исключительно ВПЛ, аналогичной Конвенции 1951 года. Их защита базируется на нормах внутреннего законодательства государства, международного права человека и, в ситуациях вооруженного конфликта, международного гуманитарного права. Ключевым международным ориентиром служат «Руководящие принципы ООН по вопросу о перемещении лиц внутри страны» (1998 г.), которые являются актом «мягкого права» (*soft law*) и не имеют обязывающей силы международных договоров [5]. В результате возникает парадокс: хотя потребности ВПЛ могут быть абсолютно идентичны потребностям беженцев (они так же нуждаются в еде, крове и безопасности), они обладают значительно меньшим объемом международных правовых гарантий. Международное сообщество (в лице УВКБ ООН и других агентств) не имеет автоматического мандата на вмешательство; для оказания помощи ВПЛ требуется прямое согласие суверенного правительства [13], которое зачастую и является виновником перемещения [3]. По статистике, ВПЛ подвержены значительно более высоким рискам смертности, физических нападений и сексуального насилия, так как они остаются запертыми в зонах конфликтов [3], [11]. Из 120 миллионов принудительно перемещенных лиц в мире подавляющее большинство – свыше 73,5 миллионов человек – составляют именно ВПЛ [1].

**Таблица 1. Сравнительный правовой анализ:
Беженцы и Внутренне перемещенные лица**

Критерий сравнения	Беженец	Внутренне перемещенное лицо
Пересечение границы	Обязательное условие. Лицо находится вне страны своего гражданства.	Отсутствует. Лицо остается в пределах своего государства.
Основной международный документ	Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г. (Юридически обязательные договоры).	Руководящие принципы ООН 1998 г. (Нормы «мягкого права», рекомендательный характер).
Правовая защита	Гарантирована международным правом (принцип non-refoulement). Находится под защитой принимающего государства и УВКБ ООН.	Находится под юрисдикцией и ответственностью собственного правительства. Международное вмешательство ограничено суверенитетом.
Причины перемещения (основания)	Строго ограничены: преследование по признаку расы, религии, национальности, социальной группы, политических убеждений.	Широкий спектр: вооруженные конфликты, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, общее насилие.

Исходя из приведенного анализа, мы рекомендуем внедрить строгую концептуальную дисциплину в законодательство Республики Узбекистан. Предлагается следующий подход к нормотворчеству и правоприменению:

1. В нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы миграции, пересечения государственной границы и предоставления убежища, термин «беженец» должен применяться исключительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые ищут защиту от преследований и подпадают под критерии Конвенции 1951 года.

2. Термин «перемещенное лицо» должен быть полностью исключен из контекста миграционного законодательства, касающегося иностранцев. Данный термин (с обязательным уточнением «внутренне перемещенное лицо») должен использоваться в законодательстве о гражданской защите, предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций (например, в документах Министерства по чрезвычайным ситуациям) для обозначения граждан Республики Узбекистан, эвакуированных или самостоятельно покинувших места проживания внутри страны вследствие селей, землетрясений, техногенных аварий и т.д.

3. На уровне правоприменения пограничные и миграционные службы должны четко квалифицировать субъекта: если иностранец заявляет о невозможности возвращения из-за политических преследований, он инициирует процедуру определения статуса беженца [19].

Называть его «перемещенным лицом» – значит лишать его международных гарантий защиты.

Понимание современной архитектуры защиты беженцев невозможно без анализа ее исторической ретроспективы. Формирование этого института является отражением поступательного развития человеческой цивилизации и перехода от доктрины абсолютного государственного суверенитета к концепции защиты универсальных прав человека. До начала XX века понятие убежища рассматривалось исключительно как право суверенного государства предоставить защиту иностранцу (право убежища для государства), а не как субъективное право самого индивида. Ситуация кардинально изменилась после Первой мировой войны и крушения империй (Российской, Османской, Австро-Венгерской), когда миллионы людей оказались в состоянии апатридов (лиц без гражданства), лишенных дипломатической защиты. Лига Наций отреагировала на этот кризис созданием в 1921 году поста Верховного комиссара по делам русских беженцев, который занял выдающийся норвежский полярник

и гуманист Фритьоф Нансен. Ключевым достижением этого периода стало внедрение «нансеновских паспортов» – международных проездных документов, возвращавших людям правовую субъектность. Однако система Лиги Наций была глубоко несовершенна: она базировалась на групповом подходе. Защита предоставлялась не на основе индивидуального риска преследования, а в зависимости от принадлежности к определенной национальной или этнической группе (русские, армяне, ассирийцы и т.д.). Обязательства государств по приему беженцев носили спорадический характер.

Вторая мировая война, Холокост и массовые депортации в Европе выявили катастрофическую недостаточность фрагментарного подхода. Ответом международного сообщества стало формирование универсальной системы прав человека под эгидой ООН. Статья 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 года впервые на глобальном уровне провозгласила: «Каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем». Для практической реализации этого права в 1950 году было учреждено УВКБ ООН, а в 1951 году принята Конвенция о статусе беженцев. Эта Конвенция совершила доктринальную революцию: она ввела универсальное индивидуальное определение беженца, не привязанное к конкретной национальности. Протокол 1967 года устранил первоначальные географические и временные ограничения Конвенции (ранее она применялась только к событиям, произошедшим в Европе до 1951 года), придав ей подлинно глобальный характер. Важнейшим достижением эволюции международного права стало формирование принципа non-refoulement (невывсылки). Закрепленный в статье 33 Конвенции 1951 года, этот принцип запрещает принудительное возвращение беженца на территорию, где его жизни или свободе угрожает опасность [1], [10]. Современная доктрина международного публичного права и практика международных трибуналов признают, что принцип non-refoulement вышел за рамки договорного обязательства и стал императивной нормой обычного международного права (*jus cogens*) [3]. Это означает, что запрет на высылку обязателен для всех государств мира, независимо от того, ратифицировали они Конвенцию 1951 года или нет. Это абсолютный стандарт, отступление от которого недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Архитектура Конвенции 1951 года, созданная в реалиях холодной войны, сегодня сталкивается с вызовами, которые ее авторы не могли предвидеть. Адаптация правовой базы к этим новым феноменам является ключевой задачей современной юриспруденции. Одной из наиболее острых проблем современности является деградация окружающей среды. Повышение уровня мирового океана, опустынивание и экстремальные погодные явления ежегодно вытесняют миллионы людей. В СМИ и социологии прочно закрепился термин «климатические беженцы» [1]. Однако с позиций строгого международного права этот термин некорректен и порождает правовой вакуум. Конвенция 1951 года требует наличия элемента «преследования» со стороны конкретных акторов (государства или группировок) по конкретным признакам (раса, религия и т.д.) [1]. Стихийные бедствия и изменение климата не обладают сознательной волей и не могут «преследовать» индивида в юридическом смысле этого слова. Следовательно, лица, покидающие исчезающие островные государства или зоны тотальной засухи, де-юре не могут претендовать на статус беженца, а относятся к категории экологических мигрантов. Они не защищены принципом non-refoulement в его классическом понимании. На международном уровне требуется разработка дополнительных протоколов к Конвенции или заключение новых международных соглашений, которые расширят понятие защиты на лиц, чье возвращение на родину невозможно ввиду уничтожения базовой среды обитания.

Второй экзистенциальный вызов связан с внедрением систем искусственного интеллекта в процедуры определения статуса беженца (Refugee Status Determination - RSD). Миграционные службы государств все чаще используют ИИ для оценки достоверности историй заявителей: алгоритмы анализируют микровыражения лица, извлекают данные из мобильных телефонов для построения графов социальных связей и применяют технологии распознавания диалектов. С правовой точки зрения это порождает феномен, определяемый в современной научной литературе как «эпистемическая несправедливость» (epistemic injustice) [14]. Проблема заключается в разрыве восприятия истины: показания самого беженца – часто единственное доказательство его преследования – воспринимаются государственными органами как субъективные и потенциально ложные. В то же время результаты, сгенерированные машинным алгоритмом (несмотря на встроенную предвзятость, ошибки в распознавании редких диалектов или непрозрачность архитектуры), рассматриваются как объективное экспертное знание, не подлежащее сомнению. Делегирование права принятия решений алгоритмам без должного этического и юридического контроля нарушает фундаментальные права человека на справедливое разбирательство. Право беженца на индивидуальную оценку его дела подменяется статистической вероятностью, что создает колоссальный риск нарушения принципа невысылки из-за программной ошибки.

Анализируя национальный контекст, необходимо дать исчерпывающий правовой ответ на вопрос, поставленный в ходе академической дискуссии: какое отношение имеют беспрецедентные гуманитарные операции Узбекистана «Мехр» к институту беженцев? Начиная с 2019 года, Республика Узбекистан провела серию сложных логистических и гуманитарных операций по возвращению своих граждан (преимущественно женщин и детей), оказавшихся в зоне боевых действий в Сирии, Ираке и Афганистане [6]. Государство обеспечило им не только физическое возвращение, но и комплексную психосоциальную реабилитацию, реинтеграцию в общество и восстановление документов. С точки зрения строгого международного права, операции «Мехр» не имеют никакого отношения к предоставлению статуса беженца или права убежища. Смешение этих понятий является грубой ошибкой. Институт беженцев – это механизм международной защиты, предоставляемый государством иностранным гражданам или лицам без гражданства, которые бегут от преследования со стороны своего собственного государства [1]. Государство не может предоставить международное убежище своему собственному гражданину, так как между гражданином и государством существует неразрывная политико-правовая связь [10]. Операция «Мехр» представляет собой реализацию института репатриации. Репатриация в международном праве (опирающаяся на статью 12 Международного пакта о гражданских и политических правах) – это право индивида вернуться в страну своего происхождения [2], [15], [16]. В отличие от беженцев, которые отказываются от защиты своего государства, репатрианты пользуются защитой своего государства [8]. Согласно Конституции Республики Узбекистан, государство гарантирует защиту и покровительство своим гражданам как на территории страны, так и за ее пределами. Проводя операцию «Мехр», Узбекистан выполнял свою суверенную обязанность по дипломатической защите собственных граждан, оказавшихся в зоне вооруженного конфликта (во многих случаях ставших жертвами торговли людьми или обмана) [7]. Государство Узбекистан не выступало для них преследователем; напротив, оно выступало спасителем, реализуя концепцию консульской и дипломатической протекции.

Несмотря на отсутствие прямой юридической связи между репатриацией граждан и предоставлением убежища иностранцам, операции «Мехр» имеют колоссальное опосредованное значение для выстраивания национальной системы защиты беженцев. Главный вывод заключается в следующем: Узбекистан на практике доказал наличие

высочайшего институционального потенциала, политической воли и материально-технической базы для работы с лицами, пережившими глубочайшие травмы войны. Государство создало эффективные протоколы межведомственного взаимодействия (МВД, МИД, Минздрав, органы опеки), отработало механизмы социальной адаптации, дерадикализации и обеспечения доступа к образованию для детей, годами не посещавших школу [6]. Если государство способно на столь высоком уровне реабилитировать своих граждан, возвращенных из эпицентра террористических структур, оно, безусловно, обладает всеми необходимыми компетенциями для имплементации международных стандартов работы с иностранными беженцами. Это снимает часто озвучиваемый аргумент о «неготовности инфраструктуры» к приему беженцев.

Анализ текущего состояния миграционного законодательства выявляет существенные пробелы в архитектуре национальной защиты. По состоянию на 2024–2025 годы, Узбекистан не является государством-участником Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года [17]. В стране отсутствует комплексное национальное законодательство, регламентирующее процедуру определения статуса беженца [20]. Правовой вакуум приводит к тому, что отношения с иностранцами регулируются общим Законом 2021 года «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», который рассматривает мигрантов преимущественно через призму визового контроля и административной ответственности за нарушение правил пребывания, не содержа четких гарантий против высылки (*non-refoulement*) для лиц, ищущих убежище. Положение о порядке предоставления политического убежища (2017 г.) имеет крайне узкую сферу применения и не охватывает весь спектр гуманитарных рисков [18], [22]. В результате, по оценкам УВКБ ООН, в стране находится значительное число лиц в ситуации, подобной беженцам (около 8500 человек), которые лишены возможности легализовать свой статус и получить доступ к базовым социально-экономическим правам, включая легальное трудоустройство и медицинское обслуживание [17], [19].

На основе проведенного исследования, предлагаем концептуально новый подход к формированию законодательства о беженцах в Узбекистане. Суть авторского подхода заключается в отказе от восприятия института беженцев исключительно как бремени или угрозы национальной безопасности. Напротив, в эпоху Глобального договора о беженцах (2018 г.) интеграция беженцев в правовое поле является элементом проактивной внешней политики, укрепления имиджа государства как надежного участника международных отношений и реализации принципа верховенства закона. Создание легальных каналов защиты выводит мигрантов из теневого сектора экономики, снижает уровень криминализации и способствует развитию человеческого капитала. В целях безусловного выполнения рекомендаций, принятых Узбекистаном в рамках Универсального периодического обзора (УПО) Совета по правам человека ООН в 2018 и 2023 годах [17], предлагается реализовать следующий пошаговый алгоритм изменений в законодательство:

1. Ратификация международных инструментов. Первоочередным и фундаментальным шагом должна стать ратификация Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года к ней. Ратификация интегрирует Узбекистан в глобальную систему распределения ответственности. Это не означает автоматического открытия границ для массового притока мигрантов, так как Конвенция оставляет право проведения индивидуальных процедур за государством. Ратификация обеспечит правовую основу для расширенного сотрудничества с УВКБ ООН, привлечения донорского финансирования и технической помощи для модернизации пограничной и миграционной инфраструктуры [23]. Учитывая присоединение Узбекистана к Ашхабадской декларации по

искоренению безгражданства (2024 г.), ратификация Женевской конвенции станет логичным продолжением курса на защиту уязвимых групп [21].

2. Принятие специального Закона «О беженцах и убежище». Необходима разработка и принятие прямого Закона Республики Узбекистан «О беженцах и убежище», который должен детально регламентировать следующие аспекты:

Терминологический аппарат: Строгое внедрение дефиниции беженца в соответствии со ст. 1А(2) Конвенции 1951 года. Исключение термина «перемещенное лицо» из данного закона.

Принцип Non-Refoulement: Прямое закрепление императивного запрета на высылку или принудительное возвращение любого лица (включая искателей убежища на стадии рассмотрения ходатайства) на территорию, где существует угроза его жизни, свободе или риск применения пыток. Эта норма должна иметь высшую юридическую силу по отношению к нормам Кодекса об административной ответственности об экстрадиции и депортации нарушителей визового режима.

Институциональный механизм: Учреждение в структуре Министерства внутренних дел (или Агентства по миграции) специализированного подразделения, обладающего исключительной компетенцией по проведению процедур определения статуса беженца. Процедура должна гарантировать право на бесплатного переводчика, юридическую помощь и право судебного обжалования отказа.

Защита при пересечении границы: Внесение изменений в Закон «О Государственной границе», обязывающих пограничные войска немедленно передавать ходатайства лиц, заявивших о преследовании при незаконном пересечении границы, в миграционные органы, исключая их немедленную депортацию.

Интеграционный пакет: В целях предотвращения маргинализации закон должен предоставить признанным беженцам право на легальное трудоустройство без получения дополнительных квот и патентов, доступ к базовому медицинскому страхованию и обязательному среднему образованию для их детей.

Таблица 2. Дорожная карта имплементации международных стандартов в правовую систему Республики Узбекистан

Этап реализации	Механизм / Документ	Ожидаемый правовой и социально-экономический эффект
Этап 1: Ратификация	Ратификация Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.	Выполнение рекомендаций УПО Совета по правам человека ООН (2018, 2023 гг.). Формирование международно-правовой базы защиты.
Этап 2: Нормотворчество	Принятие Закона РУз «О беженцах и убежище»	Демаркация понятий «беженец» и «ВПЛ». Легализация пребывания лиц, нуждающихся в защите (ликвидация правового вакуума).
Этап 3: Институционализация	Внедрение процедуры RSD (Определение статуса беженца)	Создание механизма справедливой оценки индивидуального риска. Защита от необоснованной депортации (non-refoulement).
Этап 4: Интеграция	Предоставление социально-экономических прав	Вывод беженцев из теневой экономики. Разрешение на труд, доступ к здравоохранению и образованию, снижение криминализации.

Институт международно-правового статуса беженцев прошел долгий путь эволюции от ситуативных механизмов Лиги Наций до комплексной системы гарантий, закрепленных в Конвенции 1951 года. Сегодня этот институт сталкивается с новыми вызовами, требующими глубокого академического осмысления и филигранной юридической техники. Главным

условием эффективности правовой защиты является строгая терминологическая дисциплина. Проведенный анализ неопровержимо доказывает, что понятия «беженец» и «внутренне перемещенное лицо» обладают принципиально различной правовой природой. Беженец – это субъект международного права, пересекший границу и подлежащий защите на основе императивного принципа невысылки (non-refoulement). Внутренне перемещенное лицо остается объектом внутренней юрисдикции государства. В процессе национального нормотворчества использование данных терминов в качестве синонимов является недопустимым.

Рассмотрение гуманитарных инициатив Республики Узбекистан, в частности операций «Мехр», позволило разграничить институт убежища от института репатриации. Возвращение собственных граждан из зон вооруженных конфликтов является выполнением конституционных гарантий государства и не имеет правовой связи с предоставлением статуса беженца иностранцам. Однако блестящая реализация этих операций демонстрирует наличие в стране развитой институциональной инфраструктуры, способной справляться с самыми сложными гуманитарными вызовами и реинтегрировать уязвимые слои населения.

Опираясь на этот прочный фундамент, авторский подход постулирует: создание полноценной системы убежища полностью соответствует стратегическим интересам и конституционным ценностям Нового Узбекистана. Имплементация международных стандартов позволит вывести из правовой неопределенности тысячи людей, уже находящихся на территории страны, и предотвратить потенциальные нарушения прав человека при осуществлении пограничного контроля.

Для завершения формирования правового государства и укрепления авторитета на международной арене, настоятельно рекомендуется инициировать процедуру ратификации Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года, а также разработать и принять целостный Закон Республики Узбекистан «О беженцах и убежище». Эти шаги не только исполняют международные обязательства страны в рамках ООН, но и станут важнейшим вкладом в обеспечение стабильности, безопасности и гуманизма в Центральноазиатском регионе.

CHOCKI/IQTIBOSLAR/REFERENCES:

1. Global Report 2024. UNHCR // URL: <https://www.unhcr.org/publications/global-report-2024>
2. Global Appeal 2025. UNHCR // URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2024-12/Global%20Appeal%202025%20-%20Executive%20Summary.pdf>
3. Refugee Study Guide // University of Minnesota Human Rights Library. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/edumat/studyguides/Rrefstudyguide.html>
4. Protocol relating to the Status of Refugees // Office of Legal Affairs. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/prsr/prsr.html>.
5. Руководящие принципы ООН по вопросу о перемещении лиц внутри страны (Приняты в 1998 г.) // УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/ru/>
6. Операция «Мехр»: путь исправления // Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека. 09.12.2020. URL: <http://insonhuquqlari.uz/ru/news/operatsiya-mehr-put-ispravlenija>.
7. Глобальный договор о беженцах (Global Compact on Refugees) // УВКБ ООН. 2018. URL: <https://globalcompactrefugees.org/about-digital-platform/global-compact-refugees>.
8. Repatriation and reintegration of children in Uzbekistan // UNICEF. 2023. URL: <https://www.unicef.org/eca/reports/repatriation-and-reintegration-children-uzbekistan-affected-conflict-syria-and-iraq>.
9. Deep Dive: Legal Obligations to Refugees // HIAS. URL: <https://hias.org/news/deep-dive-legal-obligations-refugees/>.
10. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // УВКБ ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml

11. Handbook on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol // УВКБ ООН. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/instreet/refugeehandbook.pdf>.
12. Внутренне перемещенные лица (ВПЛ): определение и правовой статус // УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/internally-displaced-people>.
13. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights>.
14. Digital Transformation in Asylum and Reception Systems, Situational Update No 23 // European Union Agency for Asylum (EUAA). 2025. URL: https://www.euaa.europa.eu/sites/default/files/publications/2025-09/2025_digitalisation_asylum_reception_EN.pdf.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
16. Repatriation of prisoners of war and refugees // Oxford Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e868>.
17. UNHCR Uzbekistan Factsheet, February 2025 // УВКБ ООН. 2025. URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-02/Factsheet%20-%20Uzbekistan%2C%20EN%202025.pdf>.
18. Закон Республики Узбекистан «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Узбекистан». ЗРУ-692-сон 04.06.2021 // URL: <https://lex.uz/docs/5443901>.
19. Универсальный периодический обзор (УПО) Совета по правам человека ООН: Узбекистан (2018 и 2023 гг.) // Совет по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/uz-index>
20. Аналитический доклад по законодательству и практике Республики Узбекистан в контексте перспективы присоединения к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. // НЦПЧ и УВКБ ООН. 17.03.2023. URL: <https://www.unhcr.org/central-asia/news/nhrc-and-unhcr-presented-recommendations-development-asylum-legislation>.
21. Ashgabat Declaration on Ending Statelessness in Central Asia // УВКБ ООН. 2024. URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-04/Factsheet%20-%20Uzbekistan%2C%20EN%2C%20April%202025.pdf>.
22. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке предоставления политического убежища в Республике Узбекистан» (УП-5060-сон, 29.05.2017) // URL: <https://lex.uz/docs/3219285>.
23. Доклад Рабочей группы по Универсальному периодическому обзору: Узбекистан. А/HRC/WG.6/44/UZB/1 // ООН. 2023. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/WG.6/44/UZB/1>

MINGBOYEVA Sakinabonu Shuhrat qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va
inson huquqlari sho'bası o'qituvchisi,
Toshkent davlat yuridik universiteti tayanch doktranti
E-mail: mingbovevasakinabonu0202@gmail.com

RAMSAR KONVENSIYASINING O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI QONUNCHILIGIDA IMPLEMENTATSIYASI

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): MINGBOYEVA S.Sh.
Ramsar Konvensiyasining O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida implementatsiyasi //
Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) B. 145-153.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-015>

ANNOTATSIYA

Mazkur maqolada Ramsar konvensiyasining O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida implementatsiyasi normativ-huquqiy, institutsional hamda qiyosiy-huquqiy yondashuvlar asosida kompleks tahlil qilinadi. Maqolaning maqsadi Konvensiya talablarining milliy huquq tizimiga integratsiyalashuv darajasi va samaradorligini aniqlashdan iborat. Maqola doirasida xalqaro ahamiyatga molik botqoqli hududlarni ro'yxatga olish, ularning ekologik xarakterini saqlash hamda oqilona foydalanish tamoyilini ta'minlash mexanizmlari tizimli ravishda ko'rib chiqiladi. Tahlillar natijasida O'zbekiston Respublikasida mazkur majburiyatlarning normativ asoslari shakllanganligi, biroq ularning amaliy qo'llanilishida ayrim tizimli muammolar saqlanib qolayotgani asoslandi. Xususan, "ekologik xarakter" va "oqilona foydalanish" tushunchalarining milliy qonunchilikda aniq mezonlar bilan mustahkamlanmagani aniqlanadi. Shuningdek, muhofaza etiladigan tabiiy hududlar instituti hamda suv va ekologiya sohasidagi normativ-huquqiy hujjatlar mavjud bo'lishiga qaramay, ular o'rtasida yetarli darajada integratsiya va muvofiqlashtirish ta'minlanmagani ko'rsatib beriladi. Monitoring va boshqaruv mexanizmlarining samaradorligi institutsional va metodologik cheklavlar bilan izohlanadi. Muallif tomonidan "oqilona foydalanish" tushunchasining ekologik yaxlitlik, barqaror yuklama, ehtiyotkorlik prinsipi, adaptiv boshqaruv hamda sektorlararo muvofiqlashtirish mezonlari asosida normativ talqini taklif etiladi. Mazkur yondashuv indikatorlar tizimi, boshqaruv rejimi va huquqiy oqibatlar o'rtasidagi uzviy bog'liqlikni ta'minlash orqali Konvensiya talablarini samarali institutsionallashtirish zaruratini asoslaydi.

Kalit so'zlar: Ramsar konvensiyasi, botqoqli hududlar, ekologik xarakter, oqilona foydalanish, implementatsiya, ekologik huquq, muhofaza etiladigan tabiiy hududlar, suv huquqi, monitoring, adaptiv boshqaruv.

МИНГБОЕВА Сакинабону

Преподаватель кафедры международного
Права и прав человека Ташкентского
государственного юридического университета,
базовый докторант Ташкентского государственного
юридического университета
E-mail: mingboyevasakinabonu0202@gmail.com

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РАМСАРСКОЙ КОНВЕНЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

АННОТАЦИЯ

В данной статье имплементация Ramsar Convention в законодательстве Республики Узбекистан рассматривается на основе нормативно-правового, институционального и сравнительно-правового подходов. Цель исследования заключается в определении уровня и эффективности интеграции положений Конвенции в национальную правовую систему. В рамках исследования анализируются вопросы включения водно-болотных угодий в перечень территорий международного значения, сохранения их экологического характера, а также обеспечения принципа рационального использования. Результаты анализа показывают, что в Республике Узбекистан сформирована необходимая нормативная база, однако её практическая реализация сопровождается рядом системных проблем. В частности, установлено отсутствие чёткой правовой конкретизации понятий «экологический характер» и «рациональное использование». Кроме того, выявляется недостаточная согласованность между институтом особо охраняемых природных территорий и нормативно-правовыми актами в сфере водного и экологического права. Отмечается, что действующие механизмы мониторинга и управления ограничены институциональными и методологическими факторами, что снижает их эффективность. Автором предлагается нормативная интерпретация понятия «рациональное использование», основанная на критериях экологической целостности, устойчивой нагрузки, принципа предосторожности, адаптивного управления и межсекторной координации. Обосновывается необходимость институционализации данных подходов через взаимосвязанную систему «индикаторы – режим управления – правовые последствия».

Ключевые слова: Рамсарская конвенция, водно-болотные угодья, экологический характер, разумное использование, имплементация, экологическое право, особо охраняемые природные территории, водное право, мониторинг, адаптивное управление.

SAKINABONU Mingboeva

Lecturer at the Department of International
Law and Human Rights of the Tashkent State University of Law
Basic Doctoral Student of Tashkent State University of Law
E-mail: mingboyevasakinabonu0202@gmail.com

IMPLEMENTATION OF THE RAMSAR CONVENTION IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

ANNOTATION

This article examines the implementation of the Ramsar Convention within the legal framework of the Republic of Uzbekistan through normative-legal, institutional, and comparative legal approaches. The study aims to assess the level and effectiveness of integrating the Convention's provisions into the national legal system. It focuses on key aspects such as the designation of wetlands of international importance,

the maintenance of their ecological character, and the operationalization of the principle of wise use. The findings indicate that Uzbekistan has established a formal regulatory framework in this field; however, its practical implementation is constrained by several systemic challenges. In particular, the concepts of "ecological character" and "wise use" lack precise legal definition and measurable criteria within national legislation. Furthermore, insufficient coordination is observed between the system of protected natural areas and the broader body of water and environmental law. It is also noted that existing monitoring and governance mechanisms are limited by institutional and methodological constraints, which affects their overall effectiveness. The author proposes a normative interpretation of "wise use" based on ecological integrity, sustainable load, the precautionary principle, adaptive management, and cross-sectoral coordination. The study substantiates the need to institutionalize these approaches through an integrated framework linking indicators, management regimes, and legal consequences.

Keywords: Ramsar Convention, wetlands, ecological character, wise use, implementation, environmental law, protected natural areas, water law, monitoring, adaptive management.

1997-yildan buyon 2-fevral Butunjahon suvli-botqoq yerlar kuni sifatida dunyo davlatlari tomonidan e'tirof etib kelinayotganligi uning xalqaro maydondagi ahamiyatini yaqqol namoyon etadi. Botqoqli hududlar ekotizim xizmatlari suvni tabiiy filtrlash, suv toshqinlarini yumshatish, biologik xilma-xillikni saqlash kabi funksiyalarni bajarishi bilan barqaror rivojlanish jarayonida muhim o'rin tutadi. Shu bois 1971-yil 2-fevralda Eronning Ramsar shahrida qabul qilingan BMTning Suvda suzuvchi qushlarning asosiy yashash manzili bo'lgan xalqaro ahamiyatga ega suvli-botqoq yerlar to'g'risidagi konvensiyasi (Ramsar Konvensiyasi) botqoqli hududlarni muhofaza qilish va ulardan oqilona foydalanishni ta'minlashga qaratilgan asosiy universal xalqaro-huquqiy hujjat sifatida namoyon bo'ladi [1]. Suvli-botqoq hududlar o'ziga xos ekologik tizim sifatida yuqori darajadagi biologik xilma-xillikni shakllantiradi. Mazkur hududlarda o'simlik qoplami, asosan, uch asosiy ekologik guruhdan iborat: birinchidan, suv ostida o'suvchi gidrofit o'simliklar; ikkinchidan, suv yuzasida suzuvchi yoki suv sathiga qisman chiqib turuvchi o'simliklar; uchinchidan, nam va botqoq tuproqlarda rivojlanadigan gelofit va gigrofit o'simliklar. Ushbu o'simliklar nafaqat ekotizimning barqarorligini ta'minlaydi, balki ko'plab qush turlari uchun in qurish, yashirinish va yirtqichlardan himoyalash muhiti vazifasini bajaradi. Suvli-botqoq hududlar ko'plab noyob va endemik turlar uchun yashash makoni bo'lib, ayrim turlar uchun esa asosiy ko'payish va migratsiya nuqtasi hisoblanadi. Ayniqsa, yo'qolib ketish xavfi ostida bo'lgan bir qator o'simlik va hayvon turlari aynan shu ekotizimlarda saqlanib qolmoqda. Shu bois suvli-botqoq hududlar biologik xilma-xillikni muhofaza qilish tizimida strategik ahamiyat kasb etadi. Chuchuk suvli botqoqlarda, asosan, o'tlar, yovvoyi gullar va butalar keng tarqalgan bo'lsa, sho'r suvli botqoqlarda qamish, sho'ra va sho'rlanishga moslashgan boshqa halofit o'simliklar ustunlik qiladi. Ushbu o'simlik qoplami suvni tabiiy ravishda ushlab turish, suv oqimini tartibga solish va eroziya jarayonlarini kamaytirishda muhim ekologik funksiyani bajaradi. Natijada, mahalliy daryo va ko'llarning toshqin xavfi pasayadi hamda tuproqning degradatsiyaga uchrashi oldi olinadi [2]. Hayvonot dunyosi nuqtayi nazaridan ham suvli-botqoq hududlar boy va murakkab trofik tizimni tashkil etadi. Sutemizuvchilardan qunduz, kiyik, qorako'zan va ondatra kabi turlar suv bilan bog'liq muhitda yashaydi. Sudraluvchilar va amfibiyalar timsoh, ilon, toshbaqa, triton va salamandra kabi turlar ham aynan shu hududlarda tarqalgan. Bundan tashqari, qisqichbaqalar, chivinlar, ninachilar kabi ko'plab umurtqasiz organizmlar suvli-botqoq ekotizimlarining ajralmas qismi bo'lib, oziqa zanjirining muhim bo'g'inini tashkil etadi.

O'zbekiston Respublikasi suv resurslari cheklangan, iqlim o'zgarishi muammolari katta salbiy ta'sir ko'rsatayotgan mintaqada joylashgan davlat sifatida botqoqli hududlarni muhofaza qilish va ulardan oqilona foydalanish masalasiga alohida e'tibor qaratishi zarur. Ayniqsa, Orolbo'yi hududidagi ekologik inqiroz, ko'llar tizimining gidrologik rejimiga irrigatsion ta'sirlar,

sho'rlanish va suv sathining o'zgaruvchanligi botqoqli hududlarning ekologik xarakterini saqlash masalasini murakkablashtiradi. Bunday sharoitda Ramsar konvensiyasining milliy qonunchilikka implementatsiyasi nafaqat xalqaro majburiyatlarni bajarish, balki milliy ekologik xavfsizlikni ta'minlash vositasi sifatida ham namoyon bo'ladi. Shu bilan birga, xalqaro huquq normalarining milliy huquq tizimiga transformatsiyasi masalasi nazariy va amaliy jihatdan murakkab jarayon bo'lib, ko'pincha normativ-huquqiy hujjatlar va vakolatli organlar amaliyoti o'rtasida tafovut yuzaga keladi. Ayniqsa, oqilona foydalanish konsepsiyasining mazmuni, uning milliy qonunchilikdagi ifodasi va institutsional mexanizmlari yetarlicha aniqlashtirilmagan hollarda implementatsiya deklarativ xarakter kasb etishi mumkin. Mazkur holat maqola mavzusining ilmiy dolzarbligini yanada kuchaytiradi.

Ushbu maqolaning asosiy maqsadi Ramsar konvensiyasida belgilangan davlat majburiyatlarining O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida aks etish darajasi va ularning amaliy implementatsiya mexanizmlarini ilmiy-huquqiy jihatdan tahlil qilishdan iborat. Birinchidan, Konvensiyada mustahkamlangan asosiy prinsip va majburiyatlarning normativ mazmunini aniqlash; ikkinchidan, ularning milliy konstitutsiyaviy va tarmoq qonunchiligida ifodalanish shakllarini aniqlash; uchinchidan, institutsional mexanizmlarning samaradorligini baholash; to'rtinchidan, qonunchilik va amaliy ijro o'rtasidagi tafovutlarni aniqlash. Xalqaro ekologik huquqning implementatsiya nazariyasi, xususan, davlatlarning shartnoma majburiyatlarini milliy huquq tizimiga inkorporatsiya qilish va transformatsiya qilish mexanizmlarini o'rganish bilan uzviy bog'liqdir. Shu ma'noda, maqolada qo'yilgan masala nafaqat amaliy, balki nazariy ahamiyatga ham ega bo'lib, xalqaro majburiyatlarning milliy darajadagi samaradorligini baholash mezonlarini aniqlashga xizmat qiladi.

Ramsar konvensiyasi va botqoqli hududlardan oqilona foydalanish konsepsiyasi xalqaro ekologik huquq doktrinasida keng muhokama qilingan masalalardan biridir [3]. Xorijiy adabiyotlarda, avvalo, oqilona foydalanish tamoyilining evolyutsiyasi va uning barqaror rivojlanish paradigmasi bilan o'zaro bog'liqligi chuqur tahlil qilingan [4]. M. C. Finlayson va C. M. Davidson botqoqli hududlarning ekologik xarakterini saqlash Konvensiyaning markaziy elementi ekanini ta'kidlab, oqilona foydalanishni faqat resursdan foydalanish emas, balki ekotizim yondashuvi asosida boshqaruv modeli sifatida talqin etadi [5,6]. A. Matthews esa Ramsar mexanizmini "soft compliance" modeli sifatida baholab, uning samaradorligi milliy darajadagi siyosiy iroda va institutsional imkoniyatlarga bevosita bog'liqligini qayd etadi [7]. R. Gardner va D. Finlayson tomonidan olib borilgan tadqiqotlarda Ramsar konvensiyasining implementatsiyasi biologik xilma-xillikni saqlash va suv resurslarini integratsiyalashgan boshqarish tizimi (IWRM) bilan uzviy aloqada ko'rib chiqiladi [8]. Shuningdek, P.Sand xalqaro ekologik shartnomalarning milliy huquq tizimiga transformatsiyasi jarayonida norma va ijro o'rtasidagi tafovut doimiy muammo bo'lib qolayotganini asoslaydi [9]. Mazkur yondashuv Ramsar konvensiyasi doirasida ham dolzarbdir.

MDH olimlari orasida D.R.Ziganshina transchegaraviy suv resurslarini boshqarishda adolatli va oqilona foydalanish tamoyillarining Markaziy Osiyo sharoitida qo'llanishini tahlil qilib, botqoqli hududlarni muhofaza qilish mintaqaviy hamkorlikning ajralmas qismi ekanini ta'kidlaydi [10]. V.V.Romanov ekologik xavfsizlik konsepsiyasini rivojlantirar ekan, xalqaro ekologik majburiyatlarning milliy huquqda aniq normativ mexanizmlar bilan mustahkamlanmagani ularning samaradorligini pasaytirishini qayd etadi.

O'zbek olimlari tomonidan ham suv resurslari va ekologik huquq masalalari tadqiq etilgan. H.Sh. Hayitov tomonidan iqlim o'zgarishini hisobga olmaslik suv qonunchiligidagi asosiy muammolardan biri sifatida uning qurg'oqchilik, toshqinlar va suv oqimlarining taqsimlanishidagi o'zgarishlar xavfning oshishiga ta'siri alohida ta'kidlangan. O.Q.Tobirov tomonidan keltirilishicha, Ramsar hududlarining geografik taqsimoti nomutanosib bo'lib, Shimoliy yarimsharning ustunligi (86.5%)

yer massasining ko‘proq mavjudligi va rivojlangan mamlakatlarning Ramsar konvensiyasida faol ishtiroki bilan bog‘liq [11].

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqib aytish mumkinki, xorijiy adabiyotlarda Ramsar konvensiyasi ko‘proq global boshqaruv, ekotizim yondashuvi va biologik xilma-xillikni saqlash nuqtayi nazaridan o‘rganilgan bo‘lsa, MDH va milliy tadqiqotlarda suv resurslaridan oqilona foydalanish va transchegaraviy hamkorlik masalalariga urg‘u berilgan. Biroq, O‘zbekiston Respublikasida Ramsar konvensiyasining implementatsiyasi, oqilona foydalanish konsepsiyasining milliy huquqiy tizimdagi mazmuni va institutsional mexanizmlari o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlikni kompleks va tizimli baholashga qaratilgan maxsus ilmiy tadqiqotlar yetarli darajada shakllanmagan. Mazkur holat ushbu maqolada qo‘yilgan ilmiy masalani chuqurroq o‘rganish zaruratini asoslaydi.

Ramsar konvensiyasi botqoqli hududlarni muhofaza qilishga qaratilgan xalqaro shartnomaviy rejim sifatida davlatlar zimmasiga aniq mazmundagi majburiyatlar tizimini yuklaydi. Ushbu tizimning huquqiy mantiqi, avvalo, xalqaro ahamiyatga molik botqoqli hududlarni identifikatsiya qilish va ro‘yxatga olish, keyin esa mazkur hududlarning ekologik yaxlitligini saqlash hamda oqilona foydalanish tamoyili asosida ulardan barqaror foydalanishni ta‘minlashdan iborat. Konvensiya doirasidagi oqilona foydalanish tamoyili oddiy resursdan foydalanish emas, balki ekotizim yondashuvi, manfaatlar muvozanati va ehtiyotkorlik tamoyillariga tayangan boshqaruv modelini anglatadi. Shuning uchun ham implementatsiya masalasi faqat shartnomani ratifikatsiya qilish yoki umumiy ekologik normalarni qabul qilish bilan yakunlanmaydi: xalqaro majburiyatning milliy huquqda “ishlaydigan” mexanizmga aylanishi normativ institutlar, institutsional vakolatlar taqsimoti, monitoring, hisobot va ijro choralarning uyg‘un tizimini talab qiladi.

O‘zbekiston Respublikasida Ramsar konvensiyasining implementatsiyasi, bir tomondan, botqoqli hududlarning ekologik va ijtimoiy-iqtisodiy ahamiyati bilan, ikkinchi tomondan esa mamlakatning suv resurslari cheklangan, gidrologik rejimlari o‘zgaruvchan mintaqada joylashganligi bilan belgilanadi. Dunyoning 170 dan ortiq davlatlarini o‘zida jamlagan mazkur konvensiya mamlakatimiz tomonidan 2001-yilda milliy qonunchilikka ratifikatsiya qilingan bo‘lib, hozirgi kunga qadar 5 ta hudud Ramsar obyektlari ro‘yxatiga kiritilgan. Ramsar hukumati tomonidan e‘lon qilingan yerlarni Konvensiya kotibiyati Xalqaro ahamiyatga ega bo‘lgan suvli-botqoq yerlar ro‘yxatiga (Ramsar List of Wetlands of international Importance) kiritadi. O‘zbekiston miqyosida Dengizko‘l 2001-yilda, Aydar-Arnasoy ko‘llar tizimi 2008-yilda va To‘dako‘l hamda Quyimazor suv omborlari 2020-yilda, Sudoche ko‘llar tizimi 2023-yilda, Jiltirbas ko‘li 2024-yilda uzoq yillar olib borilgan tadqiqotlar natijasida Ramsar ro‘yxatidan joy olgan [12].

Botqoqli hududlar suvni tabiiy filtrlash, suv rejimini barqarorlashtirish, ko‘chib yuruvchi qushlar uchun yashash muhiti, biologik xilma-xillikni qo‘llab-quvvatlash hamda iqlimga moslashuv mexanizmlarini kuchaytirish kabi ekotizim xizmatlari orqali ekologik xavfsizlikning tarkibiy elementi hisoblanadi. Mazkur xizmatlar, ayniqsa, Orolbo‘yi hududida ekologik degradatsiya jarayonlari kuchaygan sharoitda strategik ahamiyat kasb etadi. Shu sababli Ramsar majburiyatlari milliy darajada xalqaro e‘tirofni ta‘minlash vositasi bilangina cheklanmay, amaliy ekologik xavfsizlik va barqaror rivojlanish maqsadlariga xizmat qiladigan huquqiy instrument sifatida qaralishi lozim. Milliy huquqiy tizimda Ramsar konvensiyasi talablari, asosan, umumiy ekologik va tabiiy resurslar huquqi orqali implementatsiya qilingan.

Birinchidan, O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining muqaddimasida atrof-muhit musaffoligini saqlash, 49-moddasida qulay atrof-muhitga, uning holati to‘g‘risidagi ishonchli axborotga ega bo‘lish huquqi, 68-moddasida tabiiy resurslardan oqilona foydalanish zarurligining qayd etilganligi uning davlat siyosatida naqadar muhim o‘rin tutishini namoyon qiladi [13].

Ikkinchidan, Ekologiya huquqi, suv huquqi, xalqaro huquq nuqtai nazaridan qaraladigan bo‘lsa, Ramsar konvensiyasi implementatsiyasini ta‘minlovchi huquqiy normalar normativ-huquqiy

hujjatlar ko'rinishida milliy qonunchilikka tatbiq etilgan [14]. Jumladan, O'zbekiston Respublikasining Suv kodeksi, Ichimlik suvi ta'minoti va oqova suvlarni chiqarib yuborish to'g'risida, Ekologik ekspertiza, atrof-muhitga ta'sirni baholash va strategik ekologik baholash to'g'risida, Aholini va hududlarni tabiiy hamda texnogen xususiyatli favqulodda vaziyatlardan muhofaza qilish to'g'risidagi qonunlar mavjud. Shuningdek, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Suv resurslaridan foydalanish samaradorligini oshirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida qarori kabi suvga doir 100 dan ortiq qaror va farmonlari qabul qilingan. Bularning barchasi konvensiyaning milliy qonunchilikka implementatsiya qilinganligining yorqin ifodasidir.

Uchinchi muhim yo'nalish, muhofaza etiladigan tabiiy hududlar instituti bo'lib, u botqoqli hududlarni alohida boshqaruv rejimiga ega hudud sifatida belgilash, zonalash, foydalanish cheklovlarini joriy etish, boshqaruv rejalari va monitoring tizimini shakllantirish imkonini beradi. Aynan shu institut Ramsar obyektlarining hududiy-huquqiy maqomini aniq belgilash nuqtayi nazaridan muhimdir.

Shu bilan birga, suv huquqi va suv boshqaruvi komponenti Ramsar implementatsiyasining markaziy masalalaridan biridir. Botqoqli hududlarning ekologik holati gidrologik rejimga bevosita bog'liq bo'lgani uchun ularni muhofaza qilish choralari suv ajratish, irrigatsion-drenaj oqimlari, suv omborlari ekspluatatsiyasi va suv xo'jaligi infratuzilmasi bilan uzviy tutashadi. Demak, Ramsar majburiyatlarining samarali ijrosi faqat ekologiya yo'nalishidagi vakolatli organ faoliyati bilan cheklanmasdan, suv xo'jaligi boshqaruvi, hududiy boshqaruv va xo'jalik yurituvchi subyektlar faoliyatini muvofiqlashtiradigan institutsional integratsiyani talab qiladi. Bu holat implementatsiyani sektorlararo boshqaruv sifatida ko'rishni taqozo etadi. O'zbekiston Respublikasida konvensiya majburiyatlarining ijrosini ta'minlashda Vazirlar Mahkamasi, Suv xo'jaligi vazirligi va uning hududiy bo'limlari, Ekologiya va iqlim o'zgarishi milliy qo'mitasi va uning bo'limlari va boshqa muassasalar muhim ahamiyatga ega hisoblanadi.

O'tkazilgan normativ-huquqiy va institutsional tahlil O'zbekiston Respublikasida Ramsar konvensiyasining implementatsiyasi ma'lum darajada shakllanganini, xususan, umumiy ekologik qonunchilik va muhofaza etiladigan tabiiy hududlar instituti orqali huquqiy asos yaratilganini ko'rsatadi. Biroq mazkur modelning konseptual zaif nuqtasi sifatida Ramsarga xos bo'lgan ekologik xarakter va oqilona foydalanish kategoriyalarining milliy qonunchilikda mustaqil normativ institut sifatida to'liq mezonlashtirilmaganligi ajralib turadi. O'zbekiston Respublikasi suv va ekologiya qonunchiligida mazkur atamaning aniq izohi keltirilmagan bo'lib, bu uning amaliyotda qo'llanilishida noaniqliklar keltirib chiqaradi. Hozirda qo'llanilayotgan yondashuvda oqilona foydalanish, ko'pincha, umumiy resurslarni tejash yoki zarar yetkazmaslik qoidalari bilan cheklanib qolgan. Vaholanki, Ramsar talabi ekologik xarakter elementlarini belgilash, ularni monitoring ko'rsatkichlariga bog'lash va moslashuvchan boshqaruv mexanizmlarini huquqiy tartibga solishni nazarda tutadi.

Tahlil jarayonida Ramsar konvensiyasi implementatsiyasi holatida quyidagi muammolar borligi ham qayd etildi.

Birinchidan, terminologik va normativ fragmentarlik, ya'ni Ramsar konvensiyasi terminlari milliy huquq tarmoqlariga aniq va yaxlit holda singdirilmagan bo'lib, bu implementatsiyani tizimli baholashni qiyinlashtiradi. Konvensiyaning 1-moddasida "wetlands" (suvli-botqoq hududlar) tushunchasi keng va integrativ mazmunda talqin qilinadi. Unga tabiiy yoki sun'iy, doimiy yoki vaqtinchalik, oqimli yoki turg'un suv havzalari, botqoqliklar, ko'llar, daryolar, suv omborlari hamda dengiz sohilining 6 metr gacha chuqurlikdagi hududlari kiradi. Mazkur yondashuv suvli-botqoq hududlarni yagona ekologik tizim sifatida ko'rishni nazarda tutadi va ularning huquqiy muhofazasini kompleks asosda ta'minlashni talab qiladi. O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida esa ushbu tushuncha yagona normativ ta'rif shaklida mustahkamlanmagan bo'lib, u turli huquq

tarmoqlari doirasida parchalanib qoʻllaniladi. Xususan, Oʻzbekiston Respublikasining Suv kodeksida “suv obyektlari” kategoriyasi orqali koʻllar, daryolar va boshqa suv havzalari tartibga solinadi. “Muhofaza etiladigan tabiiy hududlar toʻgʻrisida”gi qonunida esa qoʻriqxonalar, milliy bogʻlar va boshqa muhofaza etiladigan hududlarni alohida institut sifatida belgilaydi. Shuningdek, “Tabiatni muhofaza qilish toʻgʻrisida” qonunida “ekologik tizimlar” va “tabiiy landshaftlar” tushunchalari qoʻllanilib, ularning muhofazasi umumiy ekologik-huquqiy tamoyillar asosida tartibga solinadi. Shu bois, “suvli-botqoq hududlar” tushunchasining Ramsar talqiniga mos yagona normativ taʼrifi mavjud emasligi implementatsiyaning tizimli va izchil amalga oshirilishini murakkablashtiradi hamda xalqaro majburiyatlarning milliy huquq tizimiga toʻliq integratsiyalashuviga toʻsqinlik qiladi.

Ikkinchidan, Oʻzbekistonda suvli-botqoq hududlarga taʼsir qiluvchi qarorlar sektorlar kesimida qabul qilinadi: suv ajratish suv xoʻjaligi tizimida, yer ajratish hududiy rejalashtirish doirasida, infratuzilma loyihalari esa qurilish tartibida koʻrib chiqiladi. Ramsar yondashuvida esa ushbu hudud yagona ekotizim sifatida baholanadi. Amaldagi normativ tizimda ekologik talablar umumiy prinsip sifatida mustahkamlangan boʻlsa-da, sektorlararo kolliziya yuzaga kelganda manfaatlar muvozanatini taʼminlaydigan maxsus, integratsiyalashgan protsedural mexanizm alohida institut sifatida shakllanmagan. Natijada gidrologik rejim, bioxilma-xillikni saqlash va xoʻjalik manfaatlari oʻrtasidagi muvozanat koʻpincha amaliy kelishuvlar orqali hal etiladi.

Uchinchidan, Oʻzbekistonda suvli-botqoq hududlar boʻyicha monitoring tizimi mavjud boʻlsa-da, maʼlumotlarning sektorlararo integratsiyasi va ularni boshqaruv qarorlariga tizimli ravishda ulash mexanizmlari yanada takomillashtirishni talab etadi. Hidrologik, ekologik va yer monitoringi turli vakolatli organlar tomonidan amalga oshiriladi hamda ularning metodologik yondashuvlari va koʻrsatkichlari har doim ham yagona indikatorlar tizimiga birlashtirilmagan. Ramsar konvensiyasida nazarda tutilgan “ekologik xarakter”ni saqlash talabi esa maʼlumotlarning uzluksiz tahlili va tezkor boshqaruv choralarini talab qiladi. Amaldagi tartibda monitoring natijalari suv ajratish, yer ajratish yoki infratuzilma loyihalarini tasdiqlash jarayoniga bevosita bogʻlangan majburiy protsedural mexanizm sifatida toʻliq shakllanmagan. Shu bois, ekologik oʻzgarishlar haqidagi axborotni boshqaruv qarorlariga tezkor integratsiya qilish institutsional jihatdan yanada mustahkamlashni talab etadi.

Qiyosiy-huquqiy tahlil shuni koʻrsatadiki, ayrim davlatlar Ramsar majburiyatlarini milliy darajada bevosita ishlaydigan mexanizmga aylantirish uchun maxsus siyosiy-huquqiy instrumentlarni joriy etgan. Masalan, Avstraliyada Ramsar obyektlari milliy qonunchilikka integratsiyalashgan boʻlib, ular Environment Protection and Biodiversity Conservation Act 1999 doirasida “milliy ahamiyatga ega ekologik obyekt” sifatida eʼtirof etiladi [15]. Ushbu tizimda Ramsar hududlari uchun boshqaruv rejalarini ishlab chiqish va ularni “Australian Ramsar management principles”ga muvofiq holda baholash majburiy talablardan hisoblanadi [16]. Natijada “rejalashtirish-baholash-monitoring” zanjiri federal darajada huquqiy jihatdan mustahkamlangan.

Hindistonda esa botqoqli hududlar boshqaruvi Wetlands (Conservation and Management) Rules, 2017 asosida tartibga solinadi [17]. Mazkur qoidalar shtat darajasida vakolatli organlar tuzishni, inventarizatsiya yuritishni, boshqaruv rejalarini ishlab chiqishni hamda monitoring koʻrsatkichlari asosida davriy koʻrib chiqishni nazarda tutadi. Ramsar obyektlari umumiy wetlands boshqaruvi tizimi doirasida alohida eʼtibor obyektiga aylantirilgan.

Janubiy Afrika amaliyotida ham botqoqli hududlarni muhofaza qilish integratsiyalashgan ekologik boshqaruv modeli asosida amalga oshiriladi. National Environmental Management Act 1998 va milliy bioxilma-xillik siyosati doirasida rejalashtirish, ruxsat berish va monitoring jarayonlari oʻzaro bogʻlangan holda yuritiladi. Bu yondashuv suvli-botqoq hududlar boʻyicha qarorlarni strategik ekologik baholash mexanizmlari bilan uygʻunlashtirishga imkon beradi.

Umuman olganda, mazkur davlatlar tajribasi shuni ko'rsatadiki, Ramsar majburiyatlarining samarali implementatsiyasi uchun (1) maxsus boshqaruv prinsiplari, (2) majburiy boshqaruv rejalarini, (3) monitoring natijalarini ruxsat berish jarayoniga bog'lovchi protsedural mexanizm va (4) sektorlararo muvofiqlashtirishning normativ asoslari zarur. Bu tajriba O'zbekiston uchun ham suvli-botqoq hududlar bo'yicha integratsiyalashgan va protsessual jihatdan mustahkam model ishlab chiqish zaruratini ko'rsatadi.

O'tkazilgan normativ-huquqiy, institutsional va qiyosiy tahlillar O'zbekiston Respublikasida Ramsar konvensiyasi majburiyatlarining formal-huquqiy jihatdan tan olinganini hamda umumiy ekologik va tabiiy resurslar qonunchiligi doirasida muayyan implementatsiya asoslari shakllanganini ko'rsatadi. Ramsar ro'yxatiga kiritilgan botqoqli hududlarning mavjudligi, milliy hisobotlar taqdim etilishi va muhofaza etiladigan tabiiy hududlar instituti amal qilayotgani Konvensiyaning "ro'yxatga olish" va "hisobot berish" majburiyatlari bajarilayotganini tasdiqlaydi.

Biroq tahlillar shuni ko'rsatadiki, Ramsar konvensiyasining mazmuniy o'qi bo'lgan oqilona foydalanish tushunchasi milliy huquq tizimida yetarli darajada mezonlashtirilmagan va mustaqil normativ institut sifatida tizimlashtirilmagan. Amaldagi yondashuvda oqilona foydalanish umumiy ekologik prinsiplar resurslardan oqilona foydalanish, atrof-muhitga zarar yetkazmaslik, barqaror rivojlanish g'oyalari orqali ifodalanadi, biroq u botqoqli hududlarning ekologik xarakterini saqlashga qaratilgan aniq indikatorlar va huquqiy oqibatlar bog'langan mexanizm ko'rinishida mustahkamlanmagan. Natijada monitoring ma'lumotlari va ekologik ko'rsatkichlar boshqaruv qarorlarini avtomatik ravishda shakllantiradigan huquqiy triggerga aylanish darajasiga yetmagan. Shu munosabat bilan, Ramsar konvensiyasini samarali implementatsiya qilish maqsadida oqilona foydalanish tushunchasini normativ-huquqiy darajada quyidagi aniq mezonlar asosida belgilash maqsadga muvofiq:

Birinchidan, ekologik xarakter yaxlitligini saqlash mezonini. Har bir Ramsar obyektida ekologik xarakter tarkibiy elementlari (gidrologik rejim, suv sathi chegaralari, sho'rlanish ko'rsatkichi, asosiy bioindikator turlar populyatsiyasi) normativ hujjatda minimal va maksimal ruxsat etilgan chegaralar bilan belgilanishi lozim. Mazkur ko'rsatkichlar hudud boshqaruv rejasining ajralmas qismi bo'lishi shart.

Ikkinchidan, ekologik yuklama chegarasi mezonini. Botqoqli hududlardan xo'jalik, rekreatsion yoki suv xo'jaligi maqsadida foydalanish miqdoriy limitlar asosida amalga oshirilishi kerak. Suv olish, baliqchilik, chorva boqish, infratuzilma qurilishi kabi faoliyatlar uchun ruxsat etilgan yuklama darajasi ekologik sig'im (carrying capacity) hisob-kitoblariga asoslanishi lozim.

Uchinchidan, ehtiyotkorlik va oldini olish mezonini. Ramsar obyektida rejalashtirilayotgan har qanday loyiha majburiy ekologik ekspertizadan o'tkazilishi va uning ekologik xarakterga ta'siri baholanishi zarur. Salbiy oqibatlar ehtimoli mavjud bo'lsa, ruxsatnoma berilmasligi yoki qo'shimcha kompensatsion choralar ko'rilishi normativ darajada mustahkamlanishi lozim.

To'rtinchidan, moslashuvchan boshqaruv mezonini. Monitoring natijalari asosida boshqaruv rejimlarini o'zgartirish, vaqtinchalik chekllovlar joriy etish yoki faoliyatni to'xtatish mexanizmi huquqiy jihatdan belgilanishi zarur. Bu mezon oqilona foydalanishni dinamik va ilmiy asoslangan boshqaruv modeli sifatida talqin etadi.

Beshinchidan, sektorlararo muvofiqlashtirish mezonini. Ekologiya, suv xo'jaligi, qishloq xo'jaligi va hududiy boshqaruv organlari o'rtasida vakolatlarning aniq taqsimlanishi hamda qaror qabul qilishda majburiy kelishuv tartibi joriy etilishi lozim. Ramsar obyektlari bo'yicha qarorlar yagona boshqaruv platformasi orqali qabul qilinishi implementatsiya samaradorligini oshiradi.

Mazkur mezonlarning normativ mustahkamlanishi Ramsar konvensiyasi talablarini "indikator – boshqaruv rejimi – huquqiy oqibat" zanjiri asosida institutsionallashtirish imkonini beradi. Bu esa formal inkorporatsiya bosqichidan mazmuniy va tizimli implementatsiya bosqichiga o'tishni

anglatadi. Shunday qilib, O‘zbekiston Respublikasida Ramsar konvensiyasi majburiyatlari huquqiy asoslar bilan ta’minlangan bo‘lsa-da, oqilona foydalanish tushunchasini aniq indikatorlar, miqdoriy mezonlar va adaptiv boshqaruv mexanizmlari bilan boyitish implementatsiya samaradorligini sezilarli darajada oshiradi. Mazkur yondashuv botqoqli hududlarning ekologik barqarorligini ta’minlash, biologik xilma-xillikni saqlash va suv resurslaridan oqilona foydalanishning xalqaro-huquqiy talablarini milliy darajada to‘liq ro‘yobga chiqarishga xizmat qiladi.

IQTIBOSLAR/CHOCKI/REFERENCES:

1. Ramsar Convention Secretariat. (2002). Resolution VIII.14: New guidelines for management planning for Ramsar sites and other wetlands. Ramsar COP8. <https://www.ramsar.org>
2. Ramsar Convention Secretariat. (2020). National Report to COP14: Uzbekistan. <https://www.ramsar.org>
3. Ramsar Convention Secretariat. (n.d.). Country profile: Uzbekistan. <https://www.ramsar.org/country-profile/uzbekistan>
4. Ramsar Sites Information Service. (n.d.). Annotated list of Ramsar Sites: Uzbekistan. <https://rsis.ramsar.org>
5. Finlayson, C. M., & Davidson, N. C. (2018). The Ramsar Convention and ecosystem-based approaches to wetland management. *Marine and Freshwater Research*, 69(6), 973–985. <https://doi.org/10.1071/MF17040>
6. Davidson, N. C. (2014). How much wetland has the world lost? Long-term and recent trends in global wetland area. *Marine and Freshwater Research*, 65(10), 934–941. <https://doi.org/10.1071/MF14173>
7. Matthews, G. V. T. (2013). The Ramsar Convention on Wetlands: Its history and development. *Environmental Policy and Law*, 43(3), 125–132.
8. Gardner, R. C., & Finlayson, C. M. (2018). Global wetland policy and the Ramsar Convention. *Wetlands Ecology and Management*, 26(4), 579–593. <https://doi.org/10.1007/s11273-018-9598-1>
9. Sand, P. H. (2016). The effectiveness of international environmental agreements: The case of wetlands. *Review of European, Comparative & International Environmental Law*, 25(3), 343–352. <https://doi.org/10.1111/reel.12174>
10. Ziganshina, D. R. (2015). International water law in Central Asia: Commitments, compliance and challenges. *Water International*, 40(1), 96–112. <https://doi.org/10.1080/02508060.2014.985197>
11. Tobirov O.Q. Yer yuzasidagi suvli-botqoq yerlarning geografik taqsimoti. “GEOGRAFIYA FANINING DOLZARB MASALALARI: IQLIM O‘ZGARISHI, HUDUDYIY RIVOJLANISH VA TA’LIMDA INNOVATSION YONDASHUVLAR” MAVZUSIDAGI RESPUBLIKA ILMIY-AMALIY KONFERENSIYASI 23-24 MAY, 2025. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15633274>
12. Ramsar Sites Information Service. (n.d.). Annotated list of Ramsar Sites: Uzbekistan. <https://rsis.ramsar.org>
13. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi, 2023. <https://lex.uz>
14. O‘zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari bazasi. <https://lex.uz>
15. Australian Government. (2016). Australian Ramsar management principles and management planning requirements. Department of the Environment and Energy. <https://www.dcceew.gov.au/water/wetlands/ramsar>
16. Department of Climate Change, Energy, the Environment and Water. (2025). Ramsar wetlands of international importance: National framework and reporting obligations. Australian Government. <https://www.dcceew.gov.au>
17. Indian Wetlands. (n.d.). National framework for Ramsar site management in India. Ministry of Environment, Forest and Climate Change. <https://indianwetlands.in>

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

ISSN 2181-9416

DOI JURNAL: 10.34920/2181-9416/2026/2

2026-YIL